

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»
Исторический факультет
Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

**Воспитание и обучение истории в школе и вузе:
исторический опыт, современное состояние
и перспективы развития**

**Ежегодник. XX всероссийские
историко-педагогические чтения
Часть II**

Екатеринбург
2016

УДК 372.893+371.64/(082)
ББК 4426.63-286.2С56

Редакционная коллегия

Г.Е. Корнилов

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
(главный редактор)

З.И. Гузненко

кандидат исторических наук, профессор

В.Н. Земцов

доктор исторических наук, профессор

И.М. Клименко

кандидат педагогических наук, профессор

Г.А. Кругликова

кандидат исторических наук, доцент (отв. за выпуск)

Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2016. Часть II – 256с: табл., схемы.

В сборник включены материалы, представленные на XX всероссийские историко-педагогические чтения, состоявшиеся на историческом факультете УрГПУ 23-26 марта 2016 г. В ежегоднике представлены публикации, в которых рассматриваются актуальные теоретико-методологические, конкретно-исторические и методические аспекты воспитания и обучения. Обозначены актуальные проблемы отечественной истории в контексте современного отечественного образования, вопросы взаимоотношения человека и общества в странах Запада и Востока. Актуализированы теоретико-методологические и методические проблемы воспитания и обучения истории в школе и вузе. Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами истории, теории и методики обучения истории.

Education and training history at school and University: historical experience, modern state and prospects of development. Yearbook. XX all-Russian historical and pedagogical readings: collection of scientific papers. article / FGBOU VPO "Ural. state PED. University", Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS. Yekaterinburg, 2016. Part II – 256p., tabl., s

The collection includes the papers presented at the XX all-Russian historical and pedagogical readings held at the historical faculty of the Ural state pedagogical University, 23-26 March 2016 Yearbook publications, which address current theoretical and methodological, historical and methodological aspects of historical education. The topical problems of national history in the context of modern domestic education, questions the relationship between man and society in the West and the East. Updated theoretical-methodological and methodical problems of teaching and learning history in school and University. The publication is intended for researchers, University professors and school teachers, postgraduates and students interested in problems of history, theory and methods of teaching history.

ISBN 978-5-7186-0652-2

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2016

Содержание

Актуальные проблемы отечественной истории в контексте современного отечественного образования	
Михалев Н.А., Пьянков С.А. (Екатеринбург) ЧИСЛЕННОСТЬ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОС- СИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОЦЕНКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖ- НОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	6
Мельников Н.Н. (Екатеринбург) ПРОБЛЕМА ВЫПУСКА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА УРА- ЛЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	15
Мельникова Н.В. (Екатеринбург) ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОДЫ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА.	29
Микигюк В.П. (Екатеринбург) ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ЕКАТЕРИНБУРГА И СИСТЕМА НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О НА- ЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ)	37
Неклюдов Е.Г. (Екатеринбург) ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДПРИМАТЕЛИ В СОСТАВЕ УРАЛЬСКИХ ГОРНОЗАВОДЧИКОВ	46
Нефедов С.А. (Екатеринбург) О ПРИЧИНАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	53
Островкин Д.Л. (Екатеринбург) МЕДИЦИНСКОЕ И САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ПО- ЛОЖЕНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В НА- ЧАЛЕ 1930 – Х ГГ.....	57
Прищепа А.И. (Сургут) ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ РОЛИ ЛЕНД-ЛИЗА В ПОБЕДЕ СССР.....	65
Пухов Д.Ю. (Екатеринбург) ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКОЙ ПРЕССЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. (ПО МАТЕ- РИАЛАМ ВЯТСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ГУБЕР- НИЙ).....	68
Рукоусев Е.Ю. (Екатеринбург) ПОДГОТОВКА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА.....	76
Савичева Ю.О. (Екатеринбург) «РАБОТАЮЩАЯ МАТЬ»: ТРУДНОСТИ МАТЕРИНСТВА В ВОЕН- НОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРА- ЛА).....	80
Соколова Е. С. (Екатеринбург) НАУКА «ПРИКАЗНЫХ ДЕЛ»: О ПРАКТИЦИЗМЕ РОССИЙСКОЙ ЗАКОНАДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ XVIII СТОЛЕТИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	88

Союрова А.В. (Екатеринбург) СУРГУТСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВООПИИК В 1960- 1960-е – 1990-е ГГ.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	102
Сперанский А.В. (Екатеринбург) РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ.....	109
Трифонов А.Н. (Екатеринбург) ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ КАЧКАНАРСКОГО ГОРНО ОБОГАТИТЕЛЬНОГО КОМБИНАТА (1963 – 1972): МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ.....	115
Трофимов А.В. (Екатеринбург) СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА.....	121
Тюшняков С.М. (Екатеринбург) ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ И РАБОТНИКОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В Г. МОЛОТОВ (ЛЕТО – ОСЕНЬ 1941 Г.).....	129
Филатов В.В. (Екатеринбург) СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗАХ УРАЛА В 1930-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ МАГНИТОГОРСКОГО ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА).....	135
Филатов С.В. (Ростов-на-Дону) «ФОЛЬК-ХИСТОРИ» КАК УГРОЗА ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.....	144
Черезова О.Г. (Екатеринбург) ДОСТУПНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННОЙ ПОДВИЖНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI В.....	149
Черноухов Э. А. (Екатеринбург) ПЕРВЫЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГИМНАЗИЙ ЕКАТЕРИНБУРГА.....	155
Чернышева И.И. (Лесной) СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919 – 1923 ГГ.).....	159
Шумкина Т.Г. (Екатеринбург) ВОПРОС О ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА УРАЛЕ В ТРУДАХ НАУЧНО – КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).....	169

Человек, общество, история: Запад– Восток

Алексеева Е. В. (Екатеринбург) ИНДИЯ-ЕВРОПА-РОССИЯ: «ВЕЛИКИЙ СИТЦЕВЫЙ ПУТЬ».....	176
Гаврилов Д.В. (Екатеринбург) ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВО ИДЕОЛО- ГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ.....	185
Кузьмин В.А., Муратшина К.Г. (Екатеринбург) СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	196
Мезенцев В. Ф. (Нижний Тагил) ДЖОН ЛОКК И ЗАРОЖДЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЕВРОПЕ В НО- ВОЕ ВРЕМЯ.....	201
Огоновская И.С. (Екатеринбург) «ТРУДНЫЕ» УКРАИНСКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОСЫ (XIX - XVIII ВВ.) В НОВЫХ УЧЕБНИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТО- РИИ.....	208
Постникова А.А. (Екатеринбург) НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАН- СТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.....	227
Шистеров М.В. (Екатеринбург) РОМАНИЗАЦИЯ, РИМСКОСТЬ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН РИМСКОГО ИМПЕРИАЛИЗ- МА?.....	235
Яковлева Е.В. (Нижневартовск) О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРСА «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. ИСТО- РИИ ДРЕВНЕГО МИРА. 5 КЛАСС».....	239
Сведения об авторах	244

**Актуальные проблемы отечественной истории
в контексте современного отечественного образования**

**УДК 94 (470) «1914/1918»:314045 ГСНТИ 03.23.55
Код ВАК 07.00.02**

Н.А. Михалев, С.А. Пьянков
Екатеринбург

**ЧИСЛЕННОСТЬ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ОЦЕНКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, миграции, беженцы, статистика.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена статистическому измерению истории беженства Первой мировой войны в Российской империи. Военные действия стали причиной добровольного бегства или послужили поводом для принудительных выселений сотен тысяч жителей прифронтовых территорий. Авторы рассматривают основные подходы к определению общей численности беженцев, представленные в работах отечественных и зарубежных исследователей. Сделан вывод, что имеющаяся в распоряжении историков общенациональная статистика неизбежно носит оценочный характер и позволяет очертить лишь примерные масштабы беженства, которое могло затронуть от 5 до 15 млн чел.

N.A. Mikhalev, S.A. P'yankov
Yekaterinburg

**THE NUMBER OF THE WORLD WAR I REFUGEES IN THE
RUSSIAN EMPIRE: ESTIMATES OF NATIVE AND FOREIGN
HISTORIOGRAPHY**

KEY WORDS: World War I, migration, refugees, statistics.

ABSTRACT. The subject of the article is the statistical dimension of the refugees history of the World War I period in the Russian Empire. Military actions caused both voluntary escape and forced relocation of hundreds of thousands of people from the front-line territories. The authors studied most commonly used approaches towards the estimates of the total refugees

number in Russian and foreign literature on the subject. A conclusion was made that the available for historic research national statistics was inevitably based on rough estimates and could give only very tentative ideas of the scale of the refugeedom which could have affected from 5 to 15 million people.

Участие России в Первой мировой войне было сопряжено с массовыми миграциями населения. Военные действия вынудили оставить свои дома сотни тысяч жителей прифронтовых территорий. Хлынувшая в 1915 г. в тыловые районы страны волна беженцев не была однородной и включала различные категории мигрантов. Во-первых – это добровольные беженцы разных национальностей, покидавшие родные места под угрозой военных действий. Во-вторых, семьи служащих гражданских и тыловых воинских учреждений. Движение этих двух потоков стимулировалось тактикой русского верховного командования, прибегавшего при отступлении к тактике «выжженной земли», «очищая» от населения целые губернии. В-третьих, значительную группу составили так называемые «выселенцы», то есть представители ряда этнических групп, обвиненные в политической нелояльности и ведении шпионажа (прежде всего, немецкие колонисты и евреи) (См.: 15; 16; 17; 24; 18 и др.).

Массовое прибытие беженцев во внутренние губернии страны началось в июле – августе 1915 г. и в целом завершилось к концу года (16. С. 104). Согласно посуточным данным, полученным с 54 регистрационных пунктов, организованных в Европейской России местными комитетами Земского и Городского союзов, наибольшая интенсивность беженского движения была зафиксирована в сентябре, с середины которого объединенный Отдел по устройству беженцев союзов начал получать соответствующие сведения, и октябре. За эти полтора месяца через пункты прошло почти 5,7 млн чел., или в среднем по 148,9 тыс. в день в сентябре и 111,8 тыс. в октябре. Причем максимум пришелся на последнюю декаду сентября и первую половину октября, когда нагрузка на регистрационные пункты превышала 1 млн чел. Со второй половины октября интенсивность движения беженцев ослабевает (до 78,5 тыс. чел. в день), с ноября – резко падает (до 8,6 тыс. чел. в день), еще более снижаясь в декабре, когда пункты регистрировали в среднем по 1,7 тыс. беженцев в день (Подсчитано по: 9. С. 24-25.).

Собранные местными комитетами союзов сведения об «оседании» беженцев в тыловых регионах наглядно иллюстрируют процесс постепенного продвижения беженского потока вглубь страны: при сохранении и увеличении своего значительного присутствия в губерниях Европейской России и Урала с конца 1915 г. мигранты начинают обосновываться в Сибири, Средней Азии, а также на Кавказе. (1; 2).

Несмотря на то, что усилия, предпринятые Земским и Городским союзами, являлись по существу первой попыткой проведения регистрации беженцев в общеимперском масштабе, собранные ими данные проблему определения общей численности и состава беженского населения в полной мере не решили. Более того, стремления Земского и Городского союзов взять на себя объединяющие и координирующие функции в вопросе регистрации беженцев на общенациональном уровне были незамедлительно пресечены центральной властью. На очередном заседании Особого совещания по устройству беженцев при МВД 26 ноября 1915 г. единогласно было принято решение, что в деле регистрации беженцев должен быть только один центральный орган, а именно функционировавшее при Татьянинском комитете Центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев. Одновременно совещание категорически высказалось против параллельной регистрации беженцев, производимой структурами Земского и Городского союзов (11).

Одна из первых попыток определения общего числа беженцев в империи была предпринята Комитетом еще в конце 1915 г. и показала, что по состоянию на 20 декабря в губерниях Европейской России находилось 2706,3 тыс. беженцев (10. С. 47). Некоторое время спустя, после получения сведений о беженцах из Турции и Персии, оказавшихся на территории Кавказского наместничества, эта цифра была скорректирована (8. С. 18-21). Всего, по подсчетам Комитета, в конце 1915 – начале 1916 гг. общее количество беженцев в России должно было составлять 2943,8 тыс. чел. К 1 февраля 1917 г. их численность в абсолютном выражении увеличилась на 256,7 тыс., составив 3200,5 тыс. чел. (4. С. 11; 5. С. 10; 6. С. 12-13; 7. С. 7, 10).

Несмотря на то, что статистика, собранная усилиями Татьянинского комитета была более полной по сравнению со сводными данными, полученными Земским и Городским союзами, она также учитывала далеко не всех беженцев. На то, что реальная числен-

ность беженцев в России превышала приведенные цифры, указывал уже как сам Комитет, так и некоторые современники (З. С. 9; 20. С. 111). После революций 1917 г. вопрос об определении числа беженцев, порожденных пертурбациями военных лет, был актуализирован в связи с деятельностью созданной в конце 1920 г. при Наркомате здравоохранения РСФСР Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Согласно представленной в Комиссию докладной записке профессора Устинова, заведующего статистическим отделом НКВД, куда были переданы архивы Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, на хранении в отделе находилось «не менее 2½ миллионов» беженских карточек. После «предварительного ознакомления» с «беженским архивом» количество беженских карточек было определено уже как «более 3½ миллионов». Но даже и этот показатель, сопоставимый с данными Татьянинского комитета, отнюдь не отражал «действительных размеров беженской массы». По заключению автора записки, беженская картотека охватывала «данные приблизительно о 5 миллионах беженцев», т.к. «карточки, из которых она (картотека) состоит, включают в себе сведения о членах семьи» (14. С. 37). М.М. Гран, возглавлявший Комиссию Наркомздрава, критично отнесся к выводам Устинова, оценив принятый тем при расчетах средний размер беженской семьи в 2 человека как цифру «явно преуменьшенную». В соответствии с имевшимися в распоряжении Комиссии материалами переписи еврейских беженцев, осуществленной Еврейским комитетом помощи жертвам войны в 1916 г. в Полтавской, Нижегородской, Саратовской и Екатеринославской губерниях, средний размер беженской семьи определялся в 4 человека. Из осторожности снижая средний размер семьи «для всей массы беженцев» до 3 человек и принимая общую цифру зарегистрированных беженских семей в 3 млн, М.М. Гран приходит к общей численности беженцев примерно в 9 млн чел. Эта цифра, правда, также не являлась окончательной. Далее М.М. Гран указывает, что «регистрация беженцев в процессе ее осуществления обычно захватывала лишь “иждивенцев”, т.е. беженцев в той или иной мере пользовавшихся правительственной или общественной помощью; более состоятельная часть беженцев в период войны в значительной мере ускользала от регистрации». Так, например, согласно переписи еврейских беженцев, которой пользовалась Комиссия, такие «иждивенцы» составляли всего 55% всех беженцев. Кроме того, произве-

денная регистрация беженцев отличалась «крайней неполнотой» еще и в связи с тем, что она не затронула 40-верстную прифронтовую полосу, так как «формально в ней беженцам быть не полагалось, а в то же время эта прифронтовая полоса была наиболее густо населена беженцами, причем в этой именно полосе на долю их выпадали наиболее тяжкие страдания, лишения; здесь они большими массами болели и умирали, скрываясь в лесах, лишь бы быть поближе к своим разоренным насиженным очагам и гнездам». Учитывая названные обстоятельства, М.М. Гран заключает, что «беженство периода войны 1914–1917 гг. охватило массу населения по меньшей мере в 10, если не в 15 миллионов населения» (14. С. 37-38).

Общая критика данных Татьянинского комитета была поддержана и известным советским демографом Е.З. Волковым. Подобно М.М. Грану, он отмечает, что отказ «мало-мальски обеспеченных групп населения», имевших возможность самостоятельно найти «занятия и кров» во внутренних губерниях, от помощи «патронирующих организаций» и, следовательно, от регистрации в числе беженцев, стал одной из главных причин неточности текущего учета беженцев и их всероссийской переписи 1916 г. Запрет военных властей на проведение последней в прифронтовой полосе по данным Татьянинского комитета, на которые ссылается Волков, оставил «за пределами учета от 500 до 600 тыс. беженцев». Наконец, «чрезвычайная подвижность беженской массы» являлась еще одним обстоятельством, препятствовавшим ее адекватному учету (13. С. 69-70).

По расчетам Е.З. Волкова, основанным на результатах разработки Татьянинским комитетом материалов всероссийской переписи беженцев, «на вторую половину 1916 г. должно было бы находиться в пределах страны до 3969,2 тыс. беженцев-иждивенцев». Сюда им были включены 600 тыс. беженцев, находившихся в неохваченной переписью прифронтовой полосе, а также 121,5 тыс. беженцев, числившихся на пайковом снабжении патронирующих организаций, регистрационные карточки на которых в Комитет к концу 1916 г. так и не поступили. Эти 121,5 тыс. Е.З. Волков относит на «счет погибших от болезней и голода» и соответственно снижает полученный им вначале общий показатель численности беженцев до 3847,7 тыс. чел. против 2897,1 тыс. на начало 1916 г. В 1917 г. общее количество беженцев продолжает увеличиваться,

особенно во второй половине года после прорыва западных и кавказского фронтов летом этого года. На 1 января 1917 г. общее число беженцев, согласно Е.З. Волкову, возросло до 5255,5 тыс. чел. Вызванная июльским прорывом волна новых беженцев довела их общую численность до 6390,7 тыс. чел. (13. С. 72).

Помимо этого, исследователь считает необходимым включить в число беженцев выселенцев из западных областей России, «по преимуществу принадлежавших к жителям городских местностей, прибывавших во внутренние губернии бывшей империи и расселившихся также преимущественно по городам без того, чтобы официально регистрироваться в патронировавших беженское население организациях». Численность этой категории беженцев Е.З. Волков принимает в 17,8% от «патронируемого беженства» (без беженцев прифронтной полосы), исходя из определенного Татьянинским комитетом количества беженцев-горожан в общей массе «беженцев-иждивенцев» (без беженцев, находившихся в прифронтной зоне). Применяя этот коэффициент к промежуточным итогам своих расчетов, а также используя собственные коэффициенты интенсивности результатов военных действий за 1914 и 1915 гг., Е.З. Волков получает следующую погодную динамику численности беженцев за весь период войны (табл. 1). Причем, итоговую цифру общей численности беженцев к концу войны в 7421,4 тыс. чел. Волков, ссылаясь на более ранние расчеты М.М. Грана, склонен считать в большей мере «преуменьшенной, чем преувеличенной» (13. С. 71-72).

Таблица 1

**Скорректированные показатели динамики численности беженцев в
России в 1914-1918 гг.,
по данным Е.З. Волкова, тыс. чел. (13, С. 75)**

Погодная динамика прибытия		Аккумулятивные итоги по годам	
Годы на 1 января	Ежегодный прирост	За год	Общая численность
1914	–	1914	892,6
1915	892,6	1915	3306,0
1916	2413,4	1916	6084,2
1917	2778,2	1917	7421,4
1918	1337,2		

Поскольку в советской историографии проблема российского беженства периода Первой мировой войны специально не рассматривалась, то и вопрос об общей численности беженцев после выхода в 1930 г. работы Е.З. Волкова также не попадал в фокус специального внимания советских историков. При этом данные Волкова неоднократно приводились в ряде работ советских историков-демографов (19. С. 100; 12. С. 92-93).

Один из первых современных отечественных исследователей, обратившихся к проблеме российского беженства Первой мировой войны, А.Н. Курцев поставил корректность рассчитанных Е.З. Волковым показателей под сомнение, охарактеризовав сведения об итоговой численности беженцев (7,4 млн на лето 1917 г.) как завышенные. Опираясь на официальные статистические данные периода войны, А.Н. Курцев фактически солидаризуется с мнениями участников Пироговского съезда врачей 1916 г. и полагает, что к концу 1917 г. общая численность «перемещенных граждан в период Первой мировой войны в России» достигала 5 млн чел. По его мнению, эта цифра охватывает не только учтенные «жертвы войны», но и «незарегистрированных людей», мужчин-беженцев, мобилизованных в армию, новых беженцев 1917 г. (16. С. 98, 108).

Другой современный исследователь, английский историк Питер Гетрелл, также не считает методiku расчетов Е.З. Волкова полностью удовлетворительной. Он отмечает, что отнесение почти 900 тыс. чел. на вторую половину 1914 г. «не может быть оправдано, учитывая то, что известно о воздействии военных действий на гражданское население». К тому же, пишет Гетрелл, Волков, по видимому, преуменьшил размеры беженского перемещения в тече-

ние 1915 г. и преувеличил его масштабы в 1916 г. Спорным по Гетреллу является и предположение Волкова, что за первое полугодие 1917 г. число перемещенных лиц выросло более чем на 1,25 млн чел. Тем не менее, в отличие от А.Н. Курцева, П. Гетрелл принимает общий результат на июль 1917 г., к которому пришел Е.З. Волков (т.е. 7421,4 тыс. чел.), как вполне «обоснованный приблизительный показатель», сопоставимый с данными других источников (См.: 23. Р. 213; 21).

Итак, военные действия стали причиной добровольного бегства или послужили поводом для принудительных выселений сотен тысяч жителей прифронтовых территорий. Движение беженского населения приняло столь значительные размеры, что почти официально уподоблялось «второму великому переселению народов» (22. С. 37). Используемые для его описания метафоры («волна», «наводнение», «лавина», «саранча» и т.д.) не только подчеркивали внезапность и интенсивность последнего (23. Р. 200.). Они также недвусмысленно отражали отсутствие действенного контроля над этими миграционными потоками. Поэтому имеющаяся в распоряжении исследователей общенациональная статистика неизбежно носит оценочный характер и позволяет очертить лишь примерные масштабы беженства, которое могло затронуть от 5 до 15 млн чел., превратившись в один из факторов нараставшего социально-экономического и политического кризиса в стране.

Источники:

1. Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу декабря 1915 г. // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 30, 31. С. 158.

2. Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 мая 1916 г. // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 40. С. 114.

3. Деятельность Особого отдела Комитета ее императорского высочества // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 18. С. 9

4. Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 1. С. 11.

5. Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 4. С. 10.

6. Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 12-13

7. Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 19. С. 7, 10.

8. Несколько цифровых данных о беженцах на Кавказе // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 10. С. 18-21.

9. Отчет деятельности Отдела по устройству беженцев Всероссийского Земского и Городского союзов. Б.м., б.г.

10. Отчет о деятельности Особого отдела Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916.

11. Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. Пг., 1915.

Литература:

12. Брук А.С., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. 128 с.

13. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.-Л.: Государственное издательство, 1930. 273 с.

14. Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Т. 1. М., 1923. С. 9–46.

15. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.

16. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

17. Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России, 1914-1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42–53.

18. Первая мировая война // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / редкол.: Д. Брауденс, Х. Зундхаус, Ш. Требст; отв. ред. Д. Мешков. М.: РОССПЭН, 2013. С. 415–417.

19. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 270 с.

20. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М.: Дело, 1917. 214 с.

21. Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914 – 1922 гг. в контекстах новейшей отечественной и зару-

бежной историографий // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 3(20). С. 140–152.

22. Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) / Сост. А.Н. Яхонтов // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 5–137.

23. Gatrell P. Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. 317 p.

24. Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. Vol. 60. № 3 (Jul., 2001). P. 404–419.

УДК 94(470.5)»1941/1945»

ББК 369.78.2

ГСНТИ03.23.55

ВАК 07.00.02

Н.Н. Мельников

Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ВЫПУСКА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, экономическое развитие, производство строительных материалов, Великая Отечественная война.

АННОТАЦИЯ. В статье исследованы основные проблемы снабжения уральских промышленных предприятий строительными материалами. Проанализировано состояние производства стройматериалов в начальный период войны. На основе широкого круга источников, вновь вводимых в научный оборот, показаны масштабы и причины дефицита этих материалов.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-01-0036

N.N. Melnikov
Yekaterinburg

PROBLEM OF PRODUCTION OF CONSTRUCTION MATERIALS IN THE URALS IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

KEY WORDS. Brick, cement, glass, Urals, production, construction, war.

ABSTRACT. Article breaks off the main problems of supply of the Ural industrial enterprises with construction materials. The general analysis of a condition of production of building materials in an initial stage of war is given. On the basis of a wide range of the sources which are again introduced for scientific use scales and the reasons of deficiency of these goods are shown.

После начала Великой Отечественной войны, с конца августа 1941 г. на Урале начала действовать комиссия Академии наук (АН) СССР. Главная задача, которая была поставлена перед комиссией, – изучение возможностей использования уральской экономики на нужды обороны. По итогам её работы к ноябрю 1941 г. был подготовлен доклад, включивший в себя индустриальное положение региона к осени 1941 г. и перспективы развития на 1942 г. следующих отраслей экономики: черная и цветная металлургия, производство огнеупоров, флюсов и стройматериалов, лесохимия, топливоснабжение, электроэнергетика, водное хозяйство, железнодорожный транспорт, сельское хозяйство. К сожалению, в доклад не вошли такие отрасли как машиностроение, металлообработка, химическая промышленность в целом и резинотехническая в частности, автотранспорт и сеть автомобильных дорог.

Относительно выпуска строительных материалов содержались следующие сведения. В 1941 г. на Урале действовали 3 цементных завода: Невьянский и Катав-Ивановский (шлакопортландцемент), Сухоложский (портландцемент). Вводился в строй Пашийский завод глиноземистого цемента. Кроме того, действовали помольные установки на Нижнесалдинском и Магнитогорском заводах. Общее производство этих мощностей в 1941 г. оценивалась в 500 тыс. т по обжигу и 815 тыс. т по помолу цемента.

Комиссия утверждала, что увеличение мощности на существующих заводах и запуск новых производств позволит увеличить

выпуск готового цемента в 1942 г. примерно в полтора раза. При этом указывалось, что при резком росте потребности в цементе необходимо будет построить два-три новых завода в районе Челябинска, Губахи и Карпинска. Основой этого строительства должны стать эвакуированные предприятия.

Важным ресурсом для строительных материалов в то время были гранулированные доменные шлаки, которые производили, как правило, металлургические заводы. Помольные установки были на Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК), Серовском, Нижнетагильском им. Куйбышева, Нижнесалдинском, Чусовском и Ашинском заводах. Общее производство составило в 1941 г. 342 тыс. т гранулированных шлаков. В то же время потребность цементных заводов в этом материале составляла 460 тыс. т. Следовательно, образовывался дефицит шлаков для цементной промышленности региона в 108 тыс. т.

Но потребность в гранулированных шлаках была гораздо шире только производства цемента. Шлаки широко использовали для различных строительных целей – стеновые материалы изготавливались, в том числе из шлакобетонных блоков. По ориентировочным подсчетам комиссии, эта потребность выражалась в 1200 тыс. т. Соответственно, мощность уральских помольных гранустановок покрывала потребность региона не более чем на 30%. Пути увеличения их выпуска комиссия предлагала искать в форсированном строительстве гранустановок на Новотагильском, Магнитогорском и Серовском заводах (З. Д. 159. Л. 61–64).

Следующий строительный материал, который рассматривала комиссия, – производство кирпичей. Основной проблемой, которую выявил доклад, была высокая степень распыленности кирпичных заводов между различными ведомствами и высокая дифференциация мощностей предприятий. Наряду с крупными механизированными промышленными площадками, выпускавшими кирпичи десятками миллионов штук, существовало множество мелких полкустарных заводиков, работавших преимущественно сезонно и дававшими не более 1–2 млн штук.

Еще одна проблема – это диспропорции внутри самих предприятий между прессовым, сушильным и печным хозяйством. Например, на Ирбитском диатомитовом комбинате (ИДК) производственные мощности прессового хозяйства, по мнению комиссии, позволяли выпускать до 78,6 млн штук кирпича, сушильного – до

60,0 млн, а печного – 71,4 млн. Примерно такой же разрыв был на свердловском заводе «Новострой» – 75,1 млн, 61,2 млн и 85,7 млн штук соответственно. Таким образом, основной проблемой стал процесс сушки кирпича (З. Д. 159. Л. 64–65).

В докладе комбинат назывался «Ирбитским кирпичным заводом». Но в действительности по состоянию на осень 1941 г. в Ирбите существовало два предприятия, выпускавших эту продукцию: диатомитовый комбинат Наркомата стройматериалов и кирпичный завод Наркомата путей сообщения (НКПС) СССР. Первый выпускал в основном легковесный сплошной кирпич, а второй – трепельный кирпич. Последний обладал одной важной особенностью – такой кирпич очень сильно боится влаги, под воздействием которой быстро разрушается. Завод был в своих производственных возможностях гораздо скромнее комбината: в самом результативном 1941 г. он выпустил почти 10 млн штук. Поэтому, когда комиссия говорила о «Ирбитском кирпичном заводе», нам необходимо понимать, что в действительности это ИДК.

Производственные возможности диатомитового комбината были, мягко говоря, сильно преувеличены комиссией. Указанного уровня производства предприятие смогло достигнуть только в 1936 г., когда с января по сентябрь было выпущено 50 млн кирпичей (1. Ф. Р-985. Оп. 1. Д. 57. Л. 60). Но впоследствии выпуск резко упал. Комбинат был пущен в строй в 1931–1932 гг. и состоял из диатомитового карьера, завода №1 и завода №2, спроектированных по одной технологической схеме. Однако из-за большого количества ошибок, допущенных при строительстве, оборудование и здания комбината стали в буквальном смысле разваливаться.

В октябре 1938 г. завод №1 был полностью законсервирован. За предшествующий период эксплуатации была разрушена печь №2, ветхость перекрытий над сушилками и формовочным цехом достигла предела, к тому же надпечные сушилки грозили обвалом. Уже летом 1941 г. на основе площадей завода №1 ИДК и перемещенных мощностей Ленинградского фарфорового завода им. М. В. Ломоносова стало формироваться автоизоляционное производство.

Завод №2 еще продолжал свою работу, но и его состояние было достаточно тяжелым: большинство фундаментов зданий и оборудования было выложено из трепельного кирпича. Уже к осени 1941 г. они были частично разрушены, а некоторое оборудование или было частично разрушено, или требовало капитального ремонта:

агрегат №4 формовочного цеха из-за разрушения фундамента был демонтирован; часть оборудования сушильного цеха находилась в аварийном состоянии и требовала капитального ремонта; в цехе обжига из двух печей ЗИГ-ЗАГ по 1600 куб. м одна находилась в аварийном состоянии (разрушена торцевая сторона), а половина второй печи была выведена на капитальный ремонт (1. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 79. Л. 1, 8–10).

Поэтому реальные возможности диатомитового комбината (или Ирбитского кирпичного завода – по мнению авторов доклада комиссии АН СССР) были в два раза ниже. План на 1941 г. составлял для предприятия по обжигу только 30 млн штук кирпича, который комбинат успешно выполнял в течение всего года (1. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 79. Л. 2). Осенью 1941 г. ИДК начал принимать на площадку завода №2 эвакуированный Константиновский завод «Автостекло» (Донбасс) (1.Ф. Р-985. Оп. 1. Д. 57. Л. 79–80). С этого момента был полностью изменен профиль предприятия. С начала 1942 г. оно стало называться Ирбитский стекольный завод, основной продукцией которого стали броневое стекло для бронетехники и самолетов, стекла для прожекторов, жидкое стекло для изготовления электродов, керамические изоляторы свечей для двигателей, фарфоровая посуда и другое. Соответственно, выпуск кирпичей (в основном термоизоляционных, а не как ранее строительных) находился все годы войны на уровне 4–6 млн штук в год (2). Примерно в таком же объеме выпускал свою продукцию в военные годы Ирбитский кирпичный завод НКПС.

Но самое главное, что потребность в кирпиче в регионе на 1941 г. оценивалась в 1100 млн штук, а могло производиться по очень оптимистичным подсчетам комиссии только около 800 млн (реально гораздо меньше). По оценке авторов доклада, потребность в кирпиче в следующем году должна была возрасти до 1500 млн штук. Тем самым разрыв между производством и потребностями увеличивался более чем в два раза!

Покрывать этот разрыв предлагалась тремя путями. Во-первых, устранение дисбаланса между прессовым, сушильным и печным хозяйством, что позволит дать дополнительно около 200 млн штук. Во-вторых, использованием заменителей кирпича для стеновых панелей (гипсовые и шлаковые блоки), что по расчетам могло дать экономию в 250 млн кирпичей (но шлаковые блоки были в дефиците!). В-третьих, построить 5–6 новых кирпичных заводов общим

производством в 250 млн штук в районе Серова, Челябинска, Нижнего Тагила, Магнитогорска и Молотова (З. Д. 159. Л. 65–66).

Стекольная промышленность на Урале в довоенный период практически отсутствовала. Существовало только 4 полукустарных производства по изготовлению стеклянной тары. В первые месяцы войны началось строительство первого на Урале механизированного завода по изготовлению листового стекла. К сожалению, источник ограничивается только этой информацией и не дает ни названия, ни характеристики хода строительства этого предприятия. В качестве пожелания комиссия говорила о целесообразности строительства трех стекольных заводов в районе Нижнего Тагила, Магнитогорска и Златоуста на 4–6 т стекла в год (З. Д. 159. Л. 66–68).

Однако логика развития производства строительных материалов, вопреки мнению комиссии АН СССР, стала развиваться в совершенно ином направлении. В Свердловской области (на тот момент один из самых насыщенных регионов по количеству промышленных объектов в стране с учетом временного выбытия западных предприятий) четко обозначился катастрофический спад производства одного из основных строительных материалов – кирпича. Всего в области насчитывалось 110 заводов, выпускающих кирпичи. На середину 1943 г. их мощность оценивалась в 290–356 млн кирпичей в год. Даже приблизиться к такому уровню выпуска не удавалось ни разу за все военные годы. В 1941 г. (с учетом довоенного полугодия) кирпичные заводы области смогли выпустить самое большое количество этого стенового стройматериала – 187 млн штук кирпича, в 1942 г. – 92,5 млн штук при плане в 263,7 млн. План выпуска на первое полугодие 1943 г. составил 51,6 млн штук, но заводы смогли изготовить только 11,8 млн. Это был крайне низкий показатель, поскольку минимальная потребность в кирпиче в первой половине 1943 г. оценивалась в 150 млн штук (З. Д. 414. Л. 122–123). Следовательно, реальное производство составило менее 8% от существовавших потребностей.

Всего за 1943 г. область смогла выпустить 74,8 млн штук (менее 50% от плана – подсчитано автором) (З. Д. 623. Л. 83об). Фактически это были производственные мощности одного только завода «Новострой» в довоенный период. Резкий рост производства во второй половине 1943 г. был вполне оправдан, поскольку в изготовлении кирпичей, как нигде, более важную роль играл сезонный фактор. Летний период максимально использовался для добычи

сырья (велась преимущественно ручным способом) и сушки кирпичей без специального оборудования. Именно на это время года приходилась активная часть работы кирпичных полукустарных «заводиков» местной промышленности и промкооперации. Правда, их доля была весьма невысока: за 1943 г. они суммарно дали только 3,5 млн кирпичей из 74,8 млн, или менее 5% (З. Д. 414. Л. 83). Даже с учетом полного выполнения плановых заданий (а эти производства смогли изготовить менее половины от запланированного объема продукции) местные и промкооперативные организации не могли радикально повлиять на общий валовой выпуск кирпичей в области.

Небольшой рост выпуска кирпичей в Свердловской области обозначился только в 1944 г., когда все кирпичные заводы области смогли суммарно изготовить 83 млн штук. Правда, и в этом случае план оказался выполнен лишь наполовину. Всего ожидалось производство 160–165,5 млн штук (З. Д. 623. Л. 84, 194).

При соотношении запланированного и фактически выпущенного кирпича нужно всегда понимать, что эти цифры будут далеки от реальной потребности региона в стеновых материалах. При планировании и составлении баланса уровня выпуска красного кирпича в конце 1944 г. на предстоящий год Уполномоченный Госплана И. Крутиков исходил из потребности всего строительного комплекса Свердловской области в 302 млн штук кирпича. Будучи большим оптимистом, он подсчитал, что кирпичные заводы свердловщины смогут выпустить в 1945 г. 183 млн штук. Но в то же время представитель Госплана, насколько это было возможно, где-то глубоко в душе остался реалистом. Опыт предыдущих лет какого-либо оптимизма не внушал: в предыдущий военный период валовый объем производства находился на уровне 70–90 млн штук в год. И. Крутиков предлагал образовавшийся дефицит (а он ни много ни мало составлял почти 40% – подсчитано автором) покрывать за счет масштабного расширения производства кирпичных заменителей – шлакоблоков. Они были в разы дешевле кирпича, изготовление несложных установок позволяло быстро нарастить их выпуск (З. Д. 623. Л. 193–200).

Завод «Главвоенпромстрой» УралОВСУ разработал специальную установку, которая выпускала за одну рабочую смену 1 тыс. шлакоблоков (7 тыс. условных кирпичей). Но дальше И. Крутиков опять превращался в оптимиста и считал, что область, при условии

принятия «шлакоблочной» программы, сможет в течение года выпустить этих стеновых материалов на 119 млн штук условных кирпичей. Отчасти его планы подтверждались тем, что в IV квартале фактическое производство шлакоблоков превысило план в полтора раза: вместо запланированных 20,3 млн штук удалось произвести 30,5 млн (З. Д. 623. Л. 194).

Уполномоченный Госплана по Свердловской области был красочно осведомлен о состоянии дел в региональной промышленности. Он, как никто другой, представлял себе реальные возможности среднеуральских кирпичных заводов. Однако, вышеописанная программа – это суммарные потребности промышленных предприятий и строительных организаций области на предстоящий 1945 г. В своих «лучших» традициях советское руководство составляло производственные планы, резко превышающие реальные возможности заводов. Решение проблемы обеспечения уральского строительства за счет увеличения выпуска шлакоблоков было заранее обречено на провал, поскольку изготовление заменителей кирпича должно было идти не вместо кирпичей, а параллельно с ним. Другими словами, И. Крутиков предлагал, не сокращая основного производства (оно должно было только увеличиться), создать в регионе фактически новую отрасль производства строительных материалов. Таких возможностей и ресурсов у региональной промышленности просто не было.

С одной стороны, кирпичная промышленность сочетала в себе такие вполне современные предприятия, как «Новострой» и Ирбитский завод НКПС, способные выпускать по несколько миллионов штук кирпичей в год. А с другой стороны, в Уральском регионе существовало огромное количество небольших сезонных кирпичных заводиков местной промышленности и промкооперации. Следовательно, те процессы, которые будут протекать на Ирбитском заводе и «Новострое», станут определяющими для всей кирпичной промышленности региона. В силу сезонности работ в этой отрасли доля «Новостроя» в общем выпуске кирпича различалась в зависимости от времени года. В целом за 1943 г. завод дал менее 18% всей продукции области, тогда как за I квартал 1944 г. – уже более 22% (З. Д. 623. Л. 83).

Только к концу 1943 г. – началу 1944 г. были решены многие (но далеко не все) проблемы свердловского кирпичного завода. Рабочие «Новостроя» в продовольственном снабжении были отнесе-

ны к особому списку, а значит, стали иметь потенциальную возможность получать улучшенное питание. Заводу были обеспечены лимиты электроэнергии и топливные фонды (случай достаточно редкий для военного времени в отношении невоенного производства). Однако это не позволило кардинально переломить ситуацию для завода.

И. Крутиков утверждал, что основная проблема всей кирпичной промышленности – катастрофический недостаток кадров. К этому добавлялись нехватка запасных частей и как следствие плохой ремонт оборудования. «Новострой» был самым передовым предприятием Урала в данной сфере: он имел современное техническое оснащение в отличие от большого количества мелких полукустарных предприятий промкооперации и местной промышленности. В период войны завод резко снизил выпуск кирпичей с 56 млн штук в 1941 до 30,8 млн в 1942 г. и 13,3 млн в 1943 г. К первой половине 1944 г. из двух производственных очередей реально работала только одна и только в одну смену (вместо двух). Но даже для этого объема работ кадры оставались большим дефицитом. Из необходимых 550 человек формально на заводе числилось 307, а реально работало – 225 человек. Поэтому даже для запуска только второй смены требовалось еще как минимум 250 человек. Но и это еще не все. Большинство работников были временными кадрами, которых предприятия-потребители присылали на кирпичный завод для выполнения своей программы (З. Д. 623. Л. 84).

В еще более сложном состоянии находился все военные годы Ирбитский кирпичный завод. Его проблемы не были разрешены даже частично. При общей годовой потребности 5404 т условного угля (около 9 тыс. т в натуральном выражении – завод мог рассчитывать только на поставку местного низкокалорийного топлива) предприятие в течение 1942–1944 гг. получило менее 19%. Основным источником поставок топлива в 1943 и 1944 гг. стали потребители завода, которые суммарно предоставили большую часть угля. Именно за счет этого на Ирбитском заводе НКПС в итоге топливная обеспеченность находилась на уровне 30% от плана. Но уже в ноябре 1944 г. поставки угля практически полностью прекратились, и как минимум до начала декабря (а возможно и дольше) завод вынужденно простаивал. Соответственно, все военные годы Ирбитский завод находился на достаточно низком уровне выпуска основной продукции. Если в 1941 г. было выпущено почти 10 млн штук

кирпича, в 1942 г. – менее 5 млн, в 1943 г. – менее 6 млн, а за 1944 г. – менее 3млн (З. Д. 619. Л. 358–359, 362).

Как и «Новострой», Ирбитский завод НКПС вынужден был использовать работников потребителей. Этот контингент составлял около четверти всей рабочей силы на заводе в 1943 и 1944 гг. Именно дефицит рабочей силы стал главным фактором плохой работы предприятия. Из-за отсутствия угля завод простоял в общей сложности 135 пресс-смен, тогда как за счет отсутствия рабочей силы – 360 пресс-смен. Но в отличие от «Новостроя» в Ирбите основные «коренные» рабочие кирпичного предприятия как минимум до конца 1944 г. так и не получили статуса работников военного производства. Продовольственные карточки они получали по категории «служащие». Это означало, что работники завода при тяжелых физических нагрузках гарантированно не получали необходимый суточный объем калорий (З. Д. 619. Л. 359–362).

Примечательно, что в создании трудной производственной ситуации, власть всегда пыталась обвинить само руководство завода. В своем постановлении в середине марта 1942 г. Ирбитский райком партии констатировал, что в течение предыдущих двух месяцев Ирбитский кирпичный завод выполнял менее половины от месячной программы, в основном по причине отсутствия топлива и электроэнергии. Но вся вина была возложена на руководство предприятия: «Все эти недостатки явились следствием безответственного отношения директора завода тов. Казанцева и секретаря парторганизации тов. Рубинштейн, которые не занимались по-настоящему работой завода и довели его до такого позорного состояния» (1. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 32. Л. 110).

В качестве одной из мер, которая потенциально позволяла бы решить проблему кадров, могло стать использование труда заключенных ГУЛАГа. И. Крутиков предложил организовать при «Новострое» колонию на 150 заключенных (З. Д. 623. Л. 84) (данные об организации на заводе колонии обнаружить пока не удалось – примечание автора).

Несмотря на отдельные положительные моменты развития «Новостроя», тем не менее все кирпичные заводы, как Свердловской области, так и уральского региона, страдали общими проблемами вплоть до конца войны: некомплект рабочей силы и дефицит топлива. Что приводило к резкому падению производства, чаще

всего в два-три раза, а иногда и более (1. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 32; 3. Д. 623. Л. 195).

Примерно в схожем состоянии находилась цементная промышленность. Сухоложский цементный завод весь 1942 г. и как минимум первую половину 1943 г. проработал крайне неудовлетворительно. При условии нормального снабжения предприятия ресурсами цементный завод мог выпускать до 210 тыс. т цемента в год, но в течение этого периода он «больше стоял, чем работал». В первой половине 1942 г. завод не работал из-за отсутствия топлива. С середины 1942 г. добавились другие проблемы: постоянный дефицит электроэнергии. При нормальном снабжении предприятия в 2500 кВт цементный завод не получал и 1400 кВт. Чаще всего он работал с ограничениями в 500, 400 и даже 50 кВт (3. Д. 414. Л. 50–51).

Цементные заводы Свердловской области в середине 1943 г. фактически остановились из-за недостатка гранулированного шлака. Например, обком ВКП (б) приводил следующие данные: завод им. Серова должен был отгрузить Невьянскому цементному заводу 9,5 тыс. т гранулированного шлака, но реально цемзавод получил менее 1 тыс. т. (3. Д. 385. Л. 11). Добавлялась проблема железнодорожных перевозок: в течение I квартала 1943 г. железная дорога «совсем не возила строительных материалов» (3. Д. 414. Л. 46). Следовательно, производство строительных материалов в регионе находилось в таком плачевном состоянии, что промышленность Урала была обречена на постоянный дефицит этой продукции. Положение усугублялось неудовлетворительной работой железной дороги, которая не могла вовремя обеспечить как доставку топлива на предприятия, выпускавшие строительные материалы, так и доставку строительных материалов потребителям.

В военные годы стал действовать уже упоминавшийся Ирбитский стекольный завод, который выпустил с 1942 по 1945 гг. около 92 тыс. кв. м оконного стекла, причем более половины от произведенного пришлось на последний год (2).

Именно в силу недостатка стеновых материалов единственным доступным материалом для строительства (прежде всего жилищного) был лес-кругляк, который обязательно должен быть заготовлен где-то неподалеку от стройки (иначе возникали проблемы с его транспортировкой). Например, трест «Свердлпромстрой» для нужд строительства на Уральском заводе тяжелого машиностроения и

заводе №76 Наркомата танковой промышленности (НКТП) зимой 1942–1943 гг. настоял на выделении лесосеки именно в Верхнепышминском районе (т. е. рядом с этими предприятиями) на 25 тыс. куб. м, иначе у него неизбежно возникали проблемы с его доставкой на стройплощадки (З. Д. 414. Л. 6,7).

Есть несколько условий правильной заготовки бревен для строительства. Первое – лес нужно рубить в зимний период, когда дерево менее всего пропитано влагой. Если бревна заготавливали в другой период, то это гарантированно приводило к тому, что дерево было напитано влагой. Второе – лес нельзя использовать в строительстве сразу после заготовки. Этот строительный материал, даже срубленный зимой, должен просохнуть (отлежаться) в течение достаточно длительного времени. Без соответствующей просушки бревна будут обязательно трескаться и нарушать свою геометрию. Чаще всего времени и технических возможностей для этой процедуры у уральских строителей не было, поэтому здания часто строились из свежесрубленного леса. Следовательно, уже к следующей зиме стены барачков, а именно для них чаще всего использовался лес-кругляк, покрывались щелями, через которые наружу выходило тепло.

Такое положение означало, что основные строительные материалы в годы войны стал крайне дефицитным товаром. Это отразилось и на промышленном, и на жилищно-бытовом строительстве в регионе. Особая строительно-монтажная часть (ОСМЧ) «Уралмашстрой», которая осуществляла строительные работы на многих основных промышленных площадках области, постоянно испытывала острый дефицит стройматериалов. На работы по заводу №50 НКТП за первую половину 1944 г. ОСМЧ получила только 150 т цемента из необходимых 400, но совершенно не имела кровельных материалов (необходимо было 420 рулонов толя) и стекла (2,5 тыс. кв. м). И точно также отсутствовали стройматериалы по другому свердловскому объекту. «Уралмашстрой» не мог продолжать работы на свердловском подшипниковом заводе из-за отсутствия 700 т цемента, 16 тыс. кв. м кровельных материалов, 4,8 тыс. кв. м оконного стекла и т. д. (З. Д. 623. Л. 104–105).

Кроме того, у ОСМЧ «Уралмастроя» существовала другая программа, которая была гораздо шире свердловских объектов. Предполагалось значительное расширение завода №183 и некоторые работы по другим площадкам области (Алапаевская ГЭС и Алапа-

евский металлургический завод, завод №767 НКХП, строительство шоссейной дороги Уралвагонзавод – Нижний Тагил и др.). Для выполнения этой программы соотношение необходимого объема стройматериалов и имеющегося в наличии было следующее (по состоянию на начало июля 1944 г.) (З. Д. 623. Л. 108):

Материалы	Требуется	В наличии
Гвозди	147 т	0,4 т
Проволока	38,6 т	0,6 т
Лес круглый	58000 куб. м	274 куб. м
Лес пиленный	41000 куб. м	58 куб. м
Кирпич красный	2555 тыс. шт.	25 тыс. шт.
Стекло	18000 кв. м	Нет

Все необходимые наряды были выписаны, но их обеспечение не производилось. Следовательно, строительно-монтажная часть «Уралмашстрой» изначально была поставлена в ситуацию, когда выполнить весь объем работ было невозможно в силу недостатка стройматериалов.

Пытаясь найти выход из сложившегося положения, местные и центральные власти пытались возложить изготовление кровельных, стеновых и отделочных материалов, скобяных и других изделий на сами промышленные предприятия и строительные организации. ОСМЧ «Свердлпромстрой» должна была еще в конце 1942 г. построить собственный кирпичный завод на 17 млн кирпичей в год. Однако вплоть до конца войны этого сделать не удалось (З. Д. 623. Л. 195). У «Свердлпромстроя» для подобного строительства отсутствовали производственные и кадровые возможности.

Дефицит материалов был таков, что жилищное строительство (которое было по определению вторично по отношению к промышленному) по всему региону обеспечивалось, как правило, не централизованными нарядами, а силами собственных подсобных хозяйств самих предприятий и организаций, для которых возводилось жилье. В конце июля 1944 г. Управляющий Свердловской областной конторой Промбанка М. Андриевский в своем докладе руководству Промбанка и первому секретарю Свердловского обкома А. В. Андрианову о ходе жилищного строительства в области прямо указывал на это: красный кирпич, пиломатериалы и бутовый кирпич изготавливают подсобные производства. В качестве примера он указывал, что на Уральском алюминиевом заводе стали делать кровельные материалы из пустой жестяной тары из-под каустика; трест «Уралмашстрой» сам изготавливал все стеновые мате-

риалы, металлические, железобетонные и деревянные конструкции. В качестве контрпримера приводилось Управление капитального строительства завода №183 НКТП, где все подсобные предприятия уже более года находились в стадии проектирования. М. Андриевский указывал, что все стройки области испытывают недостаток стекла, изготовить которое промышленные предприятия были не в состоянии (З. Д. 623. Л. 139).

Казалось бы, самообеспечение предприятий это тот выход, который позволит решить или значительно снизить проблему обеспечения уральской промышленности строительными материалами и огнеупорами. Но в условиях войны подобная практика приводила к еще большому распылению одного из главных дефицитных ресурсов – кадрового. Более того, предприятия, которые строились и функционировали на выпуске определенного вида узкой продукции (огнеупоров, красного кирпича, скобяных изделий и т. д.), в таких условиях оказывались не у дел. Их оборудование не могло эффективно использоваться, а вместо него приходилось создавать новые подобные мощности на крупных заводах.

Таким образом, доклад комиссии Академии наук СССР в целом дал правильную, хоть и несколько завышенную характеристику развития уральского производства строительных материалов: регион испытывал их острый дефицит. Все проблемы, которые были обозначены комиссией, еще больше проявились в условиях военного времени. Однако, пути дальнейшего развития этого сегмента промышленности были оценены неверно. Особенности развития советской индустрии не позволили уделить выпуску кирпичей, цемента и стекла достаточно внимания. На основе дефицита топлива, энергоресурсов и кадров производство стройматериалов не только не увеличилось, но как раз резко сократилось. В то же время восполнить недостаток местных ресурсов поставками из других регионов страны не было возможно: даже при условии их наличия железнодорожный транспорт не справлялся со своими задачами в рамках существовавших маршрутов и номенклатуры перевозок. Следовательно, строительная сфера Урала все военные годы вынуждена была существовать в условиях тяжелого дефицита стройматериалов.

Источники:

1. Государственный архив в г. Иrbите.

2. Ирбитский историко-этнографический музей.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31.

УДК 94(47)

ББК 789.561

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК07.00.02

Н.В. Мельникова

Екатеринбург

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОДЫ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА²

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: атомный проект СССР, коммуникация, информационные коды

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются официальные и неофициальные информационные коды коммуникативного пространства советского атомного проекта, которые обеспечивали его секретность и формировали корпоративную культуру «атомной» социальной общности.

N.V. Melnikova

Yekaterinburg

INFORMATION CODES OF THE SOVIET NUCLEAR PROJECT

KEY WORDS: nuclear project of the USSR, communication, information codes

ABSTRACT. The article analyzes official and informal information codes of the Soviet nuclear project's communicative space, which provided its secrecy and formed corporate culture of a «nuclear» social community.

Информационное поле советского атомного проекта было насыщено разного рода зашифрованной информацией, условными названиями и ложными (отвлекающими) предметами. Формировались специфические информационные коды, одни из которых были

² Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00053.

частью системы по охране гостайны (назовем их «официальные»), другие стихийно появлялись в повседневном дискурсе. В этом закодированном пространстве приспособлялись жить люди, используя официальные коды и изобретая собственные, преодолевая или игнорируя семантические помехи.

Все, что так или иначе было связано с созданием атомного оружия, именовалось в документообороте «специальными работами», а непосредственно создание атомной бомбы – «проблемой № 1». «Специальными» назывались совещания и комиссии, решения и постановления, исследовательские группы и лаборатории, кадры и отдельные лица, приборы, установки и оборудование, помещения, охрана, счета, литература и т.д. Данная формулировка не только скрывала то, что являлось государственным секретом, но и подчеркивала особый статус этой деятельности.

Все производственные единицы проекта считались «объектами». Это было общее наименование, маркирующее их как поле приложения сил и действий. Институты, лаборатории и заводы имели номера: Лаборатория № 2, НИИ-9, завод № 817, КБ-11. Эти названия различались в зависимости от того, для кого предназначалось их употребление (внутри Первого главного управления, между министерствами и ведомствами, для местных организаций), и изменялись во времени. В переписке по ведению транспортных и финансовых операций с поставщиками материалов и оборудования Первое главное управление должно было именоваться «Главгорстрой СССР», а подчиненные ему предприятия и учреждения получали названия «база», «склад» или «контора». Эти обозначения должны были, видимо, вызывать ассоциацию с какими-то очень приземленными, обычными, рядовыми заведениями. Часто и весь закрытый город, построенный для обслуживания градообразующего «атомного» предприятия, назывался словом «объект».

Кроме реальных объектов строились ложные заводы и комбинаты, предназначенные для отвлечения внимания от действительных. Так «атомный комбинат по производству плутония» в районе г. Усть-Каменогорска в действительности был предприятием по переработке бериллиевых руд, «диффузионный комбинат» в 140 км от Куйбышева – заводом точных приборов, «завод по сборке атомных бомб» в Приморском крае – химическим заводом по производству урановых концентратов (14. С. 652).

В документах наименования секретных химических элементов,

сырья, терминов и производственных методов либо пропускались при наборе текста секретарями-машинистками и потом вписывались от руки теми, кто имел доступ к этой секретной информации, либо заменялись на условные обозначения. Система этих специальных обозначений была одобрена на заседании Специального комитета при Совете министров СССР в 1949 г. (9. С. 345–351). В переписке с уранодобывающими предприятиями слово «уран» заменялось на «стронций» (для Комбината № 6), «свинец» (для Дальстроя СССР), «фосфор» (для Министерства металлургической промышленности), «титан» (для Министерства геологии), «смола» (для Комбината № 7). В переписке с научно-проектными и исследовательскими организациями уран-238 обозначался как «кремнил», уран-235 и 233 как «кремнил I и II» соответственно, плутоний заменялся на «аметил», радий – на «воприл», цепная реакция становилась «окислением», обогащение – «увлажнением», вредные излучения – «отходящими газами». Уран-графитовый реактор скрывался под «конденсационным методом», газодиффузионный метод в документах был «турбулентным», а электромагнитный метод – «гравитационным». Атомная, а позднее и водородная бомба называлась в официальных документах «изделие». В дискурсе закрытых городов «изделием» или «продукцией» именовались любые разновидности производимого на секретных предприятиях (за этими словами мог скрываться уран, плутоний, литий, детали атомной бомбы и проч.).

Иногда секретность становилась информационной помехой, которая препятствовала адекватному пониманию. Показателен случай, произошедший в начале 1950-х годов в Лаборатории измерительных приборов АН СССР, куда А.И. Веретенников (будущий заместитель главного конструктора ВНИИЭФ по внешним испытаниям, а тогда начинающий научный сотрудник КБ-11) был направлен в ЛИПАН (будущий Курчатовский институт) для участия в семинаре с результатами своих исследований по урану. В своем сообщении он рассказывал об измерениях на «олове-118» (как в соответствии с режимными требованиями КБ-11 следовало называть естественный уран). Доклад был встречен «непонятым молчанием». В конце один из присутствующих на собрании известных физиков высказал сомнение в правильности результатов для олова. Тут молодой ученый проговорился. «Так это же не олово! [...] это же уран!», – сказал он, испугавшись произнесенного. Реакция ау-

дитории была бурной: «А что же Вы нам так долго голову морочили!» (10. С. 60–61). Так режим секретности заставлял говорить на разных языках даже тех, кто занимался схожими вопросами.

Тенденция к зашифровыванию распространялась не только на научные понятия, но и на фамилии первых лиц атомного проекта: согласно приказу ПГУ от 29 декабря 1948 г. И.В. Курчатов должен был именоваться в несекретных письмах и телеграммах Бородиным, Б.Л. Ванников – Бабаевым, М.Г. Первухин – Георгиевым, А.П. Завенягин – Павловым, Е.П. Славский – Ефимовым (6. С. 34; 13. С. 93). В большинстве своем конспиративные формулы были довольно просты: в «тайных» фамилиях читаются отчества (у Первухина, Завенягина, Славского). Эти кодовые имена использовались в служебной несекретной переписке, в секретной же фигурировали настоящие фамилии.

Словно продолжая «тему» кодирования, в повседневном дискурсе употреблялись прозвища. Особенно они были популярны среди физиков: Абуша (А.И. Алиханов), папа (А.Ф. Иоффе, родоначальник школы советских физиков), Кентавр (П.Л. Капица, умевший быть и «очень мягким, и очень жёстким»), Дау (Л.Д. Ландау, как объяснял он сам, от фр. *L'ane Dau* – осел Дау), Чук (И.А. Померанчук), НГэ (Н.Г. Флеров), Халат (И.М. Халатников), ЮБэ (или Юбрь) (Ю.Б. Харитон), Ябрь (Я.Б. Зельдович) (2. С. 53; 3. С. 76; 7; 16. С. 40). Так это сообщество, раздавая системные имена, определяло свои границы, противопоставляя свою среду (творческую, живую) официальному, рутинному. Прозвища были символом принадлежности к группе, включенности в систему ее социальных отношений с определенными правами и обязанностями.

Самым известным было прозвище И.В. Курчатова: его, обладателя пышной бороды, так и называли – «Борода». Естественно, большинство не адресовались так к Игорю Васильевичу «в глаза», поскольку такое обращение предполагает довольно личностное, близкое общение, но о кличке знали многие, в том числе и не входившие в сообщество физиков (например, работники плутониевого завода в г. Озерске) и использовали ее заочно. Именно это прозвище легло в основу его условной фамилии, равно, как и условная фамилия Б.Л. Ванникова была образована от прозвища, данному ему И.В. Курчатовым – «бабай» (3. С. 77), что по-казахски означает «старик, предок по отцовской линии» (видимо, тот, кто составлял документ о присвоении кодовых имен знал этот внутренний сленг

и был не лишен чувства юмора, перенося его в официальное поле).

Оказавшись «во внутреннем круге» проекта люди стремились освоить и присвоить пространство, персонифицируя его и населяя понятными им образами. В неофициальном дискурсе закрепились различные обозначения атомного предприятия (а заодно и поселения). Для тех, кому после стажировки только предстояло отправиться к месту будущей работы, это была «точка», «база», «объект». Кроме того, были распространены названия по фамилии руководителя – «хозяйство Зернова», «хозяйство Чурина», «хозяйство Васильева». Самым жизнестойким оказалось слова «зона». Оно используется в речи до сих пор, в то время как остальные, постепенно вышли из активного словаря. По всей видимости это произошло потому, что градообразующее предприятие со временем обрело название, которое стало можно озвучивать, таким образом оно легализовалось. В тоже время территория всего города неизменно осталась закрытой, огороженной забором, охраняемой солдатами, служебными собаками, и ассоциация с одной из наиболее распространенных трактовок этого слова, означающая тюремную, лагерную территорию, показала себя наиболее жизнеспособной. Однако значение, вкладываемое в это слово резидентами закрытых городов, далеко от негативной пенитенциарной окраски. Для них «зона» лишь привычно обозначает отгороженную, закрытую территорию.

В противовес «зоне» территория вне объекта называлась «Большая земля». В этом эвфемизме читается и противопоставление (если там «Большая земля», значит здесь – малая), которое подчеркивает обособленность, но, вместе с тем, это и намек на неразрывную связь (малое – часть большого). Это выражение использовалось и в Сарове, и в удаленных от него на тысячи километров секретных атомных поселениях Урала и Сибири, что свидетельствует о единстве ощущений их резидентов.

Ядерный реактор назывался участниками проекта «котел», а первый промышленный атомный реактор (объект «А») имел собственное имя – Аннушка. Другое женское имя – Татьяна – закрепилось за первой серийной атомной бомбой. Известны две расшифровки аббревиатуры первого опытного ядерного заряда РДС – «Реактивный Двигатель Сталина» или «Россия (варианты – Родина, русские) Делает Сама». Авторство фраз приписывается и И.В. Сталину, и К.И. Щелкину, и обезличено – сотрудникам КБ-11. Однако,

согласно документам, все было гораздо прозаичней, и аббревиатура скрывала «реактивный двигатель С» (специальный) (8. С. 435). При этом все же существование обеих мифологем довольно симптоматично, показывает российское отношение к отечественной атомной бомбе (здесь и государственный характер дела, и дань «вождю народов», и патриотизм, и национальная гордость свершенным). Нашлось место в этом ряду и Л.П. Берии: новому атомному реактору серии «АД» был присвоен индекс ЛБ-120 (аббревиатура ЛБ расшифровывается как «Лаврентий Берия», а число 120 взято от условного наименования плутония – теллур-120). Индекс продержался недолго, после «разоблачения» Берии он был заменен на ОК-120 (ОК – особая конструкция) (12. С. 111).

Конструктивный принцип первой советской водородной бомбы именовали «слоистой» (в Советском Союзе так назывались пирожки или булочки из слоеного теста), а «начинку» для этой «слойки» – «Лидочкой» (LiD – дейтерид лития). «Съедобная тема» прослеживается в имени «шоколадники», которое получали работники особо вредных производств (в частности, на первом советском плутониевом заводе), поскольку на обед им выдавалась плитка шоколада за производственную «вредность» (15. С. 17). «Козлами» стали спекшиеся с графитом урановые блочки (распространенная и неприятная проблема на начальных этапах работ); каплевидные застывшие образования, выпавшие по следу радиоактивного облака на поверхности земли после испытания, – «харитонки»; лебедки на поглотителях реактора, которые предложил установить И.В. Курчатов, – ХИВы («хреновины Игоря Васильевича», о которые все запинались и падали) (1. С. 20; 4. С. 132; 10. С. 102). Вообще с именами научных руководителей или начальников различных рангов градообразующих предприятий связаны многие выражения. Тонкая игра слов в известной среди атомщиков фразе «сначала мы «обхаритонили» американцев, а затем их «забабахали» обыгрывает фамилии научных руководителей коллективов-разработчиков ядерного оружия Ю.Б. Харитона и Е.И. Забабахина и показывает направленность и значение создания советской атомной бомбы как процесса, в котором следовало догнать, сравняться, обойти и превзойти США (в этом случае слово «обхаритонить» заменяет «обойти», «перехитрить», а «забабахать» – «победить», «подавить»).

Участники атомного проекта быстро учились делить информацию на ту, которую можно озвучивать и ту, которую нужно хра-

нить в секрете, они определяли, с кем они могут или не могут говорить по той или иной теме, где и когда. «Были ли мы в большой компании, или только вдвоем с близким сослуживцем у кого-либо дома, или на лодке посреди озера Иртыш, абсолютно трезвые или в веселом настроении после нескольких рюмок или бокалов горячительных напитков, – вне рабочей обстановки у нас никогда не возникали разговоры на служебные темы. Даже с женой, работая на одном реакторе [...], мы всегда придерживались этого правила», – вспоминает свою работу в конце 1940-х годов на заводе «Маяк» П.А. Журавлев, будущий директор другого атомного предприятия – Сибирского химического комбината (5. С. 91). Более свободного стиля общения придерживались «большие» ученые, обсуждая интересовавшие их научные проблемы и вне рабочего места, однако и для них существовали границы. «Будут важные совещания «старейших», вы не должны обижаться, что вас на них не пригласят, – напутствовал Я.Б. Зельдович только что приехавшего на объект А.Д. Сахарова. – Меня тоже на многие совещания не приглашают, кроме тех, на которых нужно мое мнение. Вы должны выработать в себе правильное отношение к этим вопросам. Тут кругом навалом все секретно, и, чем меньше вы будете знать лишнего, тем спокойней будет для вас» (11. С. 156).

Таким образом, применяемые в коммуникативном пространстве советского атомного проекта информационные коды, с одной стороны, были довольно эффективным средством, обеспечивающим секретность проекта. С другой стороны, они формировали корпоративную «атомную» культуру, являясь составной ее частью, обеспечивали единство «атомной» общности.

Литература:

1. Брохович Б.В. Игорь Васильевич Курчатov на Южном Урале – в Челябинске-40: воспоминания ветеранов. [б. м.], 1993. 33 с.
2. Веретенников А.И. Рядом с атомной бомбой // Наука и жизнь. 2000. № 1. С. 52–56.
3. Волобуев Г.Т. Генерал А.С. Александров и тайны Атомного проекта СССР. Зеленогорск: Типография ООО «Нонпарель», 2011. 192 с.
4. Горелик Г. Наука и жизнь в 1949 году, или Водородная бомба в мичуринском саду // Знание-Сила. 1994. № 8. С. 128–133.
5. Журавлев П.А. Мой атомный век // Творцы атомного века. Славский Е.П. М.: СловоДело, 2013. 438 с.

6. Кузнецова Р.В. Историографический обзор источников и литературы по теме «Академик Игорь Васильевич Курчатов» // URL: <http://www.nrcki.ru/files/pdf/1405942082.pdf> (дата обращения: 10.02.2016).
7. Лившиц Е.М. Ландау – ученый, учитель, человек // URL: http://ggorelik.narod.ru/Dau/ZS_Landafshits.htm (дата обращения 10.02.2016).
8. Постановление Совета министров СССР № 1286-525сс «О плане развертывания работ КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР» // Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Кн. 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. 719 с.
9. Протокол № 73 заседания Специального комитета при Совете министров СССР // Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Кн. 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. 719 с.
10. Рассказы атомщиков. И в шутку, и всерьез. Сборник / сост. А.И. Веретенников. М.: ИздАТ, 1998. 160 с.
11. Сахаров А. Д. Воспоминания: в 2 т. / ред.-сост.: Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. М.: Права человека, 1996. Т. 1. 912 с.
12. Скала. Книга, посвященная 60-летию ФГУП «ГХК». Красноярск: ООО «Платина плюс», 2010. 176 с.
13. Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... / авт. кол.: Е.А. Негин, Л.П. Голеусова, Г.Д. Куличков, П.П. Максименко, Г.С. Окутина. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000. 215 с.
14. Справка о ложных объектах // Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Кн. 5. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 976 с.
15. Фонды Музея трудовой славы «Производственного объединения «Маяк». Рыбакова О.С. Воспоминания. Челябинск-65, 1973. Рукопись.
16. Халатников И.М. Дау, Кентавр и другие. Topnon-secret. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. 192 с.

УДК 94 (470.5)''18/19''

ББК 471.16 ГСНТИ 03.23.31.55 Код ВАК 07.00.02

В.П. Микитюк

Екатеринбург

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ЕКАТЕРИНБУРГА И СИСТЕМА НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, общественность, начальные учебные заведения, общество попечения о начальном образовании, общежитие, Екатеринбург.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются усилия общественности Екатеринбурга по развитию системы школьного и внешкольного начального образования. Основное внимание уделено обществу попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде, ведущим направлениям деятельности и источникам финансирования. Рассматривается также состав активистов этой общественной организации.

V.P. Mikityuk

Yekaterinburg

PUBLIC YEKATERINBURG AND PRIMARY EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF THE SOCIETY FOR THE CARE ON PRIMARY EDUCATION)

KEY WORDS: the state, public, initial educational establishments, society of care about primary education, dormitory, Yekaterinburg.

ABSTRACT. In the article efforts of public of Yekaterinburg are investigated on development of the system of school and out-of-school initial education. Basic attention is spared to society of care about primary education in Yekaterinburg and his district, to leading directions of his activity and sourcings. Composition of activists of this public organization is examined also.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Пермской губернии возникло большое количество начальных учебных заведений. К 1 января 1898 г. в губернии действовало 13 городских училищ, 2 уездных, 1 Мариинское училище, 1 школа ремесленных учеников,

1 низшая ремесленная школа, 1 ремесленное училище, 852 русских начальных училища (в том числе 54 двухклассных и 28 воскресных), 9 частных школ и 35 инородческих. Кроме того, существовали 810 церковно-приходских школ и школ грамотности, а также 12 миссионерских школ. Всего в них насчитывалось 93806 учащихся: 70419 мальчиков и 23387 девочек. (З. С. 3.)

Несмотря на немалые успехи в деле создания и расширения сети начальных учебных заведений, ситуация в Пермской губернии была не слишком радужной, так как вне школ оставалось большое количество детей. В 1898 г. возможности получить начальное образование были лишены более 31 тыс. мальчиков и 85 тыс. девочек. В Екатеринбургском уезде и его административной центре ситуация была схожей: начальных школ не хватало, имеющиеся учебные заведения были переполнены. К этому стоит добавить, что в губернии было очень много малограмотных и безграмотных взрослых.

В последней четверти XIX – начале XX в. общественные деятели активно искали способы решения этой острой проблемы. Особые надежды возлагались ими на органы городского и земского самоуправления. Екатеринбургская городская дума и уездное земство сумели создать сеть начальных народных училищ и постепенно расширяли ее. Представители общественности охотно помогали этим училищам, исполняя обязанности почетных блюстителей и попечителей. В то же время они отлично сознавали, что этого недостаточно и что необходимо разрозненные усилия отдельных доброхотов направить в более организованное русло. В последней четверти XIX в. общественные деятели взялись за создание разных самодетельных организаций, призванных помочь начальной и средней школе. Наиболее типичным видом таких объединений были общества вспомоществования недостаточным ученикам. К 1917 г. в четырех уральских губерниях было создано не менее 100 таких обществ, 14 из которых имели прописку в Екатеринбурге.

В ряде случаев создавались организации и другого типа, в том числе общества попечения о начальном образовании. Среди организаций этого рода одним из первых было создано общество попечения о народном образовании в Верхотурском уезде. Устав этой организации был утвержден 29 июня 1884 г., а функционировать общество начало в 1885 г. Общество собиралась оказывать помощь учащимся «взносом платы за право учения, выдачей книг и учебных принадлежностей, снабжением одеждой и обувью, а равно

доставлением и других способов к продолжению учения». Кроме того, планировалось учреждение «воскресных школ, повторительных курсов и классов для взрослых, ... устройство общежитий для приходящих учеников и ремесленных классов для обучения практическим приемам существующей в крае кустарной промышленности» (10. С. 3–4).

Пример общественности Верхотурского уезда стал образцом для массового подражания: аналогичные общества были созданы в Челябинске, Красноуфимске и Екатеринбурге. В неофициальной столице Урала создание общества попечения о начальном образовании началось во второй половине 1890-х гг. На первом этапе шло обсуждение задач организации, причем некоторые активисты полагали, что общество должно сосредоточиться на помощи земству, которое намеревалось приступить к введению всеобщего начального образования. В самом конце 1897 г. общественность приступила к созданию самодеятельной организации. В первую очередь была образована организационная комиссия, которая 8 декабря 1897 г. провела свое первое заседание, посвященное выбору руководства: председателем избрали А.А. Догадову, ее товарищем (заместителем) В.Ф. Арнольдovu, секретарем В.А. Кудрявцева. Кроме того, трем членам комиссии было поручено «разработать вопрос о средствах достижения материальной обеспеченности общества» (1. С. 2).

Вскоре выяснилось, что земские мероприятия по введению всеобщего начального образования откладываются, причем на неопределенное время. Это обстоятельство наложило негативный отпечаток на процесс создания общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде: активистам пришлось вновь обсуждать задачи нарождающейся организации и перерабатывать устав. В 1898–99 гг. основные вопросы были обсуждены. Был разработан устав, который главными задачами общества провозглашал заботу о беднейшей части учащихся в начальных народных училищах и «помощь лицам, которые с разрешения начальства открывают и содержат начальные народные школы» (11. С. 1).

Устав четко определял пути для достижения главной цели общества, которое должно было бесплатно предоставлять учащимся книги и учебные пособия, одежду, обувь, кров для бесприютных. В исключительных случаях были возможны денежные пособия. Кроме того, общество хотело помогать в получении начального обра-

зования не только детям, но и безграмотным и малограмотным взрослым посредством открытия воскресных классов. Предусматривалась также помощь учителям при поиске работы и во время болезней.

Устав организации был утвержден 13 июля 1900 г. 26 сентября того же года состоялось учредительное собрание, в котором участвовало 55 человек. Собрание провозгласило общество открытым и сформировало его правление. Председателем был избран купеческий сын А.Я. Панфилов, пост товарища председателя достался купцу 2-й гильдии И.М. Беренову. Кроме того, в первый состав правления вошли Е.И. Панфилова, А.П. Беренова, Е.П. Швачко и Е.А. Олесова. Появление новой организации общественностью было воспринято с большим сочувствием, что нашло отражение в быстром пополнении рядов общества. К 1 января 1902 г. в его рядах состояли 534 человека (10 почетных, 5 пожизненных, 481 действительный, 38 членов-сотрудников) (б. С. 38–56).

Благодаря притоку новых членов общество попечения стало одной из наиболее массовых общественных организаций Екатеринбургa, объединив в своих рядах представителей самых разных слоев и различных профессий. Немалую часть адептов общества составляли педагоги, в том числе директор реального училища В.М. Гаврилов, инспектор торговой школы А.П. Вышемирский, содержательница частной школы З.Н. Арнольдова и другие. Всего на первых порах в общество вступило 207 рядовых педагогов, а также несколько директоров и законоучителей. Ряды общества дополнили также городские врачи (Н.А. Арнольдов, А.А. Миславский, Н.А. Русских) и юристы (А.А. Ардашев, С.А. Бибиков, А.А. Деви, Д.М. Веселов, П.А. Кронеберг, В.Н. Мамин, Н.Ф. Магницкий).

Кроме того, в общество попечения охотно вступали предприниматели. В частности, в число его членов вошли коммерсанты З.Х., К.Х., К.Х. и С.К. Агафуровы, И.С. Алин, И.К. Анфиногенов, Ф.А. Ионов. Среди активистов были золотопромышленники К.Я. Бурдаков, А.А. Дрозжилов, Ф.Е. Ошурков и мукомолы И.М., А.И. и А.И. Беленьковы, М.П. Брагин, П.В. Иванов и Н.С. Степанов. Немало в обществе было служащих торгово-промышленных фирм и финансово-кредитных учреждений. Так, его членами были управляющий Верх-Исетского горного округа А.И. Фадеев, заведующий екатеринбургским отделением мельнично-строительной фирмы «Антон Эрлангер и К^о» Л.К. Шикеданц, управляющий екатерин-

бургского филиала Сибирского торгового банка Е.А. Олесов.

Стоит отметить факт присутствия в его рядах большого количества женщин. В числе его активисток были В.Ф. и З.Н. Арнольдовы, Л.П. Бебенина, А.П. Беренова, М.Д. и В.В. Блохины, К.С. Борчанинова, А.И. Дедюхина, М.М. Дмитриева, М.К., Л.Н. и В.Н. Злоказовы, А.А. Конюхова и ряд других. Среди 55 учредителей самодеятельной организации было 15 женщин. К 1906 г. они составляли 28 % членов общества.

В первый период существования общество попечения занималось в основном благотворительностью, прежде всего оказанием материальной помощи беднейшей части учащихся начальных школ. Уже в первый год оно оказало помощь 165 учащимся, выдав им пособия вещами или деньгами, а также внося за них плату за обучение.

Средства для оказания помощи общество попечения получало за счет поступления членских взносов, а также от проведения разных мероприятий (лотерей-аллегри, спектаклей, балов, танцев). Так, 1 января 1902 г. общество попечения устроило представление, начавшееся с показа драмы «Пролог». Затем последовали «Снегурочка» и группа так называемых живых картин («Сон под Рождество», «Ангел-хранитель», «Царство грибов»), сменившиеся танцами. В спектаклях были заняты как взрослые артисты-любители, так и дети. В «Снегурочке» были задействованы детский хор под управлением Ф.С. Узких и юное дарование Оля Имшенецкая, которую восторженный корреспондент назвал «миловидной и грациозной» (9. С. 3.).

Время от времени общество попечения проводило лотереи, которые проходили с немалым размахом. На мероприятии, состоявшемся 22 марта 1909 г., посетителей ожидал розыгрыш более одной тысячи сюрпризов. В их число входили золотые и 5 серебряных мужских часов, 5 дамских серебряных часов, 2 чайных серебряных прибора, 15 тульских медных самоваров, люстра, настольная лампа, граммофон, а также 6 окороков, 4 копченых гуся, 4 индюшки и 2 поросенка (2. С. 2).

Подобные мероприятия позволяли укрепить финансовое положение общества и давали возможность расширить круг его деятельности, в том числе распространить ее за пределы Екатеринбурга. 23 сентября 1901 г. общество открыло в Каслинском заводе воскресные классы – мужской и женский. За короткий срок в классы,

которыми заведовал учитель Я.Е. Захаров, записалось 45 человек в возрасте от 14 до 66 лет, причем все безграмотные. В 1906 г. в мужском классе было 32 человека в возрасте от 8 до 18 лет, в женском классе 87 в возрасте от 8 до 45 лет. (8. С. 7.). Успех в Каслях вдохновил общество на открытие воскресной школы в Верх-Нейвинском заводе.

В 1902 г. общество попечения решило прийти на помощь уездным учителям, дети которых обучались в екатеринбургских учебных заведениях. Эта категория педагогов, отправляя детей на учебу в Екатеринбург, сталкивалась с необходимостью найма частных квартир, оплатить которые они, как правило, были не в состоянии. Открытие общежития позволяло решить эту проблему, хотя бы частично.

С 30 августа 1902 г. начало функционировать общежитие для девочек, в следующем году в него стали принимать мальчиков. Общежитие, названное в честь 19 февраля 1861 г., размещалось в наемном помещении. Время от времени его адрес менялся. Сначала оно находилось в доме Дерябиной на ул. Гоголя (ул. Гоголевской), затем переехало в дом Курочкиной на ул. Златоустовской (ул. Р. Люксембург). В доме Дерябиной в распоряжении общества было три комнаты, прихожая, коридор и кухня. Арендная плата за них составляла 250 руб. в год. Мебель для общежития была пожертвована членами правления. Для надзора за детьми была приглашена А.Я. Мясникова, имевшая среднее образование, «с жалованием по 15 руб. в месяц, при готовой квартире и столе» (5. С. 2).

Скромный размер помещения не позволял обществу попечения быстро наращивать число обитателей общежития: в первое время в нем пребывало 20–25 человек, причем мальчиков и девочек было примерно поровну. Некоторых учеников общество помещало на наемные квартиры, но эта практика была нечастой. В год на наемные квартиры отправлялось 4-5 учащихся. Нехватка капитала заставила общество ввести за пребывание в общежитии плату, которая равнялась 8 руб. в месяц. Сумма была немалая, но частные квартиры стоили от 20 до 25 руб. в месяц, поэтому учителя, помещавшие своих детей в общежитие, выигрывали. Во-первых, они сокращали свои расходы, во-вторых, они помещали детей под надежный присмотр. К тому же общество прилагало усилия по введению дополнительного образования. Так, педагог Ф.С. Узких преподавал некоторым девочкам пение, а с появлением в общежитии

рояля, подаренного А.А. Конюховой, появилась возможность брать уроки музыки и музицировать. Открытие общежития было одной из главных удач общества попечения.

В условиях русско-японской войны, первой русской революции и экономической депрессии общество столкнулось с немалыми трудностями. Материальные затруднения, испытывавшиеся большей частью жителей города и Екатеринбургского уезда, негативно сказались и на интересе к работе общества попечения, и на его финансовом положении. Если в начальный период обществу удалось открыть 4 своих филиала в уезде, так называемых уездных комиссии, то к 1906 г. их осталось только 2 – Режевской и Северский. Арамильский и Каслинский филиалы были распущены. Существенно сократилась и численность членов общества. В 1906 г. оно насчитывало 227 членов (163 мужчины и 64 женщины). Уменьшение числа членов ударило по одному из главных источников финансирования: сбор взносов заметно сократился. Даже оставшиеся в рядах общества не всегда могли уплатить свой взнос: в 1908 г. из 228 членов это сделали лишь 100 человек. В этих условиях обществу пришлось прибегнуть к помощи уездного и губернского земств и к более частой организации вечеров, лотерей и других увеселительных мероприятий. Благодаря этому общество сохранило общежитие и воскресные классы в Каслинском и Верх-Нейвинском заводах.

Несмотря на финансовые трудности, общество попечения попыталось расширить свою деятельность, распространив ее на всю образовательную сферу. Было решено изменить устав и название организации, которую предполагалось назвать «Екатеринбургским обществом попечения о народном образовании». В мае 1907 г. измененный устав был отправлен на утверждение к пермскому губернатору. Не дожидаясь ответа, общество в том же 1907 г. начало подготовку к открытию народного университета. Был организован сбор средств, сформирован штат лекторов, осуществлялся поиск подходящего здания для размещения университета. Обществу попечения удалось организовать ряд публичных лекций, которые прошли с различным успехом. Две лекции Г.А. Пичугина «Откуда взялись горы и камни, среди которых мы живем?», будучи бесплатными, собрали до 1500 слушателей. Лекцию по металлургии, являвшуюся платной, посетили всего 60 человек. Лекция по ботанике О.Е. Клера оказалась более успешной: ее посетило более

450 человек. Несмотря на то, что из-за разногласий с владельцем помещения лекции пришлось прекратить, общество попечения пришло к заключению, что публичные лекции при наличии своего помещения будут иметь успех.

В 1908–1911 гг. общество попечения переживало нелегкие времена. Ему было отказано и в изменении устава и смене названия. Не вызвала восторгов у вышестоящего начальства и идея открытия университета. Ряд неудач оттолкнул от общества многих его членов, другие вышли из его состава по финансовым соображениям, так как не могли своевременно платить членские взносы. Даже в условиях экономического подъема число членов общества продолжало сокращаться. В 1912 г. в нем состояло 217 членов (14 почетных, 11 пожизненных, 192 действительных), а в 1914 г. в его рядах осталось 195 членов (14 почетных, 10 пожизненных, 171 действительных) (4. С. 33–39).

Обществу попечения на некоторое время пришлось сосредоточиться на содержании общежития и воскресных классов. С началом 1910-х гг. оно стало действовать более энергично. Благодаря поддержке органов местного самоуправления и частных благотворителей общество попечения в 1912 г. приобрело усадьбу В.К. Поленова на Златоустовской улице, в которую перевело общежитие. В 1914 г. в нем содержалось 56 подростков, из которых 4 были екатеринбуржцами, а остальные жителями уезда (7. С. 3).

С началом Первой мировой войны общество оказалось в сложных условиях, но, тем не менее, выжило и даже смогло осуществить несколько новых начинаний. Так, оно сумело создать небольшую детскую библиотеку и открыть курсы для взрослых. Гражданская война поставила финальную точку в его истории.

В последней четверти XIX – начале XX в. общественность Екатеринбургского уезда создала немало самостоятельных организаций. Деятельность многих из них оказалась весьма плодотворной. Общество попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде, действовавшее около 20 лет, не принадлежало к числу самых эффективных. Тем не менее, оно сумело добиться вполне конкретных результатов: открыло воскресные классы, основало общежитие для детей педагогов, провело немало благотворительных мероприятий. Кроме того, общество вынесло на повестку дня ряд злободневных вопросов, в том числе создание народного университета, курсов для взрослых и т.д. Обществу попечения не уда-

лось претворить эти идеи в жизнь, но они частично были реализованы органами самоуправления или другими общественными организациями.

Общество попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде интересная и значительная веха в истории общественного движения на Среднем Урале.

Источники:

1. Заседание комиссии // Уральская жизнь. 1897. 10 декабря. С. 2.
2. Лотерея // Уральская жизнь. 1909. 15 марта. С. 2.
3. Начальное образование в Пермской губернии // Урал. 1899. 21 февраля. С. 3.
4. Общий обзор о деятельности общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде за 1914 год. Екатеринбург, 1915. С. 33–39.
5. Открытие общежития // Уральская жизнь. 1902. 1 сентября. С. 2.
6. Отчет общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде за 1900/1 год. Екатеринбург, 1902. С. 38–56.
7. Отчет о деятельности общежития для учащихся общества попечения о начальном образовании за 1914 год // Уральская жизнь. 1915. 15 марта. С. 3.
8. Отчет о состоянии и деятельности общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде за 1906 год. Екатеринбург, 1907. С. 7.
9. Спектакль // Урал. 1902. 4 января. С. 3.
10. Устав общества попечения о народном образовании в Верхотурском уезде. Пермь, 1898. С. 3–4.
11. Устав общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде. Екатеринбург, 1900. С. 1.

УДК 94(470.5)

ББК 116.02 ГСНТИ 03.23.31 Код ВАК 07.00.02

Е.Г. Неклюдов

Екатеринбург

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДПРИМАТЕЛИ В СОСТАВЕ УРАЛЬСКИХ ГОРНОЗАВОДЧИКОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, горнозаводчики, иностранное предпринимательство, Бродген, Рекстер-Вагстаф

АННОТАЦИЯ. Анализируется опыт иностранного предпринимательства в уральской горнозаводской промышленности во второй половине XIX в. Прослежена история владения Холуницкими заводами британским бароном В. Рекстер-Вагстафом в Вятской губернии и А. Бродгеном и К^о Воскресенским и Преображенским медеплавильными заводами в Оренбургской губернии.

E.G. Neklyudov

Yekaterinburg

FOREIGN ENTREPRENEURS AS PART OF THE URAL MINE OWNERS

KEY WORDS: the Ural, factory owners, foreign enterprise, Brogden, Rekster-Wagstaff

ABSTRACT. It's analyzed foreign business experience in the mining industry in the Urals in the second half of the XIX century. It's traced the history of the British ownership of factories Holunitsky Baron V. Rekster-Wagstaff in Vyatka province and A. Brogden and K^o Voskresensky and Preobrazhensky factories in the Orenburg province.

Среди уральских заводчиков иностранные предприниматели появились во второй половине XIX в., когда были сняты прежние сословные ограничения по владению горными заводами. Прежде они могли стать владельцами, лишь приняв российское подданство и записавшись в купечество (как, например, сделал немец А.А. Кнауф, купивший у разорившегося И.П. Осокина Юговские заводы в 1804 г.) или войдя в состав акционеров горнозаводских компаний (например, Дж. Ротшильд владел несколькими паями Товарищест-

ва Суксунских заводов – первой на Урале акционерной компании, образованной в 1848 г.).

Наибольший интерес к Уралу и его минеральным богатствам проявили британские предприниматели, появившиеся здесь вскоре после начала реформ Александра II. Так, в 1866 г. британец Джеймс Мурфи выразил желание построить на Урале бессемеровский завод для изготовления железнодорожных рельсов. Но тогда ему не удалось реализовать свои планы: обострились международные отношения и предпочтение было отдано Н.И. Путилову. Новая и тоже неудачная попытка была предпринята в 1870–1871 гг., когда британец Герберт Дарри «с другими лицами» просил у Горного департамента осмотреть Ревдинские заводы П.А. Демидова и Сергинско-Уфалейские заводы Губиных, выставленные тогда на публичную продажу, с целью «ознакомления с положением, средствами и устройством этих заводов для приобретения их покупкою» (2.С. 487). Имена этих предпринимателей больше на Урале не звучали, но в те же годы здесь объявились другие британские подданные, которым удалось войти в число уральских заводчиков.

В 1870 г. Александр Броден и Джон Ланкастер приобрели Преображенский и Воскресенский медеплавильные заводы наследников Пашковых в Оренбургской губернии, а в 1871 г. барон Виллим Рекстер-Вагстаф купил Холуницкий горнозаводский округ А.Д. Пономарева в Вятской губернии. Бывшие российские владельцы этих предприятий относились к известным дворянским предпринимательским родам, но ко времени продажи фактически обанкротились, а заводы или бездействовали, или находились на грани закрытия, чем и воспользовались британцы. Рекстер-Вагстаф недолго, всего три года, владел уральскими заводами и продал их российским предпринимателям. Партнер Бродена Ланкастер уже на следующий год перепродал свою долю владения британским подданным Фредерику Эдуарду Блексту Бомонту и Бомону Вильяму Лоббоку. Сложившаяся компания из трех владельцев двух южно-уральских заводов получила в официальном делопроизводстве наименование «Компания российской меди». Она продержалась более 20 лет и рассталась с заводами в 1890–1896 гг. (2. С. 488–497).

Об этих британских владельцах уральских металлургических заводов известно не много. В начале XX в. барона Рекстер-Вагстафа один из инженеров сравнивал с «современным Лидвалем

американской складки», как бы отождествляя его с образом крупного афериста. Такая ассоциация возникла, скорее всего, потому, что в России об этом британском бароне почти ничего не знали, когда его неожиданно предложил в качестве «приобретателя» Холуницких заводов обанкротившийся заводовладелец А.Д. Пономарев. Последний много путешествовал по Европе; вероятно, бывал он и в Британии. Показательно, что в 1863 г. он уже пытался заложить округ у «великобританского подданного» И.А. Леве. Судя по всему, Рекстер-Вагстав и Александр Бродген были хорошо знакомы, поскольку первоначально хотели вдвоем купить заводы у Пашковых, но после разделились и уже самостоятельно приобрели: один – Холуницкие, другой (вместе с Ланкастером) – пашковские заводы.

Александр Бродген и Джон Ланкастер в купчей были названы не только «великобританскими подданными» и дворянами, но и членами Британского парламента. Бродген, подписавший купчую в 1870 г., остановился тогда в петербургском Гранд-отеле на Малой Морской улице; в Англии он проживал в Ульверстоуне, графство Ланкастер. Известно, что он происходил из богатой предпринимательской семьи, организовавшей фирму по строительству железных дорог, добыче угля, производству железа в Англии и Уэльсе. Александр, став преемником своего отца, возглавил в 1869 г. семейную фирму и вывел ее деятельность за пределы Британии. С 1868 г. он на протяжении 18 лет избирался в Парламент. Всякий раз, когда Парламент не заседает, по словам Бродгена, его можно было найти «в течение восьми или десяти дней... в Ульверстоуне, Вестминстере, Кардиффе, Париже, Голландии и Санкт-Петербурге» (1). Не исключено, что, отличаясь такой активностью, он бывал и на столь отдаленных от его родины уральских заводах. Его компаньоны Бомонт и Лоббок тоже были дворянами, проживали в Лондоне; первый из них был членом Парламента. По данным за 1886 г., он тогда временно находился в Президентстве Мадрас в Индии.

Из совладельцев до продажи заводов не дожил Александр Бродген, скончавшийся в возрасте 67 лет в 1892 г. К тому времени уже давно обанкротилась возглавляемая им семейная фирма в Британии. Наследницей и душеприказчицей Бродгена оказалась его вдова Анна, умершая в 1895 или 1896 г. «Наследницей покойных великобританских подданных Александра Бродгена и вдовы Анны Бродген» была признана их дочь Анна Эдит Кенсингтон, прожи-

вавшая в Лондоне, которая и совершила окончательную продажу уральского имения отца.

Какими же мотивами руководствовались британские предприниматели и чего достигли на Урале? «Главной целью... по покупке Воскресенского и Преображенского заводов, – разъяснял намерения Компании российской меди ее управляющий британец Томас Рикард в 1873 г., – было поставление, чтобы развивать производство русской меди с современным усовершенствованием производств в техническом отношении и, не жалея затраты капиталов и труда, расширить эту промышленность в здешнем крае в видах обоюдной пользы, как интересам компании, так и народонаселения края» (РГИА. Ф. 37.Оп. 5.Д. 1693. Л. 21–23 об.). Судя по предпринятым действиям, это заявление соответствовало истине.

Компаньоны восстановили и существенно модернизировали производство: установили мощные паровые машины; на рудниках ввели механический подъем, насосы; проложили рельсовые пути для откатки руды; на Воскресенском заводе расширили прокатную фабрику для выделки листовой меди, а на Преображенском увеличили количество печей. На Воскресенском заводе в 1877 г. они попытались начать производство серной кислоты из колчедана «на предмет обработки ею медных руд мокрым путем», но эта фабрика вскоре сгорела и больше не восстанавливалась. По сведениям горных чиновников, два принадлежавших компании завода производили более 40% всей южно-уральской меди, а Воскресенский завод удерживал лидерство среди медеплавильных заводов Оренбургской и Уфимской губерний.

Но, справившись (отчасти с помощью залога имения) с проблемой финансирования хозяйства, владельцы столкнулись с другими проблемами, в итоге заставившими их продать заводы. Главную из них озвучил тот же Рикард. «В здешнем крае, – делился он своими впечатлениями, – не только развитие промышленности или какого-либо нового предприятия, но и удовлетворительное существование прежних производств невозможно без особого содействия правительственной администрации и местных начальственных лиц в побуждении рабочих к выполнению обязательств». «Особое содействие в этом тем более оказывается необходимым для здешнего края как населенного по преимуществу башкирцами, недавно перешедшими к оседлой жизни и непривычными к добросовестному труду, у которых при этом укоренилась склонность к обману и

невыполнению обязательств. По их примеру начинает поступать и русское горнозаводское население. Развитию же этих во всех отношениях крайне вредных как промышленности, так и самому населению наклонностей способствует слабое действие непосредственно местных властей и крайнее замедление в законных мерах взыскания», – отмечал управляющий. Компания российской меди оказалась, по его словам, «в невыразимо критических обстоятельствах... отнюдь не от недостатка производительного капитала или рабочих рук... но исключительно от невыполнения рабочими принятых на себя обязательств» (Там же).

Это касалось в первую очередь организации работ по добыче и поставке на заводы руды из отдаленных Каргалинских рудников: получив задатки, работники далеко не в полном составе являлись на работы, а в 1873 г. организовали стачку, когда 14 человек «заявили претензию» на заводоуправление о том, что оно занижает цены при заключении коллективных договоров и ограничивает продажу водки. Эти «подстрекатели» убедили и остальных оставить работы. Местные власти пытались навести порядок, но в то же время обвиняли управление заводами в незнании законов и местных традиций. «Уклонение рабочих от исполнения условий с Компанией российской меди, по мнению моему, – писал уфимский губернатор И.Ф. Щербатский, – происходит как от неточности самих условий, так и в особенности от того, что заводоуправление заключает условия без всякого разбора с лицами несостоятельными к исполнению их и вообще от незнакомства лиц, служащих при заводоуправлении с порядком ведения такового рода дел и с правилами о найме рабочих» (Там же. Л. 32).

Когда же в начале 1880-х гг. из-за неурожаев повысились расценки на доставку руды, производство с каждым годом стало сокращаться. В 1884 г. Преображенский завод вновь остановили. Компаньоны жаловались «на высоту заработной платы, осложнения с рабочими, возрастающие налоги, обеднение руд и, наконец, конкуренцию заграничной меди». Все это, вероятно, и привело британских подданных к решению прекратить свою деятельность на Урале. Любопытно, что один из заводов – Воскресенский – был в 1891 г. продан родственнику бывших российских владельцев – В.А. Пашкову, который за увлечение учением английского проповедника лорда Редстока уже давно был выслан за границу и имел тесные деловые контакты с британцами. Второй – Преображенский

завод – в 1896 г. продали действительному статскому советнику В.Н. Охотникову, приходившемуся Пашковым дальним родственником.

У барона Рекстер-Вагстафа тоже, судя по всему, были серьезные планы насчет приобретенного уральского горнозаводского имения, поскольку в Холуницу он не только сам приехал, но и перевез свою семью, хотя, как выясняется, ненадолго. Пребывание нового владельца в отдаленном от родной Британии Вятском крае тоже натолкнулось на «неповиновение» рабочих, когда в апреле 1871 г. они прекратили работы из-за отказа барона увеличить им заработную плату и выдать ее заранее, к Пасхе. Кроме того, «рабочие узнали, что барон, не имея больших денежных средств, ограничивает выпуск железа с завода, не платит за контрактованный для завода уголь и прибегает к мелким займам денег». Поэтому, по словам разбиравшегося в ситуации товарища шефа жандармов Н.В. Левашова, они «весьма недоверчиво» отнеслись к владельцу, который «после стачки в последних числах сентября... выехал с семейством из заводов неизвестно куда, отправив вперед свой багаж». «Хотя он и оставил управляющего Томсона, но подготовительных материалов, как-то: угля, дров и руды в заготовке нет, а налицо имеется в самом ограниченном количестве», – писал проверяющий (ГАСО.Ф. 43.Оп. 1.Д. 754. Л. 68–69).

Конечно, имея ограниченную информацию, трудно судить о поступках владельца. Вероятно, отказ выдать заработную плату перед праздником обуславливался желанием оградить рабочих от пьянства, с которым его соотечественники столкнулись и на южно-уральских заводах, а отъезд – опасениями за безопасность семьи. Барон оправил ее в Петербург, где сам, судя по всему, занялся решением выявившихся проблем. Позже он вернулся в Холуницу, видимо, уже один.

В то же время местные горные и гражданские власти, вообще весьма скептически настроенные к иностранному предпринимательству, отказали новому владельцу в нескольких его просьбах. Так, последовал отказ в продаже барону соседних Вятских казенных заводов с их обширными земельными дачами. Власти не запретили, но и не поддержали предложение барона построить первую в том крае железную дорогу, которая могла бы ускорить и удешевить не только перевозку металлов, но и других товаров. Не оказали ему поддержки и в создании акционерного общества для

строительства этой дороги.

В такой ситуации владелец решил на акционирование Холуницких заводов. Судя по уставу, утвержденному Александром II в июне 1873 г., общество было призвано аккумулировать капиталы для развития округа, но реализовать подписку либо не удалось, либо барон вообще отказался от организации общества, получив более привлекательное предложение. Всего через три месяца после утверждения устава округ был продан компании «водочного короля» Урала А.Ф. Поклевского-Козелл и известного екатеринбургского предпринимателя Н.И. Севастьянова.

В общественном мнении столь поспешная продажа заводов связывалась с незнанием британским бароном Рекстер-Вагстафом «условий русской жизни» или «полным незнанием местных условий, а главное – отсутствием оборотного капитала». При достаточно ограниченной информации сложно сомневаться в истинности этих оценок современников. Однако к особым «условиям русской жизни», которые, вероятно, действительно плохо представлял «великобританский подданный», стоит отнести и экономическую неразвитость региона, и то удручающее положение Холуницких заводов, в котором они поступили иностранному предпринимателю в собственность. Видимо, он действительно не рассчитал своих финансовых возможностей, когда намеревался вывести уральский горнозаводский округ из затянувшегося вследствие действий прежнего российского владельца кризиса. В этих целях и предпринималась неудавшаяся затея с акционированием. Продажа заводов оказалась наиболее предпочтительным выходом из создавшегося положения, с которым этот владелец предпочел не затягивать, подобно другим его соотечественникам из Компании российской меди.

Литература:

1. Гилпин Л. Шумный Александр [Электронный ресурс] // URL: <http://www.brogden.info/Brogden-Alex-Brogden.htm> (дата обращения 18.02.2016).

2. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург: УрО РАН, 2013. 664 с.

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.08

С.А.Нефедов

Екатеринбург

О ПРИЧИНАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская революция, неомальтузианство, аграрное перенаселение, антропометрические данные.

АННОТАЦИЯ. Доклад посвящен дискуссии о причинах русской революции. Обсуждаются две концепции: неомальтузианская концепция и развитая в работах Б. Н. Миронова ревизионистская концепция.

S.A. Nefedov

Yekaterinburg

ON THE CAUSES OF THE RUSSIAN REVOLUTION

KEY WORDS: The Russian revolution, Neo-Malthusianism, agrarian overpopulation, anthropometric data.

ABSTRACT. The report focuses on the discussion about the causes of the Russian Revolution. Two concepts are discussed: the concept of neo-Malthusian and revisionist concept developed in the works of Boris Mironov.

Каковы причины русской революции? Многие дореволюционные историки считали, что основной причиной российского кризиса начала XX века было аграрное перенаселение центральных губерний Европейской России. Хотя они не ссылались непосредственно на Мальтуса, по существу они стояли на мальтузианских позициях. В соответствии с мальтузианской теорией они утверждали, что рост населения приводит к падению потребления, голоду и социальным кризисам. Б. Н. Миронов констатирует, что «на рубеже XIX – XX вв. мальтузианский тезис получил поддержку большинства авторитетных исследователей того времени – И. И. Игнатович, А. А. Кауфмана, П. И. Лященко, Н. М. Покровского, Н. Н. Рожкова, А. Финн-Енотаевского и других ...». А. В. Чаянов писал, что «аграрное перенаселение - тот горячий материал, из которого рванула революция 1917 года».

Аграрное перенаселение приводило к революциям и в других

странах мира. В 60-х и 70-х годах XX века густонаселенные страны «третьего мира» были охвачены социальными и национально-освободительными революциями, и политики искали причины этого широкомасштабного кризиса. Дискуссия, проходившая на уровне ООН, показала, что основной причиной социальных кризисов является аграрное перенаселение, несоответствие между ростом населения и уровнем сельскохозяйственного производства. В 1969 г. президент Никсон обратился к конгрессу со специальным посланием, в котором подчеркнул угрозу быстрого роста населения и заявил, что ООН должна взять на себя инициативу в проведении широкомасштабной программы ограничения рождаемости. В течение следующего десятилетия 80 % населения развивающихся стран было охвачено различными программами «планирования семьи». Таким образом, мальтузианский тезис был признан как базисная закономерность развития традиционных обществ на самом высоком правительственном уровне.

Исследования историков показали, что мальтузианские кризисы перенаселения имели место и в прошлом. Эти кризисы приводили к голоду, катастрофическим эпидемиям, восстаниям, внутренним войнам, демографическим катастрофам, когда численность населения могла уменьшиться в два раза и более. Среди исследователей, внесших крупный вклад в развитие неомальтузианской теории можно назвать таких известных ученых как В. Абель, М. По-стан, Э. Лабрусс, Ф. Бродель, Э. Ле Руа Ладюри. В последние годы неомальтузианская теория получила развитие в работах Д. Голдстоуна, основателя демографически-структурной теории. Эта теория анализирует влияние аграрного перенаселения не только на простой народ, но также на элиту и государство. Важным моментом является то обстоятельство, что перенаселение в элите приводит к ее фрагментации, и недовольные фракции элиты провоцируют на восстания простой народ. Голдстоун продемонстрировал эффективность демографически-структурной теории при изучении революций нового времени в Англии, Франции, Турции, Китае. Вместе с американским историком П. Турчиным я написал изданную в Оксфорде книгу «Вековые циклы», в которой этот анализ был расширен за счет включения в том числе и Великой русской революции.

Привлечение разнообразных данных позволило показать, что русская революция имела тот же мальтузианский характер, что и

другие революции доиндустриального периода. Анализ сельскохозяйственной статистики показал, что с ростом населения России потребление падало, что в середине XIX в. оно приблизилось к голодной черте и далее балансировало на уровне минимальной потребительской нормы. При этом на окраинах, где было достаточно свободной земли, потребление оставалось относительно высоким, но в Центральной России существовала обширная область аграрного перенаселения, где миллионы крестьян жили в условиях малоземелья и хронического недоедания.

Наше исследование опиралось, в том числе и на работы дореволюционных историков, которые неявно придерживались немальтузианской позиции, и таким образом, продолжало давнюю историографическую традицию. Однако этот подход подвергся критике со стороны группы историков, возглавляемой Б. Н. Мироновым, которые призвали к пересмотру традиционной точки зрения. Миронов и его последователи утверждали, что после 1880-х годов имело место «существенное улучшение материального положения большинства населения России», что его уровень потребления «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии». В доказательство увеличения потребления Миронов представлял данные о росте новобранцев, который от первого призыва в 1874 г. до 1913 г. увеличился примерно на полвершка (2,2 см). Известный специалист по исторической антропометрии Йорг Батен резюмировал: «Основной тезис Миронова заключается в том, что не было никакого системного кризиса, который бы проявлялся в снижении уровня жизни в конце XIX века, в период, предшествующий Русской революции – напротив, то был период успешного развития Империи. Эта дискуссия является центральной в историографии, и она имеет критическое значение для сегодняшних политических споров: была ли Российская империя конца XIX века несостоятельной из-за своего авторитарного режима, или же причиной этой несостоятельности был так же низкий уровень жизни и здоровья населения?» (2).

Книга Миронова «Благосостояние и революции в имперской России», где была представлена его концепция, вызвала оживленную дискуссию на страницах центральных журналов. Критики обратили внимание на то, что в представленных Мироновым данных рост рекрутов практически не меняется до призыва 1890 года. Однако в 1890 г. произошел странный скачок: рост призывников во

все России увеличился в среднем на 1,1 см. Во многих губерниях были зафиксированы скачки до полувершка (2,2 см). Возникло подозрение, что в 1890 г. произошли какие-то неучтенные Мироновым изменения в системе сбора ростовых данных. Пришлось провести архивный поиск, в результате которого несколько месяцев назад был обнаружен циркуляр № 21 МВД от 18 августа 1890 г. (1. С. 165-174) Этот циркуляр вводил новую форму «Отчета по призыву к исполнению воинской повинности», в котором содержались результаты измерений рекрутов. При этих измерениях рекруты делились на группы и до 1890 года, к примеру, в третью группу входили рекруты с ростом от 2 аршин 3,5 вершков до 4,5 вершка. Средний рост этой группы был 2 аршина 4 вершка. Однако с 1890 г. в третью группу входили рекруты с ростом от с ростом от 2 аршин 3 вершков до 4 вершков. Средний рост этой группы составлял 2 аршина 3,5 вершка. Он уменьшился на полвершка, но Миронов по-прежнему считал его равным 2 аршина 4 вершка. Этим и объясняется скачок в данных Миронова. Если бы все чиновники единовременно перешли на новую форму, то скачок должен был составить полвершка, но некоторые продолжали использовать старую методику, поэтому скачок был меньше, но с дальнейшим введением новой методики фиктивный рост увеличивался и в конечном счете составил полвершка. Вот эта фиктивная прибавка в полвершка и была главным аргументом Миронова в споре о причинах русской революции.

Таким образом, данные о росте рекрутов не свидетельствуют об увеличении потребления в 1850-1913 годах. Потребление оставалось на низком уровне, что подтверждает выводы о мальтузианском характере российского социального кризиса начала XX века.

Источники:

1. Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской, военно-конской и военно-постоянной повинности. 1874-1900 гг. СПб.: Типография МВД, 1901.

Литература:

2. J. Baten. The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917, published by EH.Net (January 2013) - <http://eh.net/?s=Baten+Mironov>.

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61

ГСНТИ 14.35.19

Код ВАК 13.00.08

Д.Л. Островкин

Екатеринбург

**МЕДИЦИНСКОЕ И САНИТАРНО-
ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
В НАЧАЛЕ 1930 – Х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медицина, Уральская область, спецпереселенцы.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются условия проживания спецпереселенцев на территории Уральской области в период массового переселения, их бытовое, медицинское и санитарное обслуживание.

D. L. Ostrovkin

Yekaterinburg

**MEDICAL AND SANITARY-EPIDEMIOLOGICAL
PROVISION OF SPECIAL SETTLERS IN THE URAL REGION
IN THE EARLY 1930-S.**

KEY WORDS: medicine, Ural region, special immigrants.

ABSTRACT. This article describes the conditions of the special settlers living in the territory of the Ural region in the period of mass migration, their household, medical and health care.

В январе 1930 г. в СССР начинается реализовываться новая политика «ликвидации кулачества как класса». Результатом ее стали сотни тысяч крестьянских семей, которые были лишены избирательных прав, подверглись экспроприации имущества и сосланы с родной земли. Появляется абсолютно новый слой населения – спецпереселенцы.

Урал был главным районом ссылки крестьян. Сюда везли «кулаков» со всей страны: с Украины, из Белоруссии, Поволжья, Северного Кавказа, Татарии, Московской области и других регионов

страны. В 1930 – 1931 гг., по данным ОГПУ, в Уральскую область было ввезено 123547 семей (571355 человек) (8. С. 162).

Они были расселены в спецпоселках, расположенные в 69 районах Уральской области, в том числе в 3 округах: Коми-Пермяцком, Остяко-Вогульском и Ямальском. Все спецпереселенцы закреплялись за промышленными организациями, за исключением незначительного количества, оставленного для сельхозколлективизации – около 15000 человек (5. Л. 137). Однако инфраструктура, медицинская и санитарная составляющая для них была абсолютно не подготовлена.

«Раскулаченных» селили в спецпоселках, условия проживания в которых были очень тяжелыми. В Нижнем Тагиле спецпереселенцы жили в шалашах, землянках или бараках с дырявой крышей, не защищавшей от непогоды, без минимальной бытовой инфраструктуры. Так, даже на начало 1933 г. население спецпоселков Уралвагонстроя (Нижний Тагил) могло помыться не более одного раза в 3–4 месяца. В начале 1932 г. в Известковом поселке Магнитогорска в подавляющем большинстве жилищ был земляной пол, семьи в бараках ютились на общих нарах или под ними, печей не хватало, в помещениях было сыро. В Центральном поселке, в котором проживала основная масса спецпереселенцев (30 тыс. чел.) Магнитогорска, из-за отсутствия воды в течение 1,5 мес. не работала единственная баня. В Кизеле из-за недостаточного количества воды употребляли снег, в Надеждинске воду брали из болотных речек. Повсюду в спецпоселках царили скученность и грязь, не хватало бань, прачечных и туалетов (10. С. 348 – 353).

Планы по строительству жилья спецпереселенцев практически нигде не выполнялись. К сентябрю 1931 г., например, по леспрохозам, было построено лишь 48,4% от предполагаемого количества (9. С. 14).

Ситуация в спецпоселках осложнялась проживанием в них башкир, татар, марийцев и проч. Они, исходя из своих религиозных представлений, отказывались убирать свое жилье, пользоваться туалетами и выгребными ямами, мыться в бане, ставить противотифозные и другие прививки.

Медицинская помощь населению Ново-Лялинского района, в котором было шесть поселков спецпереселенцев, находилась в неудовлетворительном состоянии. При наличии больницы не имелось врача, обслуживалось население только одним фельдшером. Зубная

помощь населению совсем не оказывалась, при необходимости больных приходилось посылать в Надежнинск, Нижний Тагил и др. города. В самом поселке Ляля имелось всего 5 врачей, условия работы были плохие и они просто бежали из района. Благодаря недокомплекту врачей им приходится работать не по специальности, а быть универсалами (4. Л. 128).

В Коми-Пермяцком округе в поселках отсутствовали уборные, помойные ямы. Отбросы выбрасывались у помещений, или на улицу. Из-за отсутствия колодцев населению приходилось пользоваться речной водой, в результате – вспышка брюшного тифа (239 человек). Отмечался недостаток питания и крайне мало овощей в рационе. В итоге были случаи цинги в поселках, констатируются факты обнаружения больных с отеками, с изъязвлениями роговой оболочки с последующим выпадением радужной оболочки и слепоты, часто встречаются аменорея (отсутствие месячных у женщин).

В Добрянском районе было 10 поселков с 8 фельдшерскими пунктами. На каждом медпункте всего по 2 койки! Жилища на 80% сырые, вместо одной семьи помещались по 2 и более.

В Гаринском районе было организовано 7 медпунктов, за место 11, которые не были открыты за отсутствием медперсонала. О минимальных специальных помещениях для фельдшеров не было и речи. Приноравливались домики зырянского типа в поселках. Акушерская помощь полностью отсутствовала, не было ни одной акушерки (5. Л. 137 – 155).

Кроме отсутствия элементарных санитарных условий распоряжением Наркомлеса от 1.01.1932 г. и Наркомснаба были снижены нормы питания работающих в лесу из числа спецпереселенцев с 9 до 5 кг муки. Это никаким образом не могло обеспечить нормальным питанием рабочих. Из различных районов поступали в Облздравотдел сведения о крупных голоданиях. В Чердыне 800 рабочих не смогли выйти на работу, т.к. лежали с температурой 34 – 35 градусов, на почве чего развивалась массовая смертность. В Красновишерском Леспромхозе взрослые поедали паек детей. В поселке Дресвянка за февраль 1932 г. умерло от истощения 30 чел. из 500 чел. населения. Нередки были случаи, когда спецпереселенцы возвращались с работы, падали и тут же умирали.

В Верхотурье в больнице ежедневно лежало не менее 20 чел. тяжелобольных с голодными отеками, а т.к. такого рода больных

была масса, то в больницу они уже поступали в состоянии, когда помочь удавалось в исключительных случаях и большинство умирало через несколько дней. Резкий недостаток питания заставлял искать рабочих суррогаты: опилки, березовую кору, болотный мох. Наблюдались случаи поедания кошек, собак, крыс, поедание трупов павших животных. Резонансный случай произошел в Ивдельском районе, когда в избушке, откуда отец увез хоронить умершего от голода ребенка, умер в это же время второй ребенок и мальчишка из соседней избы отрубил у него обе ноги, которые затем были «сварены в котле». Не редки были случаи самоубийств на почве голода. В Чусовском районе, среди колхозников, приехавших из Бердюжского и Лебяжского районов уже в истощенном виде, начались голодные отеки, «люди представляли собой мешки, налитые водой» (4. Л. 342).

Особенно плохо с питанием спецпереселенцев было на лесозаготовках, где оно было недостаточно и по количеству, и по качеству. В еде было отсутствие жиров и мяса, дети получают те же продукты, что и взрослые, молока для детей не выдавалось. Переселенцы начинали варить и есть траву, появлялась от недоедания опухоль, дети совершенно ни чем не снабжались (6. С. 151).

Ослабленные от недоедания спецпереселенцы давали лишь 28 – 50% нормы выработки. Рабочий, попавший по случаю того или иного заболевания из-за нетрудоспособности на больничный, начинал получать иждивенческий паек, который был еще меньше и это в то время, когда ему необходимо было наоборот улучшенное питание для скорейшего восстановления трудоспособности.

Отдельных слов требует упоминание об обмундировании спецпереселенцев. Им приходилось работать в своей одежде, ночью подстилать ее же во время сна, ею же и укрываются. Происходило это из-за того, что как таковая спецодежда отсутствовала или не выдавалась, как и постельные принадлежности. В результате, она имела вид лохмотьев, особенно среди рабочих завезенных в первые годы спецсылки. Особенно тяжело было с теплой обувью, вследствие чего нередко были случаи обморожения.

В связи с резкой и большой перебрской населения все строительство велось поспешно, небрежно, зачастую из сырого леса. В результате в домах не было кладовок и спецпереселенцам приходилось держать всю одежду возле себя. Часто барак производил впечатление огромной кладовой, набитой хламом. В бараках были

сплошные нары, но из-за скученности нередко были случаи спанья под нарами.

Естественно, такое положение дел не могло сказаться благоприятно на санитарном положении Уральской области. Именно в начале 1930-х гг. в области происходят вспышки эпидемиологических болезней и в большинстве своем в местах расположения спецпереселенцев.

Выяснить роль спецпереселенцев в ухудшении санитарной ситуации в Уральской области не составляет труда. Так, до масштабной переброски спецконтингента на протяжении 1920-х гг. заболевания снижались, что можно проследить из таблицы, дойдя до самого низкого уровня по сравнению со всеми предыдущими периодами.

Таблица

**Движение заболеваемости в Уральской области
в 1924 – 1930 гг. (2. Л. 40)**

Заболевание	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Сыпной тиф	8253	4819	2550	2208	1759	1216	1836
Брюшной тиф	5439	8737	5486	10258	7561	9467	11163
Оспа	3041	3418	3189	2899	1266	239	348

Однако в связи с массовой переброской на данную территорию «спецконтингента» (спецпереселенцы, административные ссыльные, заключенные), а также в условиях сосредоточения в промышленных центрах и на новостройках огромного количества людей происходит резкое повышение заболеваемости.

Уже в 1931 г. число заболевших сыпным тифом составило 13549 чел., брюшным тифом – 23653 чел., а натуральной оспой – 1128 чел. Наибольшие очаги заболеваний были установлены в районах спецпереселенцев – Надеждинск, Кизел, Чусовая, Каменск, Верхотурье, Магнитогорск и отдельные случаи зафиксированы в 20 районах области. В Магнитогорске до 70% заболеваемости брюшным и до 90% сыпным тифом было на доле спецконтингента, в Надеждинске – 75% (2. Л. 40). Необходимо учитывать, что больные спецпереселенцы тесно контактировали с рабочими в производственной обстановке, в результате были не редки случаи распростра-

нения инфекций из спецпоселков в районы постоянного жительства.

Особо неблагоприятную роль в развитии эпидемий играл железнодорожный транспорт. Перегруженность подвижного состава, вокзалов, постоянные пробки на путях пассажирского движения, создали основную опасность в разнесении эпидемий. Особо показателен пример Уралмедстроя, где из 17 заболевших за две декады 14 были переселенцами.

В связи с этим, происходила мобилизация медицинских работников, а также переброска медперсонала на очаги эпидемий, что важно, она не встречала сопротивления со стороны работников, как отмечалось в документах, врачи готовы были выполнять любое поручение на «противоэпидемическом фронте» (2. Л. 41).

Проводилась полная госпитализация сыпнотифозных больных и санобработка. Шла госпитализация брюшно-тифозных из общежитий и из барачков в крупных новостройках и промцентрах. Развернута была вакцинация против брюшного тифа во всех очагах эпидемий. В одном Магнитогорске охвачено прививками было больше 100 000 человек. Во всех местах, где имелись случаи заболевания оспой, была развернута поголовная вакцинация населения. Кроме того, Облздравотдел должен был установить поголовное оспопрививание спецпереселенцев. Основное препятствие в развертывании противоэпидемиологических мероприятий было в отсутствие заразных барачков. Каждый день в Облздрав поступали запросы об отпуске коеек, белья, мануфактуры, постельных принадлежностей, но, к сожалению, они не удовлетворялись (1. Л. 10).

Местные органы обязывались закончить строительство жилищ к середине 1932 г. для спецпереселенцев из расчета не меньше 3 кв. м. на человека и простейших прачечных из расчета 3 корыта на 1000 населения (3. Л. 61, 62).

Но на самом деле количество жилой площади для спецпереселенцев было от 0, 5 до 1, 5 кв. м. на человека, редко подымаясь до более высокой обеспеченности. Дополнительные трудности создавали дети, обуславливающие в них постоянный шум, отчего страдал отдых рабочих.

Хозяйственные организации, использующие труд спецпереселенцев должны были выделить в распоряжение Облздравотдела по 50 коп. на каждого человека для проведения противоэпидемиологических мероприятий. Облснаботдел должен был выделить для

развертывания заразных коек 3000 комплектов белья нательного, 3000 простынь, 2000 халатов, 2000 одеял, 2000 пар носков (4. Л. 173). Но постановления не выполнялись. В первую очередь из-за отсутствия материалов, финансов и заинтересованности со стороны администрации поселков.

Еще одной проблемой, которой занимались органы НКЗ в 1930-х гг. была борьба с детской беспризорностью. Согласно постановлению СНК РСФСР №681 1933 г. и НКЗ №253 от 1933 г. перед местными органами здравоохранения ставили вопрос об организации борьбы с беспризорностью детей различного возраста. На Урале эта проблема была обширна. Главным образом огромный рост детской беспризорности был среди спецпереселенцев (989 человек в 1931 – 32 гг. и 8000 в 1933 г.), вследствие чего приходилось организовывать новые детские дома, которые были мало приспособлены и необорудованные (4. Л. 162; 7. С.).

Одновременно с этим постоянно увеличивалось подкидывание. Характерен был тот факт, что подкидывание охватывало в то время детей старше года. Почти из каждого района имелись сведения о том, что в яслях живут беспризорных дети, для которых приходилось содержать специальный ночной персонал. Объяснение этому факту довольно простое. Все вышеизложенные материалы о жилищных условиях, питании, одежде пагубно отражались на детях и смертность среди них. На промышленном комбинате в г. Перми в августе – сентябре умерло около 30% всех детей, в Н. Лялинском районе за год родилось 87, а умерло 347, в Гаринском районе родилось за 2 месяца 32, а умерло 73 и вся эта смертность в большинстве случаев была среди детей (4. Л. 12). Родители просто не имели возможности прокормить своих детей и предпочитали оставлять их на попечение государству. При этом на местах задерживали или не отпускали денег, дров, не содействовали для получения мануфактуры.

Подводя итог, отметим, что медицинское и санитарное положение спецпереселенцев в начале 1930-х годов было очень тяжелым. Они были переселены на неподготовленные места, их материальное и бытовое положение оставалось крайне низким, медицинское обслуживание не удовлетворяло потребностей. Основными проблемами для большинства переселенческих семей были дефицит жилья, отсутствие одежды и обуви, голод, недоступность медицинской помощи.

Источники:

1. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3418.
2. ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 10.
3. ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 8.
5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238

Литература:

6. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928 – 1934 гг.: Сборник документов и материалов. Т. 1. Сост.: Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. Оренбург: изд-во «Оренбургское литературное агентство», 2005. 285 с.
7. Беспризорность на Урале. 1929 – 1941. Сб. документов и материалов / сост. Г.Е. Корнилов, И.К. Лавров. Екатеринбург: изд-во АМБ, 2009. 735 с.
8. Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4.
9. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930 – 1936 гг.) / сост Т.И. Славко, А.Э. Бедель. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993.
10. См.: Журавлева В.А. Причины повышенной смертности горожан Урала в 1929-1933 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 348 – 353.

УДК 930.1(470.084.8)

ББК Т1(2)622-2 ГСНТИ 03.09.31

Код ВАК 07.00.03

А.И. Прищепа

Сургут

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ РОЛИ ЛЕНД-ЛИЗА В ПОБЕДЕ СССР

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: промышленная продукция, продовольствие, вооружение, транспортировка, антигитлеровская коалиция, ленд-лиз.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется освещение проблемы объема поставок промышленных товаров и вооружения союзников по антигитлеровской коалиции Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны. Обращается внимание на эволюцию исторических оценок масштабов военно-технической и продовольственной помощи СССР после методологического реформирования отечественной исторической науки.

A.I. Prishchepa

Surgut

HISTORIOGRAPHICAL ASSESSMENT OF THE ROLE OF LEND-LEASE IN THE SOVIET VICTORY

KEY WORDS: Industrial products, food, weapons, transportation, coalition, lend-liz.

ABSTRACT. The article analyzes the coverage of the scope of supply of industrial goods and weapons to the anti-Hitler coalition to the Soviet Union during the great Patriotic war. Attention is drawn to the historical evolution of the estimates of the scale of military-technical and food aid to the USSR after the methodological reform of national historical science.

Первую официальную историческую оценку роли ленд-лиза дал председатель Госплана СССР Николай Вознесенский, который в своей книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», опубликованной в 1948 г., писал: «...Если сравнить размеры поставок союзниками промышленных товаров в СССР с размерами производства промышленной продукции на социальных предприятиях СССР за тот же период, то окажется, что

удельный вес этих поставок по отношению к отечественному производству в период военной экономики составит всего лишь около 4%» (4. С. 74).

Скептически относящиеся к этому утверждению современные историки, выражают недоверие, прежде всего методике подсчета такого удельного веса. Они задают вопрос: «Каким образом была получена эта цифра, так как в отсутствии конвертируемости рубля невозможно было оценить советский ВВП в денежном выражении. Если счет шел на единицы продукции, тогда не понятно, каким образом танки сравнивать с самолетами, а продовольствие с алюминием» (9). Тем не менее, этот штамп советской историографии надолго закрепился в «доперестроечной» научной и учебной литературе (8. С. 139).

Об устойчивости этого стереотипа свидетельствует то, что его инерция прослеживается и в современных учебниках для вузов. Так, авторы оригинального новаторского учебного пособия А.П. Деревянко и Н.А. Шабельниковой по-прежнему продолжают утверждать, что «общая стоимость поставок по ленд-лизу составила 11 млрд долларов, или 4,5 % от всех материальных ресурсов, использованных СССР во второй мировой войне». Последующие упоминания о более высоком уровне самолетов, танков и грузовиков не умаляет их общего вывода о скромном характере этой помощи, которая лишь «помогла советской экономике уменьшить негативные последствия в военном производстве» (5. С. 355).

Определенным шагом в преодолении вывода Н.А. Вознесенского является суждение А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина. Оно носит достаточно противоречивый характер, но, вместе с тем, отражает наметившуюся «обновленческую» тенденцию в новейшей отечественной литературе. С одной стороны, упомянутые авторы по-прежнему утверждают, что «в общей сложности поставки составляли около 4 % продукции, произведенной в годы войны в СССР». С другой, они соглашаются с новейшими историографическими подходами в том, что «помощь по ленд-лизу, без сомнения, укрепляла военную мощь СССР» (1. С. 59).

В зафиксированных в 1963 г. органами госбезопасности СССР беседах Г.К.Жуков утверждал: «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У

нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом и взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталию? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было в изобилии» (9).

Очень решительно этот тезис отстаивает В.М. Бережков, когда заявляет: «Теперь легко говорить, что ленд-лиз ничего не значил. Он перестал иметь значение много позднее. Но осенью 1941 года мы все потеряли, и, если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие, теплые вещи для армии и другое снабжение, еще вопрос, как обернулось бы дело» (2. С. 337).

Этот вывод В.М. Бережкова находит подтверждение цифровыми данными исторической литературы 1990-х гг. Так, И.П. Лебедев пишет: « За время войны СССР получил от союзников в помощь по ленд-лизу 18700 (по другим данным, 22200) самолетов, включая истребители «аэрокобра», «китти-хаук», «томагавк», «харрикейн», средние бомбардировщики Б-25, А-20 «Бостон», транспортный Си-47, 12200 танков и самоходных установок, 100 тыс.км., телефонного провода, 2,5 млн телефонов, 15 млн пар сапог, более 50 тыс. т. кожи для пошива обуви, 54 тыс. м шерсти, 250 тыс. т. тушенки, 300 тыс. тонн жира, 65 тыс. т коровьего масла, 700 тыс. т сахара, 1860 паровозов, 100 цистерн на колесах, 70 электродизельных локомотивов, около тысячи саморазгрузочных вагонов, 10 тыс. железнодорожных платформ. С их помощью на фронт и в тыл было доставлено от союзников 344 т взрывчатки, почти 2 млн т нефтепродуктов, 2,5 т специальной стали для брони, 400 т меди и бронзы, 250 тыс. т алюминия. Из этого алюминия можно было построить 100 истребителей и бомбардировщиков – почти столько же, сколько наши авиазаводы произвели за всю войну» (6. С. 28; 7. С. 71-75).

С этими выводами солидаризируется И. Бунич, утверждая, что без поставок по ленд-лизу «Сталину никогда бы не удалось наладить крупномасштабного наступления...» (3. С. 269).

Литература:

1. Барсенков А.С. Вдовин А.И. История России. 1938-2002: учебное пособие. М., 2003.
2. Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993.

3. Бунич И. Операция «Гроза», или ошибка в третьем знаке. Т. 2. СПб., 1994.

4. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

5. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России: учебное пособие. М., 2006.

6. Лебедев И.П. Авиационный ленд-лиз // Военно-исторический журнал. 1991. №2. С. 27-29.

7. Лебедев И.П. Еще раз о ленд-лизе // США: Экономика. Политика. Идеология. 1990. № 1. С. 71-75.

8. США. Словарь-справочник. М., 1960. С. 486.

9. Дипломатический словарь. Т. II. 4-е изд. М., 1986.

10. www.ehorussia.com/new/node/95 (дата обращения 15.01.2016).

УДК 37.01:94(470)

ББК 74.03:3(2Р)

ГСНТИ 14.09:03.09

Код ВАК 07.00.02

Д.Ю. Пухов
Екатеринбург

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКОЙ ПРЕССЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯТСКОЙ И ПЕРМ- СКОЙ ГУБЕРНИЙ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образование, школа, уральская пресса конца XIX – начала XX в., Вятская губерния, Пермская губерния, интеллигенция.

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются позиции земской и частной прессы Вятской и Пермской губерний конца XIX– начала XX в. по вопросам развития российского образования. Делается вывод о том, что в региональной периодике обосновывалась необходимость обеспечения доступности образования, усиления влияния общественности на организацию школьной жизни, повышения уровня жизни учителей, поддерживался принцип вузовской автономии.

D.U. Pukhov
Yekaterinburg

**DISCUSSIONS ON DEVELOPMENT OF EDUCATION IN
URALPRESS LATE XIX – EARLY XX CENTURY (MATE-
RIALS VYATKAAND PERM PROVINCE)**

KEY WORDS: education, school, Ural Presslate XIX –early XX century, Vyatka province, Perm province, the intelligentsia.

ABSTRACT. The author considers the position of the press Vyatka and Permprovinceslate XIX –early XX century on the development of the Russian education. The conclusion isthatregional periodicalsjusti fies the need toensureaccess to education, strengthening public influence on the organization of school life, decentlivingstandards of teachers, supports the principle ofuniversityautonomy.

Бурное развитие региональной прессы в конце XIX–начале XX в., являвшееся одной из составляющих эволюции российской политической системы в целом, сопровождалось активизацией публичных дискуссий по самым различным актуальным вопросам общественной жизни. Значительно внимание уделялось в уральской периодике проблемам образования. Изучение материалов земской и частной периодики конца XIX – начала XX в. позволяет выявить наиболее значимые для общественного мнения аспекты функционирования образовательной системы, показать представления провинциальной дореволюционной интеллигенции, взгляды которой в значительной степени нашли отражение в публикациях рассматриваемых изданий, о перспективах развития отечественной начальной, средней и высшей школы.

Одной из значимых идейных доминант публицистических материалов региональной прессы являлось обоснование необходимости расширения системы народного образования. На страницах земской «Вятской газеты» обеспечение массовой грамотности, рассматривалось как залог успешной экономической модернизации страны. «...Чтобы поднять народное благосостояние, необходимо прежде научить население, дать ему грамоту», – отмечалось в вятском издании (2. 1895. 14 декабря). В целом ряде статей земской газеты обсуждались вопросы развития сети народных школ в губернии, организации образовательных учреждений для взрослых и системы библиотек (2. 1895. 6,13, 20 апреля, 25 мая, 1 июня, 27 ию-

ля). Показательно, насколько важное значение придавал руководитель вятского губернского земства и редактор «Вятской газеты» А.П. Батуев поддержке и развитию народного образования. Лидер вятских земцев рассматривал систему образования как один из ключевых факторов, обеспечивающих бесконфликтное, эволюционное развитие общества. Человек, стремящийся к мирному общественному прогрессу, писал А.П. Батуев, «должен стараться еще и о распространении школ грамотности, о распространении книг в среде народа, помогать материально и советами желающим пойти в высшие учебные заведения, должен действовать в этом смысле в земствах в думах» (1. С. 41).

Значительное внимание проблемам образования уделяла редакция «Вятского края». В публикациях этого издания развитие системы образовательных учреждений рассматривалось не только как гуманитарная проблема, но и как важный фактор экономического развития страны. Так, публицист, подписывавшийся Н. К-н, полагал, что «степень производительности труда у известного народа обуславливается главным образом суммой знаний, которыми он обладает, уровнем его образования». В статьях Н. К-н приводились статистические данные, мнения экономистов, подтверждающие данный тезис (5. 1895. 2 марта, 1896. 18, 20, 22 августа). Сходные взгляды отстаивались в опубликованном в «Вятском крае» цикле статей В. Бонч-Бруевича, который считал, что, в условиях перехода к машинному производству приумножение «народного богатства» находится в непосредственной связи с финансированием образовательных учреждений (5. 1897. 9,12,21,28 августа). За увеличение ассигнований на народное образование выступали авторы статей «Вятской жизни» (3. 1906. 28 января, 14 июля).

Важность развития сети начальных и средних учебных заведений в регионе отмечалась на страницах «Пермского края» (13. 1903. 27 апреля, 15 мая, 8 июня). Редакция «Уральской жизни» обращала внимание на необходимость развития народного образования и увеличения бюджетных расходов на эти цели (15. 1907. 12 сентября, 1913. 4 августа). «Пермская земская неделя» писала о социально-экономической значимости распространения технических знаний (12. 1907. 19 июня, 1910. 15 октября). А.Николаев на страницах «Пермской жизни» указывал, что для развития промышленности целесообразнее тратить бюджетные средства не на субсидии заводчикам, а на совершенствование системы образования (11.

1916. 10 января).

Уральская пресса много писала о важности решения проблемы доступности образования. Так, в публикациях «Вятского края», «Вятской речи» и «Уральской жизни» пропагандировалась идея введения всеобщего начального образования (4. 1908. 16 октября; 5. 1895. 6 июня; 15. 1902. 17 марта, 16 октября).

«Уральская жизнь» обращала внимание читателей на необходимость облегчить доступ к обучению для рабочих. Повышение образовательного уровня пролетариата, по мнению публицистов екатеринбургского издания, должно было улучшить качество производимой продукции, способствовать росту производительности труда и заработка, сделать более доступными для рабочих высокие должности на предприятиях, а также содействовать развитию правосознания трудящихся. Отмечалось, что совершенствование системы образования соответствует интересам как рабочих, так и самих предпринимателей. «Уральская жизнь» пропагандировала идею расширения сети фабричных школ. В одной из статей предлагалось в законодательном порядке обязать заводчиков открывать при своих предприятиях школы для рабочих (15. 1900. 22 ноября, 1901. 16 мая, 12, 25 октября). «Крестьянская газета» писала о целесообразности введения бесплатного образования (10. 1906. 14 марта). Авторы публикаций в «Вятской речи» отмечали, что школа не должна быть сословной. Редакция газеты выступала за облегчение перехода из начальной школы в среднюю, отмену переводных экзаменов в средних классах, равноправие при поступлении в высшие учебные заведения и увеличение числа студентов (4. 1908. 7, 28 июня, 26 августа, 1912. 16 мая, 5 июня, 14 июля).

На страницах ряда региональных изданий проводились идеи усиления влияния институтов гражданского общества на организацию образовательного процесса и автономии образовательных учреждений. «Вятская газета» писала о желательности создания районных сельскохозяйственных советов с участием крестьян, которые занимались бы в числе прочих и вопросами образования (2. 1896. 21 марта). В статьях «Вятской жизни» высказывалось мнение о необходимости общественного контроля за деятельностью образовательных учреждений (3. 1905. 25 декабря, 1906. 4 января, 23 марта). «Уральская жизнь» выступала за усиление влияния представителей земства на организацию педагогического процесса в народной школе (15. 1901. 17 ноября).

«Епархиальные отголоски» предлагали обновить весь «внутренний строй» духовной школы на основе «принципа свободы»: ввести выборность школьного руководства, «пойти навстречу духовным запросам учащихся», а не преследовать их, «создать те или иные легальные способы для выражения учащимися их частных или коллективных желаний», предоставить родителям возможность оказывать влияние на внутреннюю жизнь школы, дать преподавателям право выбора программ и учебников. (7. 1906. 12, 15, 17 апреля). Публицист «Уральского края» полагал, что «необходимо давлению администрации с ее циркулярами противопоставить авторитет совместного союза педагогического персонала и родителей, который обязан будет прислушиваться к голосу самой молодежи» (16. 1906. 23 августа).

«Вятская речь» писала о целесообразности усиления влияния родительских комитетов, земств и общественных организаций на процесс обучения, выступала за ослабление политического и религиозного надзора за жизнью школы (4. 1908. 12 марта, 6 апреля, 15 июня). Публицист «Пермской жизни» призывал к расширению деятельности родительских комитетов (11. 1915. 24 ноября). Автор серии статей в «Елабужских вестях» предлагал предоставить большую самостоятельность учителям, оградить их от «произвола» администрации (6. 1906. 20,24,27,31 мая). В публикациях «Вятской речи» и «Уральской жизни» поддерживался принцип университетской автономии (4. 1908. 7 июня; 15. 1908. 9 января).

Высказывались в прессе критические замечания, касающиеся содержания школьной программы. Прежде всего, обращалось внимание на избыточное, по мнению публицистов, количество учебного времени, отведенного на изучение «классических» дисциплин (4. 1912. 19 июля; 6. 1906. 20, 24, 27, 31 мая).

Авторы ряда публикаций выступали против религиозной составляющей школьного образования. В статьях «Прикамского края» популяризировалась идея создания единой светской бесплатной школы, подвергалось критике церковное образование (14. 1906. 26 ноября, 2 декабря). По мнению редакции «Вятской речи», «основной ячейкой всероссийской школьной сети» должна быть «светская школа, потому что только она располагает кадром людей надлежащего опыта и подготовки, только она чужда реакционных целей, только она может удовлетворить потребностям в знаниях всего населения без различия религии и национальности» (4. 1908.

14 ноября).

Обсуждение содержательной стороны школьного образования и воспитания, как и некоторых других аспектов работы системы народного просвещения в целом ряде случаев велось в общественно-политическом контексте. Нередки были крайне эмоциональные суждения, отражающие политические взгляды того или иного публициста. Особенно это характерно для материалов периода Первой революции. Автор «Елабужских вестей» в 1906 г. писал, что современная школа представляет собой не систему воспитания, а систему «дисциплинирования», цель которой – искоренение инакомыслия среди учащихся. Используемые при этом методы (ограничение круга чтения, усиленное внимание к классическим языкам, большое количество наказаний), по мнению автора, не могли обеспечить достижения данной цели и лишь подстегивали рост оппозиционных настроений среди школьников. В одной из публикаций этого же издания утверждалось, что школьные курсы составлены тенденциозно и призваны «воспитать учеников в духе порабощения» (6. 1906. 20, 24, 27, 31 мая, 9 сентября).

«Епархиальные отголоски» критиковали организацию воспитательной работы в церковной школе: слишком строгие требования дисциплины, чрезмерное ограничение самостоятельности учащихся, запреты на чтение, строгую регламентацию работы преподавателей (7. 1906. 12, 15, 17 апреля).

«Пермский край» утверждал, что средняя школа стремится воспитать «безличных манекенов», которые «могли бы без протеста и особых дум жить в условиях полного полицейского произвола» (13. 1905. 12 ноября). На страницах «Камского края» подвергалась критике «виц-мундирная, футлярная, схоластическая» система народного образования. «Свободная школа», - писала газета, – возможна лишь в «свободном государстве» (9. 1906. 21 июня). «Затхлая, удушающая атмосфера наших школ, пропитанная зловонными испарениями полицейско-жандармского строя, заставляет протестовать даже маленьких детей», – полагал один из публицистов «Уральской жизни». «Наша средняя школа несёт много чисто полицейских функций и первой целью своей ставит лояльность будущих граждан», – писал постоянный автор екатеринбургского издания (15. 1907. 8 сентября). «Народное образование всегда... было важнейшим орудием политики», – утверждалось в статье «Вятской речи». Решение проблем российского образования с точки зрения

редакции этого издания, было возможно только при условии проведения политических реформ (4. 1914. 3 января). Автор «Пермской жизни» В. Илен подчеркивал взаимосвязь политических реформ и содержания школьного образования. «Зародить на школьной скамье в юноше жажду общественной деятельности, научить его любить Родину не квасной любовью – значило сознательно подготовить его к жизненным неудачам, – полагал публицист. – И теперь школа будет такой, какую потребует жизнь» (11. 1916. 3 марта). «Бесспорно – умиротворение средней школы и теперь, как и в прошлом, будет находиться в зависимости от общих условий жизни страны», – писал «Уральский край» (16. 1906. 23 августа).

В некоторых публикациях уральской прессы периода революции 1905 – 1907 гг. обсуждалась проблема участия учителей в политической жизни. Так, «Пермский край» осенью 1905 г. призывал преподавателей присоединиться к забастовке учащихся средних учебных заведений (13. 1905. 16 ноября). Весной 1906 г. в «Камском крае» была опубликована статья В.В.Южакова, выступавшего против политизации учительских профсоюзов, так как она, по его мнению, могла привести к разобщению членов профессиональных организаций (9. 1906. 25 апреля).

В региональной печати ставились и другие проблемы системы образования. «Пермская жизнь» предлагала заменить балльные оценки отзывами учителей об учениках (11. 1915. 24 ноября). «Прикамский край» популяризировал идею распространения кооперативных и частных начальных школ (14. 1907. 29 августа). «Кама», «Вятская речь» и «Елабужские вести» отмечали важность создания внешкольных образовательных и просветительских учреждений (4. 1913. 30 января; 6. 1906. 27 июня; 8. 1913. 7 марта). Уральские газеты пытались привлечь внимание общественности к проблеме низкого жизненного уровня учителей (4. 1908. 23 августа; 8. 1913. 26 августа; 15. 1901. 18 сентября).

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что уральская региональная пресса конца XIX – начала XX в. выступала за расширение системы образовательных учреждений, доступность образования, усиление роли земств, родительских комитетов, учащихся и общественных организаций в организации школьной жизни. Поддерживался принцип вузовской автономии. Ставились проблемы демократизации отношений между школьной администрацией, преподавателями и учениками, сокращения объема препода-

давания «классических» дисциплин, реформирования системы оценок, развития внешкольного образования, обеспечения достойного уровня жизни учителей. Высказывалось мнение о том, что основой российской образовательной системы должна быть светская школа. В то же время необходимо учитывать высокий уровень политизированности части газетных материалов. В избыточной подчас критичности и эмоциональности, проявлявшихся при обсуждении вопросов школьной жизни, отразился высокий накал общественно-политической борьбы начала XX в.

Литература:

1. Батуев А.П. Исповедь. Киров. 2000.

Источники:

2. Вятская газета: Издание Вятского губернского земства. Вятка. 1894–1907.

3. Вятская жизнь: Газета общественно-политическая и литературная. Вятка, 1905–1906.

4. Вятская речь: Общественная, экономическая и литературная газета. Вятка, 1908–1917.

5. Вятский край: Газета общественная, литературная и экономическая. Вятка, 1895–1898.

6. Елабужские вести. Елабуга, 1906.

7. Епархиальные отголоски. Вятка, 1906–1907.

8. Кама: Общественно-политическая экономическая и литературная газета. Сарапул, 1913–1917.

9. Камский край: Ежедневная общественно-политическая газета. Пермь, 1906–1907.

10. Крестьянская газета. Вятка, 1906.

11. Пермская жизнь: Ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Пермь, 1915–1917.

12. Пермская земская неделя: Издание Пермского губернского земства. Пермь, 1907–1917.

13. Пермский край: Ежедневная газета. Пермь, 1900 – 1906.

14. Прикамский край. Общественно-политическая и литературная газета. Сарапул, 1906 – 1908.

15. Уральская жизнь: Газета общественная, литературная и торгово-промышленная. Екатеринбург, 1899 – 1917.

16. Уральский край: Политическая, общественная и литературная газета. Екатеринбург, 1906 – 1911.

УДК 94 (470.5) «17»

ББК 63.3. (235.55) 531.

ГСНТИ 15.58 Код ВАК 07.00.02

Е.Ю. Рукосуев

Екатеринбург

ПОДГОТОВКА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народные училища, педагогическое образование, государственное распределение специалистов.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс создания начального школьного образования в России в период правления Екатерины II, учредившей для этого специальную Комиссию, которая подготовила проект создания народных училищ и разработала их устав. Комиссией было создано Главное народное училище, в котором проходили обучение будущие учителя. В конце XVIII в. был утверждён указ, запретивший специалистам, подготовленным для работы учителями за счёт казны, переходить в другие ведомства.

E. Y. Rukosuev

Yekaterinburg

PREPARATION AND DISTRIBUTION OF PEDAGOGICAL PERSONNEL IN RUSSIA IN THE LATE XVIII CENTURY

KEY WORDS: public schools, teacher education, state distribution of specialists.

ABSTRACT. The article discusses the process of creating primary school education in Russia during the reign of Catherine II, who established a special Committee, which prepared the project of creation of national schools and developed their Charter. The Commission was created by the General folk school, which trained future teachers. In the end of XVIII century was approved by a decree that forbade the specialists trained to work with teachers at the expense of the Treasury, to move to other departments.

Правление Екатерины II явилось началом русской государственной школы. Поставив перед собой одной из главных задач просвещение подданных, Екатерина II не могла не обратить внимания

на состояние начальных образовательных учреждений. В годы её правления предпринимались решительные шаги в реформировании школы.

Именным указом от 7 сентября 1782 г. была учреждена Комиссия для заведения в России народных училищ (4. Т. 21. № 16507), в составе: тайного советника П.В. Завадовского и действительных статских советников Ф.И. Эпинуса и П.И. Пастухова. В состав комиссии был также включён Фёдор Янкович (2), имевший большой опыт «в устройстве таковых народных школ в землях владения ... императора Римского». Комиссии было поручено проверить иностранные книги, которые уже переведены на русский язык, а также все вновь переводимые, которые были необходимы для использования в работе народных училищ, внести в них исправления «для соглашения с законом нашим православным и с состоянием гражданским империи нашей», разработать устав начальных учебных заведений. Ф.И. Янковичу было дано отдельное поручение – составить программу развития школьного образования в России. Заведение народных школ было указано начать с Санкт-Петербургской губернии.

К середине следующего года Комиссией был подготовлен доклад для Правительствующего Сената и план создания Главного народного училища, в котором предполагалось готовить будущих учителей для губернских и уездных народных училищ. 9 июня 1783 г. именным указом Комиссии было повелено «для удобнейшего снабжения разных народных училищ потребным числом учителей, завести в Санкт-Петербурге Главное народное училище на основании плана, от комиссии пред сим представленного и доклада, от него поданного» (4. Т. 21. № 15755). Право учиться в училище за собственный счёт было предоставлено всем желающим. Особо было указано «учить и содержать на казённом иждивении не менее ста человек для должностей учительских из духовных семинарий, из школ воинских команд и из добровольно желающих». Комиссии было дано право привлекать в качестве преподавателей «способных и нужных людей от Санкт-Петербургской академии наук и от Московского университета». На содержание училища предполагалось выделять ежегодно необходимое пособие от казны. Но так как эта сумма на первый год работы училища была ещё не установлена, то Екатерина II распорядилась выделить «до усмотрения» 10000 руб. из собственных средств, о чем дала соответствующий указ

своему кабинету.

В течение 1783 г. Комиссией были вызваны 48 молодых людей из различных губерний страны для «приготовления к учительской деятельности». За октябрь-ноябрь этого же года контингент будущих учащихся был доведён до 100 человек. 13 декабря в Санкт-Петербурге было открыто Главное народное училище с учительским отделением при нем. Для помещения училища казной был приобретён дом купца Шукина в Чернышевском переулке. Из набранных 100 воспитанников было отобрано 50 лучших в учительское отделение. Занятия с ними начались в январе 1784 г. (1. С. 137).

При открытии новое учебное заведение посетила сама императрица. Она присутствовала на занятиях во всех четырёх классах, задавая учащимся вопросы по истории и географии России, и осталась очень довольной полученными ответами (3. С. 29).

Первый набор училища закончил своё обучение за 2,5 года – в начале июля 1786 г. были выпущены первые учителя – специалисты для главных и малых народных училищ всей страны. Среди преподавателей первых лет были видные учёные М.Е. Головин, В.Ф. Зуев и др. Однако желая создать специальный центр по подготовке квалифицированных учителей, Екатерина повелела выделить из состава училища учительское отделение, преобразовав его в Учительскую семинарию, существовавшую в период 1786-1802 гг. На её основе затем был создан Учительский институт, а позднее – Главный педагогический институт (1. С. 137).

29 января 1786 г. был издан указ Комиссии об учреждении народных училищ (4. Т. 22. № 16315). А 5 августа 1786 г. Екатериной II был утверждён «Устав народным училищам в Российской империи» (4. Т. 22. № 16421). Согласно этого указа и в соответствии с «Уставом» в каждом губернском городе Российской империи должны были быть учреждены главные училища, состоящие из четырёх разрядов-классов (старший класс – два года). В уездных городах, а также в губернских, где «главного училища было не довольно», разрешалось открывать малые училища. Комиссия могла требовать «пособия силою сего указа» как от духовных училищ, так и от Санкт-Петербургской академии наук и Московского университета, «кои таковое пособие всемерно подавать обяваны».

Однако, в дальнейшем, получившие педагогическое образование специалисты не всегда были довольны своей заработной пла-

той и бытовыми условиями, стараясь перейти на работу в другое ведомство, где их знания были бы оценены. Осуществляя борьбу с «утечкой мозгов», Комиссией об училищах был составлен специальный доклад, представленный 20 августа 1797 г. Правительствующему Сенату. В докладе было сказано, что учителя не имеют «свободы переходить в иное звание, а чрез то лишаются всех средств произойти по другой службе, сколько бы велики способности и дарования их в прочем ни были» (4. Т. 24. № 18102). Но, Сенат подтвердил, чтобы те из учителей, которые «на казённом иждивении к должности сей приуготовлены, не могут настоящего своего звания оставить и в другую службу ни увольняемы, ни принимаемы быть без позволения Комиссии, или того начальства, от которого они к должности учительской приуготовлены», потому, что «ибо иначе, доколе ещё науки довольно не распространились, трудно будет находить на места их со стороны охотников, а паче в должности учителей верхних разрядов, которых образование требует нарочитого времени и иждивения» (4. Т. 24. № 18102). Поэтому, «для сохранения пользы учителей», всем губернским правлениям было предписано, чтобы учителей, которые «к должности сей приуготовлены на казённом иждивении, кроме настоящего их звания, в другую службу ни увольняемы, ни принимаемы быть не могли, без точного на то позволения Комиссии, или того начальства, от которого они к должности учительской приуготовлены были» (4. Т. 24. № 18102).

Фактически данный указ может считаться первым законодательным актом, которым вводилось государственное распределение молодых специалистов, получившее широкое распространение в дальнейшем.

Литература:

1. Болгова А.М. Создание учебно-воспитательных учреждений для подготовки людей «третьего чина» в ходе образовательных реформ Екатерины II // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). Вып. 6. С. 133-141.

2. Воронов А.С. Фёдор Иванович Янкович-де-Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858. – 167 с.

3. Зябловский Е.Ф. Историческая повесть об учительской семинарии и педагогическом институте. СПб., 1833. 53 с.

Источники:

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649 г. – 12 декабря 1825 г. В 45 тт. СПб., 1830.

УДК 94(470.5).084.8

ББК ТЗ(235.55)622-2

ГСНТИ 03.09.31

Код ВАК 07.00.03

Ю.О. Савичева

Магнитогорск

**«РАБОТАЮЩАЯ МАТЬ»: ТРУДНОСТИ
МАТЕРИНСТВА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендерная история, история повседневности, Великая Отечественная война, промышленные города, Южный Урал

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые аспекты организации жизни женщин промышленных городов Южного Урала. Анализируются трудности, с которыми столкнулась женщина-мать в экстремальной обстановке войны. На основе архивных документов и воспоминаний предпринимается попытка выявления тех способов решения проблем, которые встали перед женщинами в годы Великой Отечественной войны. От того насколько хорошо женщины могли справиться с трудностями зависело не только их существование, но и жизнеспособность их детей.

Y.O. Savicheva

Magnitogorsk

"WORKING MOTHER": SOME DIFFICULTIES OF MOTHERHOOD IN A TIME OF WAR (ON THE EXAMPLE OF THE CITIES OF THE SOUTHERN URALS)

KEY WORDS: gender history, history of everyday life, the Great Patriotic war, the industrial city, the Southern Urals

ABSTRACT. This article discusses some aspects of women's lives in industrial cities of the Southern Urals. Examines the difficulties faced by the woman-the mother who keen on extreme environment of war. On the basis

of archival documents and memoirs, it attempts to identify ways of solving problems that faced women during the great Patriotic war. On how well women are able to cope with difficulties depended not only their existence but also the viability of their children.

Гендер – понятие междисциплинарное, которое включает в себя, прежде всего, не биологическую, а социальную характеристику пола. Гендерные различия предписывают определенную модель поведения, свойственную гендеру. Возникают полоролевые установки, ассоциирующиеся в обществе, как мужские и женские.

За женщиной в обществе закреплено много ролей, но основная из них - это роль матери. Именно эта роль определяла нормы поведения женщины в обществе, ее возможности и позицию.

Советское руководство уже в 1930-х гг. проводит политику, направленную на эмансипацию женщины в целях ликвидации нехватки рабочих кадров при усилившемся развитии промышленности.

Изменилось традиционное представление о «простой советской семье», где муж работал на стройке, заводе, а жена занималась домашним хозяйством и воспитывала детей. Государственная политика была направлена на выведение советских женщин из частного пространства дома и семьи и изменение статуса «жены» и «домашней прислуги». Рост промышленности стимулировал советское руководство к быстрейшему вовлечению женщин в общественную деятельность и скорейшую их эмансипацию. Происходило постепенное уравнивание семейных прав и обязанностей. Гендерные нормы, существовавшие задолго до этого, стали трансформироваться.

Период Великой Отечественной войны в данном контексте стал переломным этапом. Процесс изменения гендерных особенностей поведения в условиях промышленных городов Южного Урала ускорился и приобрел массовый характер. Это было связано с мобилизацией мужчин на фронт и необходимостью наращивания военного производства.

С учетом сложившейся обстановки освоение женщинами «мужских профессий» было связано, прежде всего, с необходимостью защитить своих детей и создать им «нормальные» условия жизни. Женщины, пришедшие на производство, смогли хоть как-то улучшить свое существование, так как получали продовольственные карточки. Из четырех групп населения по снабжению продовольствием, самые высокие нормы были у рабочих, следовательно,

женщинам необходимо было включаться в трудовую деятельность для более или менее сносного обеспечения себя и своих детей.

Здесь опять проявляется исконно закрепленная за женщинами роль матери. Именно на женские плечи легли заботы о детях и их благополучии.

Важнейшим в военное время был вопрос продовольственного обеспечения. В воспоминаниях детей о военных годах мы встречаем характеристику этого времени как «голодного и холодного» (15. С. 91). Советское правительство вынуждено было ввести для городского населения карточную систему. Нормированное снабжение было введено на основные продукты питания. Нормы снабжения подразделялись по четырем группам населения: для рабочих и приравненных к ним лиц, служащих, иждивенцев и детей. Суточные нормы хлеба были установлены – 800, 600 и 400 грамм соответственно. В 1942 г. были введены карточки для получения дополнительного питания рабочим горячих и вредных цехов, а также беременным женщинам, кормящим матерям, донорам и больным (19. С. 102). Анна Михайловна Швидченко, которой в 1941 году было всего 8 лет, вспоминает, что ее мама, Прасковья Никитична, получала на семью из 5 человек хлеба всего 1 килограмм и 400 грамм. Причем, хлеб был очень плохого качества – черный, непеченный (14. С. 21). Горечь присутствовала в хлебе, потому что мука была с примесью полыни (5. С. 99). Чтобы получить хлеб по карточкам надо было отстоять очень большую очередь с раннего утра (16. С. 131). Лидия Ивановна Лунина, вспоминает, что, когда она была маленькой, ее мама послала за хлебом. Девочка не могла стоять в очереди из-за боязни, что ее могут просто раздавить, и отдала свои карточки на неделю женщине, чтобы та взяла ей хлеб. Женщина обманула маленькую девочку и отдала ей порцию только за один день, а не за неделю (14. С. 61). Ситуация была действительно бедственная, люди проявляли девиантные формы поведения из-за нехватки продовольствия. В 1942 г. одновременно с выдачей продовольственных карточек, вводились прикрепительные талоны на хлеб. Потребитель оставлял прикрепительный талон в торговой единице или столовой, для учета контингента прикрепленных, на основе которого должен был планироваться завоз хлеба. В снабжении населения хлебом существовали недостатки, такие, например, как несвоевременный завоз хлеба в торговые точки, отсутствие хлеба в отдельных единицах в результате того, что хлебокомбинат

не обеспечивает выпечку хлеба в количестве, необходимом для снабжения города (3. С. 64).

Устраивать праздники для детей, например, Новый год, не было возможности. Вот как в своих письмах сыну описывает 31 декабря 1941 года Вера Федоровна Берсенева: «Я огорчена, что не достали елки и не можем устроить детям хоть маленький праздник. И угощений нет у меня для них. Когда вспоминаю, какие праздники, бывало, устраивали для вас, то это кажется сном каким-то. Вечером я сделала детям хороший ужин из продуктов, которые были отложены задолго на этот день, и еще мне посчастливилось достать полкило мороженого, так что удовольствие было большое. Ни елки, ни подарков у нас нынче не было...». Праздничным столом был обед, где главным лакомством был садкий кисель. Вот таким было меню на день рожденья: пряник, 2 грецких ореха, четыре конфетки, кусочек колбасы (16. С. 73-74, 92).

Существенным дополнительным источником к централизованному снабжению стало огородничество. Труженики городов Южного Урала имели индивидуальные огороды, которые закреплялись за предприятиями и учреждениями. Поэтому только работающие женщины могли заниматься огородничеством. Например, в Магнитогорске, по ММК на 1941 год площадь посевных площадей под индивидуальные огороды достигала 860 га, а на 1942 год – 1324 га (5. С. 22). На небольшом огороде около дома сажали всего понемногу. Картошка – основной продукт питания и обмена, поэтому сажали ее и около дома, и в поле, и «где давали землю». По ночам картошку охраняли, чтобы ее не выкопали. Дети войны вспоминают, что жить в тот период было «трудно и страшно». Корову, например, тоже на ночь в сарае не оставляли, а загоняли в сени и запирали двери на лом. Спали напряженно, так как грабежи были частыми. Огороды обрабатывали с помощью детей, так большое количество времени женщины находились на работе и просто не могли заниматься огородничеством самостоятельно (15. С. 91).

Социальная роль женщины–матери трансформировалась, так как работающая женщина не могла полноценно выполнять материнские обязанности. Но государство требовало от женщины совмещения двух функций – материнство и трудовую деятельность. Для блага собственных детей, женщинам приходилось работать очень много, подчас без выходных и отпусков. Для женщины, которая хотела идти работать на производство, было очень важно оп-

ределить детей в детские сады и другие детские учреждения. Поэтому власти города и страны проводили мероприятия по увеличению сети детских учреждений (1. С. 53; 6. С. 237; 7. С. 124). Из постановления бюро обкома ВКП(б) от 24 июня 1941 г. «О привлечении членов семей рабочих и служащих на производство» следует, что местные руководители были озадачены тем, чтобы как можно быстрее расширить сеть детских учреждений, чтобы полностью обеспечить прием детей женщин, уходящих на производство (3. С. 217; 10. С. 80-81; 11. С. 237; 12. С. 65; 13. 1942. 25 января; 17. С. 72). Плата за пользование детсадом или яслями была довольно высокой. В бюджетных обследованиях рабочих семей Челябинской области, относящихся к 1942 г., присутствуют разные (в зависимости от ведомственной принадлежности и типа учреждений) месячные ее показатели – от 75,6 до 146 руб. В дополнение к этому требовалось сдавать хлебные карточки или хлеб, что оказывалось не всегда возможным (18. С. 130). В детских учреждениях текущее медицинское обслуживание контролировало проведение санитарных и противоэпидемических мероприятий, для чего прикрепляли к детским учреждениям, в которых не было врачей, средний медицинский персонал, работающий под руководством поликлиники, больницы или санитарного врача. Проводили санитарную подготовку педагогического и технического персонала детских учреждений по вопросам борьбы с детскими инфекциями (6. С. 216).

В городе Магнитогорске за время войны сеть детских садов в системе комбината удвоилась – на 1 ноября 1941 г. было 2000 детей, а на 1 ноября 1942 г. – 3860, на 13 сентября 1944 г. – 4326 детей. Свободных мест в детских садах не было, в каждой группе было по 30-40 человек. В исключительных случаях в садах находились дети, у которых не работали матери. Питание в детских садах было плохое: крайне недоставало молока, мяса, жиров. В декабре 1941 г. суточная норма питания на одного ребенка составляла: 5 грамм масла, 20 грамм мяса, 8 грамм сахара (4. С. 154; 5. С. 106-107, 314). Руководство пыталось обеспечивать контроль за выполнением санитарных правил в детских учреждениях и за приспособлением помещений для дополнительных групп детей, детских садов, детских домов, допуская использование веранд, учебных помещений и зал под спальню (7. С. 128). Горздрав совместно с директорами школ города организовывал санпосты для соблюдения надлежащего санитарного состояния школ (6. С. 241; 9. С. 104).

Осуществлялся ремонт детских учреждений (6. С. 232). Несмотря на меры, принятые руководством для обеспечения оптимальной санитарной обстановки, в детских садах и школах, по-прежнему, наблюдалась антисанитария (8. С. 31). Например, в школе № 5 протекала крыша (6. С. 293). В детских яслях №3 питание было не удовлетворительным, изготовление завтраков запаздывало, мединструктора не присутствовали при утреннем приеме детей в ясли. Санитарное состояние ясель было неудовлетворительное, уход за детьми плохо организован (9. С. 51).

При яслях создавались отдельные боксы, где ребенок мог находиться во время болезни (13. 1941. 26 июня). В яслях создавались круглосуточные контактные группы (2. С. 64; 8. С. 20), работали дежурные группы для работающих матерей (8. С. 22), карантинные группы при детских яслях, которые не допускали отправки детей при вспышке кори или коклюша в ясли (1. С. 78, 82). В городе работала молочная кухня, которая обеспечивала молоком и лечебными смесями детей ясельного возраста. Но она не всегда удовлетворяла потребности, как по качеству, так и по количеству (1. С. 81).

Советская власть проводила различные мероприятия по увеличению мест в детских учреждениях, прежде всего этими «льготами» пользовались работающие женщины. В рамках промышленных городов Южного Урала это было крайне важно, обеспечить производство рабочей силой за счет устройства детей в детские учреждения.

В данной статье были освещены лишь некоторые аспекты материнства в годы Великой Отечественной войны, остались без внимания: жилищный вопрос, обеспечение одеждой и обувью, детский досуг в военное время и др.

Итак, материнство – важнейшая составляющая женского бытия. В годы войны оно было осложнено той экстремальной обстановкой, в которой оказалось женское население СССР. Оставшись без «кормильца», женщины вынуждены были взять на себя роль «главы семьи» и обеспечить существование своих детей. Им необходимо было решить, прежде всего, продовольственную проблему, на наш взгляд, она является первостепенной. За счет каждодневного труда они могли хоть как-то прокормить своих детей. Дети военных лет правильно отмечают, что их матери выживали только ради них. Цели советского руководства и советской женщины совпали: власти необходимо было обеспечить предприятия рабочей

силой, а женщинам необходимо было обеспечить своих детей «минимумом», чтобы спасти их от смерти. В результате, новый тип женщины - «работающая мать» получил распространение и стал массовым в годы Великой Отечественной войны, и женщина очень быстро эмансипировалась. Но эту эмансипацию нельзя назвать законченной и полной, когда изменился совершенно образ мысли, мировоззрение и женщина воспринимала бы свое уравнивание в правах и социальном статусе с мужчиной чем-то неотъемлемым. Скорее это была «вынужденная эмансипация», которая осуществилась только в военных условиях.

Источники:

1. Муниц ипальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 348.
2. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 350.
3. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 360.
4. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 10. Оп. 1.
5. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 118. Оп. 1. Д. 158.
6. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 118. Оп. 1. Д. 160.
7. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 121. Оп. 1а. Д. 6.
8. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 121. Оп. 1а. Д. 7.
9. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 122.. Оп. 2. Д. 66.
10. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 121. Оп. 2. Д. 80.
11. Женское лицо победы: 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 / Гл. ред. - А.П. Финадеев, отв. состав. Е.П. Турова. Челябинск: ЧПО «Книга», 2001. 224 с.
12. Ленинская поступь пятилеток 1929-1950. Из истории развития промышленности и рабочего класса Челябинской области: Сборник документов и материалов. Т.1. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1986. 358 с.

13. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Сборник документов и материалов. Челябинск, 1981. 350 с.

14. Магнитогорский рабочий. Орган Магнитогорского горкома ВКП(б) и горсовета депутатов трудящихся. 1939-1945 гг.

15. Медаль за бой, медаль за труд: сборник / сост. и ред. В. Грини-маер. Магнитогорск: Магнитогорский центр национальных культур, 2005. 184 с.

16. Память сердца [отчет детей перед погибшими и ушедшими родителями/ сост. и ред. Котляренко Анатолий Маркович]. Кн. 1. Челябинск: Челябинский Дом Печати, 2013. 304 с.

17. Пришла война в Березки. Письма матери / О.Ф. Краузе, И.В. Андреева, Е.В. Арсентьева. Череповец, 2010. 143 с.

Литература:

18. Васильев Г. В. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1982. 279 с.

19. Палецких Н.П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 2007. 167 с.

20. Потемкина М.Н. Эвакуанаселение в уральском тылу (1941-1948). Магнитогорск: МаГУ, 2006. 265 с.

Е.С. Соколова
Екатеринбург

НАУКА «ПРИКАЗНЫХ ДЕЛ»: О ПРАКТИЦИЗМЕ РОССИЙСКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ XVIII СТОЛЕТИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Закон об образовании, законодательная политика, высшее юридическое образование, европейское Просвещение, учебные программы, сословия, «государственный интерес».

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена выявлению историко-правовых особенностей законодательной политики Российского государства в области моделирования образовательной стратегии подготовки юридических кадров для высших государственных учреждений. Анализируется соотношение между западной просветительской научно-педагогической доктриной начала XVIII столетия и концептуальной основой законодательства Петра I и его преемников о профессиональном образовании, обслуживающем потребности верховной самодержавной власти в квалифицированных чиновниках. На основе изучения эволюции учебных программ по юриспруденции для школы юнкеров при Сенате и Кадетского корпуса, автор приходит к выводу об утилитарной природе сословной образовательной парадигмы в России периода Нового времени, в том числе и ее ценностно-мировоззренческих установок. Автор придерживается мнения об опосредованности ряда социокультурных концептов ныне действующего федерального Закона об образовании историческим опытом российского нормотворчества.

E. S. Sokolova
Yekaterinburg

SCIENCE "WRIT OF AFFAIRS": ABOUT THE PRACTICALITY OF THE RUSSIAN LEGISLATIVE POLICY OF THE XVIII CENTURY IN THE FIELD OF HIGHER LEGAL EDUCATION

KEY WORDS: the Education Act, the legislative policy, law degree, European Enlightenment, curriculum, estates, "the public interest".

ABSTRACT. The article focuses on the historical and legal character-

ristics of the legal policy of the Russian state in the field of modeling of the educational strategy of training for legal personnel of the Supreme state agencies. Analyzes the relationship between Western educational research and the pedagogical doctrine of the beginning of the eighteenth century, the conceptual basis of the legislation of Peter I and his successors on the professional education that serves the needs of the Supreme autocratic power in qualified officials. Based on the study of the evolution of educational law programs for school cadets during the Senate and of the Cadet corps, the author comes to the conclusion about the utilitarian nature of class of the educational paradigm in Russia during New time, including value-worldview settings. The author's view about the mediated of a number of socio-cultural concepts of the current Federal education Act of the Russian historical experience of the rulemaking.

Одна из существенных социокультурных особенностей действующего федерального Закона об образовании от 29 февраля 2012 г. - сугубая утилитарность заявленного в нем компетентностного подхода к интеллектуальному и духовному развитию личности. Законодатель определяет образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства...» (10. Ст. 2. П. 1). Основная цель образовательной деятельности сведена, таким образом, к формированию у обучающихся лиц совокупности приобретенных знаний, умений и навыков, необходимых для профессионального развития человека. Ценностная парадигма государственной политики в сфере образования ориентирована на создание условий для такого самоопределения личности в социуме, когда ее творческий потенциал не выходит за рамки общепринятых стереотипов мышления и нивелируется в соответствии с базовыми стандартами функционирования системы.

Юридическая трактовка предмета регулирования федерального закона, превращающего интеллектуальную деятельность в институт образовательных услуг, вызывает много нареканий в научно-педагогической среде. Ее противники справедливо сетуют на потерю духовного контакта между Учителем и Учеником, апеллируя при этом к классическим образцам отечественной педагогики в их «подвижнической» интерпретации. Между тем, исторический опыт законодательной политики Российского государства в сфере образования свидетельствует об изначальном наличии серьезных про-

тиворечий между корпоративным самосознанием профессорско-преподавательской элиты и прагматическими устремлениями законодателя.

Причина отсутствия единства между верховной властью и обществом по вопросу о сущности и функциях образования, в том числе и профессионального, коренится в изрядной доле государственного патернализма, по разным причинам определяющего с начала XVIII столетия и по сей день суть большинства официальных нормотворческих инициатив социокультурной направленности. Изначально ведущая роль в моделировании путей и методов установления всестороннего государственного контроля за развитием интеллектуального потенциала личности принадлежала таким историческим факторам, как ускоренная модернизация общества, экономики и государства при сохранении доминирующей роли верховной власти в ее проведении на фоне дробной и неустойчивой социальной стратификации. После 1917 г. к таковым, наряду с дальнейшей маргинализацией населения, добавились трудноразрешимые геополитические противоречия с Западом. На идеологическом уровне попытка их преодоления осуществлялась при помощи концептов «западной агрессии», «осажденной крепости», информационными войнами и перманентной тенденцией к консервации «закрытого общества», в том числе, и в интеллектуально-культурной сфере.

Пример государственного утилитаризма в регулировании профессионального образования хорошо прослеживается в историко-правовом сюжете, посвященном эволюции института подготовки юридических кадров для гражданской службы. На протяжении первой половины XVIII в. будущие чиновники петербургских коллегий обучались в «юнкерской школе», организованной по инициативе Петра I для незначительного количества дворянской молодежи при Сенате в целях достижения синтеза между практической направленностью и теоретической основой юридического образования. Выбор в пользу его корпоративной модели определялся последовательным развитием тенденции к сословной организации Российского государства периода Нового времени. Ее активное продвижение на законодательном уровне преследовало охранительную цель и мотивировалось идеологией и соображениями «общего блага».

В комплексе нормативно-правовых актов, утвержденных Пет-

ром I с 1718 по 1722 гг., основная составляющая «коллежского образования» была определена как тождество «гражданских и экономических дел». Законодатель намеренно подчеркивал прикладной характер обучения определенных на службу в коллегии молодых дворян, обязанных в перспективе содействовать «к прибыли империи и экономии» (1. С. 175). Таким образом, образовательная парадигма, намеченная Петром I и его ближайшими сподвижниками, была продиктована кадровыми потребностями коллегиальной системы управления и спецификой административной деятельности каждой коллегии. В мемориале Генриха Фика, поданном на высочайшее рассмотрение» в 1718 г., говорилось о необходимости формирования условий для заполнения вакансий во вновь создающихся государственных учреждениях «природными» подданными российской короны. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, этот проект вызвал одобрение Петра I своим ярко выраженным акцентом на развитие профессионального образования, особенно в «приказно-юридической сфере» (1. С. 149). Аналогичные принципы организации отраслевого обучения, предназначенного для того, чтобы каждое сословие могло обеспечить свой вклад в обеспечение «государственного интереса», встречаются и в других проектах первой четверти XVIII в.

Утилитарная направленность подготовки квалифицированных юридических кадров для работы в коллегиях сказалась и на разработке учебных программ. До 1761 г. законодатель ограничивался определением минимума учебных дисциплин, предусмотренных для юнкерских школ. При Елизавете Петровне Сенат постановил, что сущность юридического образования заключается в обучении «письму и всем делам, принадлежащим с самых нижних приказных дел, и что касается знания государственных прав...» (1. С. 175 – 176; 6. П. 1 – 2. С. 82; 7. С. 141 – 143; 8. П.4. С. 588). Особое внимание уделялось изучению действующего законодательства и канцелярскому делопроизводству. Теоретическая основа обучения состояла из грамматики и комплекса математических наук, знание которых являлось необходимым условием для коллегиальной службы. В ряде случаев по представлению высшего коллежского начальства «коллегии-юнкеры» изучали европейские иностранные языки, историю и географию (9. С. 344). Столь явный приоритет практического концепта обучения в значительной степени низводил юнкерские школы до уровня цифирных, что ставило дворян-

ских недорослей в один ряд с подьячими первой четверти XVIII в., обязанных с 1721 г. обучаться «приказным делам».

В то же время законодатель сознавал необходимость разграничения высшего и среднего юридического образования хотя бы по целям обучения. Устав о коллежских юнкерах 1752 г. закрепляет основное квалификационное требование к выпускникам юнкерской школы, которые по окончании курса «...сами могли действительно править приказные дела» (1. С. 176). С начала 1740-х гг. аналогичные принципы были использованы в именных и сенатских указах о соотношении подготовительного и специального образования для учащихся кадетского корпуса, проявивших склонность к государственной службе. Просветительская модель образования, проводником которой в среде российской политической элиты начала XVIII столетия был Г. Лейбниц, до известной степени нашла свое воплощение в Московском университете, где характер учебных программ по юриспруденции во многом определялся представлением о ценностном потенциале научного взгляда на окружающий мир и общественные отношения.

Существует мнение, согласно которому разработанный Лейбницем проект непрерывного трехступенчатого образования, в котором университеты представляют собой переходную ступень к научно-теоретическому обучению в академии, отличался ярко выраженным стремлением к профессионализации образовательных стратегий (1. С. 152 – 154; 5. С. 25 - 45). Это не совсем так. Общая направленность российского нормотворчества в области регулирования сферы профессионального обучения, несомненно, сложилась под воздействием некоторых положений теории Лейбница. Его проект, в частности, опирается на концепцию «общего блага» и на этом основании предусматривает вмешательство государства в сферу воспитания и образования личности. Тем не менее, Лейбниц, как и большинство германских просветителей, был убежденным сторонником естественно-правового идеала и ограничивал правотворческую активность верховной власти природной склонностью человека к самоусовершенствованию. В его трактовке высшая цель образования заключается в обретении индивидом внутренней духовной свободы, исключаящей возможность государственного принуждения по отношению к гармонично развитой личности, осознающей свой нравственный долг перед обществом.

С одной стороны, внедрение столь масштабного проекта в за-

конотворчество противоречило утилитарным потребностям самодержавного государства, которое на протяжении XVIII в. функционировало в условиях недостаточной централизации власти, нехватки квалифицированных кадров и громоздкости бюрократического аппарата. С другой стороны, нет достаточных оснований для вывода о полном отказе российских законодателей от мировоззренческих аспектов в деле обучения юриспруденции. Как показали исследования М. Ф. Владимирского-Буданова и ряда других авторов, идеи естественного права активно транслировались на протяжении 1740-1760-х гг. приглашенными из германских земель профессорами (1. С. 180 – 185; С. 4. С. 38 – 40). Добавлю, что ранее естественно-правовой идеал привлек внимание Петра I, который приказал перевести на русский язык книгу С. Пуффендорфа «Об обязанностях человека и гражданина», но при этом придерживался в своей законодательной политике «полицейской» трактовки ее теоретических положений.

Реализация курса российских самодержцев на обеспечение принципа законности происходила в рамках модели регулярного сословного государства, уходящей своими гносеологическими корнями в немецкое Просвещение и петровские реформы первой четверти XVIII столетия. Эффективность данного начинания в немалой степени зависела от умения законодателя учитывать политико-правовые «вызовы» времени и социокультурную ситуацию. Например, к концу XVIII в. очевидной стала несостоятельность надежд на быстрое преодоление кадровой «лакуны» при помощи университетского образования, всесословность которого первоначально отпугивала дворянство. В этой ситуации Павел I продемонстрировал относительную гибкость образовательной политики, проявив интерес к проекту открытия Дерптского университета, где предполагалась подготовка юристов (3. С. 104 – 105). В целом же, он предпочел на первых порах пойти по уже проторенному пути сословного образования.

На основании именного указа от 1 января 1797 г. была восстановлена закрытая в 1763 г. школа юнкеров. Такие же учебные заведения планировалось открыть и при восстановленных столичных коллегиях, за исключением Военной и Адмиралтейской. В целях пополнения государственного аппарата образованной дворянской молодежью Павел I повелел основать порядок их обучения и дальнейшего «помещения на вакансии» в соответствии с законодатель-

ными положениями «Табели о рангах» о производстве в чины по выслуге.

Стремясь к преодолению сословных предрассудков, связанных с широко распространенным в дворянской среде представлением о низком социальном престиже канцелярской службы, Павел в виде исключения внес некоторые коррективы в порядок чинопроизводства для тех, «кои окажут довольное успеяние в познании» наук. В частности, он предписал сразу же «помещать» дворянских юношей, не владеющих необходимыми для обучения в юнкерской школе навыками в титулярные юнкеры. Это было первым шагом для получения нижнего классного чина, который приобретался через два года при условии успешного прохождения курса наук. Молодые дворяне, успешно сдавшие вступительный экзамен, показав при этом «довольное знание и искусство в предметах к обучению им назначенных», должны были сразу же производиться в коллегии-юнкеры. По мере обучения в школе и после ее окончания планировалось присваивать им новые чины в зависимости от проявленных успехов (2. С. 23 – 24).

В качестве юридической основы дальнейшего чинопроизводства способных юношей Павел I повелел опираться на комплекс екатерининских указов 1760 - 1790 гг. о прохождении гражданской службы лицами из дворян, согласно которому образованные чиновники имели приоритет при распределении вакансий и в порядке выслуги. Таким образом, модернизируя законодательство предшествующего периода, Павел I не только позаботился о создании кадрового резерва для статских служащих, но и повысил социальный статус государственной службы. Это не только формировало стимул для повышения качественного уровня домашнего образования дворянских недорослей, но и увеличивало приток желающих посвятить себя бюрократической карьере.

По подсчетам ряда исследователей, к 1799 г. количество дворян, поступавших на службу в гражданское ведомство, выросло настолько, что это обстоятельство в значительной мере способствовало установлению законодательных ограничений. В качестве дополнения замечу, что тенденция к сохранению приоритетного значения военной сферы над статской сохранялась на протяжении всего царствования Павла I и составляла концептуальную основу сословного законодательства. Этому способствовали как исторически обоснованное убеждение «романтического» императора в на-

личии военно-служилой природы дворянского звания, так и комплекс сопутствующих причин. К их числу, следует отнести, прежде всего, крайнее обострение международной обстановки в Европе, вызванное военной активизацией революционной Франции и постепенным кризисом монархического идеала под воздействием быстрого распространения западного конституционализма.

Помимо этого, сословный идеал феодального типа полностью соответствовал реставрационному потенциалу внутривластного курса павловского царствования. Не следует забывать и о том, что еще до своего восшествия на престол Павел I выказывал серьезную озабоченность международным положением России, придерживаясь мнения о необходимости достижения равновесия интересов между ее европейскими союзниками, что вполне вписывалось в традиционную доктрину российской внешней политики XVIII в. и требовало наличия боеспособной армии.

Так или иначе, но инициатива Павла I в области подготовки квалифицированных кадров гражданской службы дала мощный импульс для развития сословного юридического образования в условиях отсутствия разветвленной университетской системы и неготовности дворян обучаться вместе с разночинцами. Учреждение юнкерских школ было поручено генерал-прокурору князю А. Б. Куракину. Кроме того, ему предстояло разработать проект образовательной деятельности и обеспечить надзор за качеством обучения дворянских юношей. Передача этих функций одному лицу серьезно осложняла возможность открытия дворянских учебных заведений в обеих столицах, так как в значительной степени высочайшая инициатива носила характер личного поручения. Хорошо понимая это, Павел I был вынужден согласиться на предложение Куракина ограничиться учреждением школы при канцелярии Санкт-петербургских департаментов Сената. Основная идея генерал-прокурора заключалась в том, что «ближайший за школою присмотр и самое обучение Юнкеров будет благоуспешнее» (2. С. 23).

Содержание разработанной генерал-прокурором Куракиным и высочайше утвержденной программы «образования благородных чиновников...» свидетельствует о том, что ее надзорный компонент рассматривался законодателем в качестве краеугольного камня правительственной политики в области подготовки квалифицированных кадров. В этом документе была сконцентрирована вся

официальная образовательно-педагогическая парадигма павловского времени, направленная на формирование у будущих чиновников-дворян государственно-правового идеала для последующей реализации доктрины «общего блага» на основе законности.

Законодательно закрепленная в Положении о юнкерской школе двухуровневая система специального образования преследовала цель сформировать у молодых дворян понимание юридической сущности принципа верховенства закона и механизма его действия применительно к государственно-правовой системе самодержавия. «Науки звания, - отмечал А. Б. Куракин, - имеют быть Юридические, и потому Правоведение или Юриспруденция долженствует быть главным предметом учения в сей учреждаемой школе... (имеется в виду звание государственного чиновника – Е. С.) (2. С. 24)».

Принято считать, что программа обучения юнкеров, высочайше утвержденная 14 января 1797 г., отличалась узкопрофессиональной направленностью и не содержала мировоззренческих аспектов. В известной мере эта точка зрения возникла под влиянием источников личного происхождения и историко-правовых трудов конца XIX в., где основной акцент сделан на выявление профессионально-педагогической стороны преподавания правовых дисциплин. Однако соображения, высказанные князем Куракиным в обстоятельном докладе о принципах преподавания юридических наук во вновь учреждаемой школе, заслуживают внимания своей концептуальностью. Ход его мыслей демонстрирует не только хорошее знание основ педагогической науки периода Просвещения, но и наличие целеполагающего начала в расположении «предметов учения» по классам четырехгодичного курса наук.

На государственной службе Куракин зарекомендовал себя как сведущий чиновник с хорошим практическим опытом. Те же качества он вполне обоснованно считал необходимыми для образованного выпускника учебного заведения, дающего специальную правоведческую подготовку. По проекту Куракина обучение на высшей, юридической ступени школы юнкеров должно было иметь практическую направленность, позволяющую достичь равновесия между теоретическим знанием «гражданских законов» и профессиональными навыками. В частности, предполагалось, чтобы под руководством учителя «учащиеся ... сочиняли прошения, извлекали из дел экстракты, выписывали приличные к делам законы ... и упражнялись бы во всем, что до приказного порядка и дел касает-

ся» (2. С. 26).

В то же время Куракин проявил себя сторонником введения на низших ступенях правоведческого школы широкого курса «общих наук», необходимого для успешного приобретения профессиональных знаний. По его словам, «многие права и законы предполагают знание Истории и Географии, не только отечественной, но и других Государств». В перечне наук, без которых не может обойтись судья, Куракин особое место отводил логике, «научающей здраво мыслить и отличать ложное от истинного». Самое же почетное место в подготовке учащихся к «классу Юридическом» было отведено преподаванию «Нравоучения», состоявшего из основ Катехизиса в комплексе с «изъяснением должностей человека и гражданина» (2. С. 27). Эта учебная дисциплина, которая в учебных программах сословных учебных заведений, гимназий и университетов первой половины XIX в. получила название курса нравственных наук, синтезировала в себе основы нравственного учения христианства и умеренный вариант политической философии Просвещения. Ее истоки можно обнаружить в образовательных проектах и законодательстве екатерининского времени, наряду с многочисленными памятниками просветительской политико-правовой мысли, включая знаменитую книгу «О должностях человека и гражданина».

Даже самое беглое знакомство с программой преподавания Нравоучения, изложенной в докладе Куракина, позволяет увидеть в ней не декларативное заявление, а хорошо продуманную концепцию воспитания идеального подданного, доставшуюся Павлу I в наследство от предшествующего царствования. Показательно, что неоднократное обращение докладчика к политико-правовому языку эпохи Просвещения, не вызвало со стороны Павла I никаких возражений, несмотря на его демонстративное неприятие западных интеллектуальных веяний по мере укрепления революционного порядка во Франции. В значительной степени это обстоятельство объясняется намеренной трансформацией смысловых оттенков 1790-х гг. в интерпретации понятия «гражданин», основанной на полном отказе от радикализации его значения в якобинском ключе.

Транскрипция теории гражданства, предложенная в докладе Куракина, была хорошо известна Павлу I по сочинениям французских просветителей умеренного направления и из Большого Наказа Екатерины II. В том же концептуальном значении она использова-

лась сторонниками дворянского конституционализма, включая Никиту и Петра Паниных, присутствовала в екатерининском законодательстве и фигурировала в сочинениях ряда лояльно настроенных к самодержавию российских юристов второй половины XVIII столетия. В докладе Куракина «гражданин» - это подданный Российского государства, добросовестно исполняющий законодательно закрепленные обязанности своего звания. В этом отношении его рассуждения весьма близки к своим классическим аналогам. Говоря современным языком, Куракин определяет гражданство как состояние правосубъектности, но, в отличие от просветительской традиции, не спешит наделить граждан России неотъемлемыми правами, акцентируя внимание лишь на их обязанностях перед государством.

Конструируя теоретическую основу преподавания «нравственной науки» будущим чиновникам, автор доклада, прежде всего, ставит вопрос о том, как подготовить «растущего гражданина ... к исполнению должностей» и укрепить в нем волю к повиновению законам. В рассуждениях Куракина по этому поводу нетрудно увидеть перефразированную концепцию «общего блага», заимствованную из политико-правовой традиции периода правления Петра Великого. В частности, докладчик выказывает себя сторонником приоритета государственного интереса над частным благополучием. Последнее, по его словам, будет обеспечено лишь в том случае, когда у каждого гражданина возникнет уверенность, «...что он, исполняя свою должность, свое собственное благо созидает ... » (2. С. 25).

В конце XVIII в., подобная мысль, вошедшая в законодательство Российской империи под воздействием раннепросветительской доктрины «полицейского государства», пользовалась большой популярностью у приверженцев модели государственного патернализма в качестве противопоставления разгулу революционной стихии. Ее генетическая взаимосвязь с классической моделью «просвещенного абсолютизма» обеспечивалась на уровне общего для всех политико-правовых конструкций подобного рода представления о решающей роли принципа законности в укреплении политического единства верховной власти суверена-монарха и его подданных.

Конструкция «законной монархии», взятая за основу организации учебно-воспитательного процесса в школе юнкеров, существ-

венно отличалась в концептуальном отношении от теоретической парадигмы предшествующего царствования отсутствием естественно-правового компонента в области наделения сословий неотъемлемыми правами имущественного и личного характера. В целом, она вполне соответствовала законодательному курсу Павла I на нивелировку сословных интересов и возрождение «тягловой» природы российской социальной стратификации. Санкционированная им система воспитания дворянской молодежи основывалась на жесткой дисциплине, соблюдение которой должно было обеспечиваться в результате «неусыпного над школой наблюдения». Ее полезность мотивировалась в докладе Куракина пользой для юношества, которое «от младых лет привыкнет наблюдать свою должность и ее уважать» (2. С. 29). Следует отметить, что активное участие Павла I в комплектовании контингента учащихся школы юнкеров и его придирчивость по отношению к кандидатам вызвались некоторыми организационными недочетами.

В научной литературе допущенные в 90-е гг. XVIII в. ограничения в отношении дворян, желавших подготовить своих сыновей к гражданской карьере, обычно оцениваются как свидетельство намеренного стремления «романтического императора» возродить в полном объеме военную службу дворянства. Однако наряду с этим обстоятельством следует учесть, что до своей реорганизации в Высшее училище правоведения, школа юнкеров имела весьма скромные масштабы и, в первую очередь, готовила кадры для Сената, герольдии, генерал-рекетмейстерской конторы и коллегий. Об ограниченности вакансий для лиц, получивших при выпуске ранг и звание коллегии-юнкеров, говорилось уже в докладе Куракина, по подсчетам которого в соответствии со штатным расписанием 1796 г. в столичных государственных учреждениях было предусмотрено всего 27 юнкерских мест. Учитывая возможность отсутствия «праздной» вакансии даже для выпускников, успешно окончивших учебный курс, Павел I одобрил 14 января 1797 г. предложение Куракина определять их в случае необходимости «в какую-нибудь канцелярскую должность», что, в принципе, затрудняло возможность дальнейшего чинопроизводства (2. С. 28).

Таким образом, вопреки активизации на прожектерском уровне мировоззренческого компонента образовательных стратегий, приоритетным направлением государственной политики в области подготовки юридических кадров для гражданской службы оставал-

ся утилитарный поход к составлению учебных программ по юриспруденции. «Смена веков» пришлось на первую треть XIX в., когда была завершена централизация властно-управленческих структур Российской империи, возрос ее международный престиж, изменился социокультурный статус гражданской службы и наряду с дальнейшим развитием сословных учебных заведений закрытого типа стала формироваться система высшего университетского образования, ориентированного на взаимодействие юридической науки и практики. Однако и в этом случае тон задавался потребностями «государственного интереса», который по мере развития охранительного начала правовой политики Российского государства концентрировался в сфере выявления исторической основы действующего законодательства, и в, основном, сводился к поиску путей сохранения правового традиционализма в условиях модернизации. Данная особенность хорошо прослеживается на примере эволюции учебных программ по юриспруденции, основной доминантой которых к середине XIX в. становится изучение действующего законодательства без учета историко-правовой специфики национальных регионов и теоретико-методологической составляющей принципа законности.

Литература:

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII-го века. Ч. I. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: тип. Г. В. Фальк, 1874. - VI с., 330 с. (с паг.).

2. Законодательство 1797 года. 14 января. Высочайше утвержденный доклад Генерал-Прокурора. «Об учреждении школы при Канцелярии Санктпетербургских Департаментов Сената для обучения Юнкеров». Положены школы при Сенате для Юнкеров // Законодательство императора Павла I / Составитель, автор предисловия и биографического очерка В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. С. 23 – 29.

3. Зипунникова Н. Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2009. 440 с.

4. Кодан С. В. Формирование и становление юридического образования в России: от законоискусства к правоведению (XVII – первая половина XIX вв.) // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. –

XX в.) / Под общей ред. В. В. Захарова, Н. Н. Зипунниковой. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. С. 34 – 66.

5. Пекарский П. Наука и культура при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю Просвещения в России. СПб: изд-е Товарищества «Общественная Польза», 1862. – VI с., 578 с. (с паг.).

6. – 1737. - № 7201. – Марта 6. Резолюция Кабинет-Министров на доклад Сената. – О правилах определения недорослей к приказным делам // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. I. СПб., 1830. Т. X. С. 81 – 83.

7. – 1737. - № 7248. – Майя 11. Сенатский. – Об определении недорослей в Сенат и в другия присутственные места; о порядке обучения их приказным делам и наукам и о смотреии за успехами их и нравственностию // ПСЗ I. СПб., 1830. Т. X. С. 141 – 143.

8. – 1752. - № 9928. – Генваря 20. Сенатский. – О Коллежских Юнкерах, о их рангах, звании, жаловании, производстве и обучении, с приложением формы рапортов, каковыя о сих Юнкерах Коллегии должны присылать в Правительствующий Сенат // ПСЗ I. СПб., 1830. Т. XIII. С. 587 – 589.

9. – 1755. - № 10389. – Апреля 3. Сенатский. – О обучении находящихся в Коммерц-Коллегии и Санктпетербургской Таможне юнкеров Немецкому и Французскому языкам в Академии Наук // ПСЗ I. СПб., 1830. Т. XIV. С. 344.

10. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant/70291362>

УДК 94(47).084.3:008

ББК ТЗ (2) 613-7

ГСНТИ 03.09.31

Код ВАК: 07.00.02

А.В. Союрова

Екатеринбург

**СУРГУТСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВООПИИК В
1960- 1960-е – 1990-е ГГ.: ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: объект культурного наследия, памятник истории, охрана памятников истории и культуры, ВООПИИК, краеведение

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется процесс становления и функционирования на Севере Западной Сибири во второй половине XX в. регионального отделения общественной организации, заинтересованной в сохранении объектов культурного наследия РСФСР – Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

A.V. Soyurova

Yekaterinburg.

**BASIC DIRECTIONS AND RESULTS OF OPERATIONS OF
THE SURGUT CITY BRANCH VOOPIK IN THE 1960S –
1990S.**

KEY WORDS: object of cultural heritage, historical sites, protection of historical and cultural sites, VOOPIK, Regional Studies

ABSTRACT. The article analyzes the process of formation and functioning in the north of Western Siberia in the second half of XX century regional department of public organizations interested in preserving the cultural heritage of the RSFSR - the All-Russian Society for Protection of Historical and Cultural Monuments.

В середине 1960-х гг. наметилось улучшение отношения к культурным ценностям. Одним из показателей позитивных сдвигов в сфере охраны культурного наследия можно назвать учреждение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИИК). Решение об организации этого общества было принято Совмином РСФСР в июле 1965 г. (3. Оп. 1. Д. 11. Л. 2), а через

год, в июле 1966 г., состоялся учредительный съезд. В это же время был утверждён и устав общества (З. Оп. 1. Д. 11. Л. 3).

Структура ВООПИиК была достаточно сложной (рис. 1). Высший руководящий орган общества – съезд – созывался не реже одного раза в четыре года. Центральный совет ВООПИиК играл ведущую роль в период между съездами. Исполнительным органом центрального совета служил его президиум. Основные направления деятельности общества отражали отделы, секции и комиссии, созданные в структуре Центрального совета. Таковыми являлись: отдел пропаганды с секциями памятников музыкальной культуры и по работе среди молодёжи и детей; отдел исторических памятников с секцией исторических памятников и комиссией археологических памятников; отдел архитектурных памятников с комиссиями – градостроительной, реставрационной, по учёту памятников (З. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–3).

Главной движущей силой этой организации, по вполне справедливому мнению А.С. Лебедева, в середине 1960-х – конце 1970-х гг. «была не её численность, а участие в деятельности активных творческих людей, специалистов – историков, археологов, краеведов» (8. С. 82). В Сургуте такой «движущей силой» был Флегонт Яковлевич Показаньев (1922–1996) – краевед, заслуженный работник культуры РСФСР, почётный гражданин г. Сургута.

Среди основных направлений деятельности общества первое место занимали пропагандистское и просветительное. Все отделения ВООПИиК, помимо устной лекционной и экскурсионной работы, осуществляли популяризацию культурного наследия через районные и областные газеты. Большое пропагандистское значение имели специальные газетные рубрики, в которых помещались материалы о памятниках культуры. Многие отделения общества объявляли конкурсы на лучшие публикации, посвящённые охране памятников, присуждали победителям премии.

В совокупности все формы массовой пропаганды ВООПИиК, как заметил В. Н. Иванов, оказывали большое влияние на формирование общественного мнения в пользу сохранения памятников (З. С. 8–11).

Ещё одним важнейшим направлением деятельности ВООПИиК была работа с молодёжью. Региональные отделения общества организовывали туристические краеведческие экспедиции, походы по местам боевой и трудовой славы, устраивали месячники по благо-

устройству уникальных памятников, привлекали студентов к составлению паспортов на памятники истории и культуры, к участию в археологических раскопках и в реставрации памятников (6. С. 181–182).

Учреждение региональных отделений ВООПИиК (республиканских АССР, краевых, областных, районных), согласно постановления Совмина РСФСР об организации этого общества, необходимо было провести до 1 января 1966 г. (7. С. 149). В октябре 1965 г. Тюменский облисполком, принял решение «Об образовании организационного Комитета по подготовке областной учредительной конференции Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» (1. Д. 3. Л. 3) и поручил областному управлению культуры, в чьём ведении в этот период находилась сфера охраны памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири, организовать отделения Общества на местах.

Учредительная конференция Сургутского городского отделения ВООПИиК прошла в г. Сургуте 15 февраля 1966 г. на районном съезде работников культуры. По инициативе известного сургутского краеведа Флегонта Яковлевича Показаньева было создано Сургутское районное (позднее городское) отделение ВООПИиК (10. С. 48–49). Организационно Сургутское отделение подчинялось Тюменскому отделению ВООПИиК.

Обязанности председателя Сургутского отделения общества с 1966 г. по 1971 г., и с 1975 г. по 1979 г. исполнял Ф. Я. Показаньев (2. Оп. 1. Д. 15. Л. 237; Д. 39. Л. 11). Кроме него пост председателя общества занимали как руководители различных подразделений местных органов власти, так и руководители городской администрации.

Структура Сургутского городского отделения общества практически полностью копировала структуру Центрального Совета ВООПИиК. На отчётно-выборной конференции, созывавшейся с периодичностью один-два раза в два года, избирался совет городского отделения общества, возглавляемый председателем. Из членов совета формировались три секции, отражавшие основные направления деятельности – историческая, пропагандистская и молодёжная. Историческая секция занимались сбором материалов о героях времен Октябрьской революции и Великой Отечественной войны, которым устанавливались памятники, разрабатывала планы строительства памятников, издавала плакаты, брошюры. Пропаган-

дистская секция отвечала за чтение лекций и проведение тематических экскурсий, освещала проблемы охраны памятников и деятельность общества в средствах массовой информации. Молодёжная секция вовлекала школьников и студентов в деятельность по охране культурного наследия, организовывая шефство над памятниками и походы по историческим местам, преимущественно, связанным с революционными событиями (9. С. 114–115).

Первая городская отчётно-выборная конференция Сургутского отделения ВООПИиК, прошедшая в январе 1968 г., постановила считать главной задачей Общества «содействие осуществлению мероприятий партии и правительства по охране памятников истории и культуры и использованию их в деле коммунистического воспитания трудящихся, повышению их образованности и культуры» (1. Д. 9. Л. 302).

Таким образом, одним из основных направлений деятельности Сургутского отделения ВООПИиК, как и всего Общества в целом, была популяризация знаний о памятниках истории и культуры. Она велась «путём чтения лекций в коллективах рабочих и служащих на предприятиях и учреждениях, в школах для учителей и учащихся, а также через районную газету и радио» (2. Оп. 1. Д. 9. Л. 244). Всего в 1968 г. было прочитано 93 лекции, во втором полугодии 1969 г. – 40, в первом полугодии 1970 г. – 20 лекций. Проведено экскурсий во втором полугодии 1969 г. – 15, в первом полугодии 1970 г. – 10. Численность индивидуальных членов Сургутского отделения Общества составляла в 1968 г. – 918, в 1969 г. – 1774, в 1970 г. – 1959 человек (2. Оп. 1. Д. 9. Л. 194, 199–199 об, 200–200 об).

К V отчётно-выборной конференции Сургутского городского отделения ВООПИиК, состоявшейся 13 марта 1974 г., были достигнуты следующие результаты: «[...] количество первичных организаций возросло с 38 до 115, количество индивидуальных членов увеличилось с 845 до 4965 человек, коллективных членов с 22 до 31» (2. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 404), было «[...] проведено 723 лекции и беседы на исторические темы, 163 экскурсии по городу и 98 в музей» (2. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 406). Количество индивидуальных членов Сургутского городского отделения Общества в 1975 г. составляло 5300 человек, в 1978 г. – 3671, коллективных – 31 и 36 соответственно (2. Оп. 1. Д. 41. Л. 12, 149).

Одной из форм привлечения общественности к решению задач

по сохранению культурного наследия были всенародные смотры памятников. Смотры были рассчитаны на активизацию памятнико-охранительной деятельности на местах в ходе изучения, учёта, охраны, пропаганды памятников, их благоустройства. Однако проводились такие мероприятия в отношении объектов культурного наследия, связанных, преимущественно, с важными историческими датами социалистического периода в РСФСР. Так, в 1965–1967 гг. был проведён смотр памятников, посвящённый 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции; в 1965–1970 гг. – смотр-конкурс в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина; в 1972 г. – посвящённый 50-летию образования СССР; в 1975 г. – смотр памятников боевой славы, посвящённый 30-летию Победы; в 1976–1977 гг. – посвящённый 60-летию Великого Октября; в 1987 г. – посвящённый 70-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Такой однобокий выбор объектов культурного наследия самым печальным образом сказывался на сохранности других видов памятников, в том числе и археологических.

Сургутское городское отделение ВООПИиК в 1972 г. приняло участие в смотре, посвящённом 50-летию образования СССР (4. 1972. 23 мая). Участниками общества за время смотра были осуществлены большинство поставленных перед ними задач: «закончено благоустройство памятников, проведены манифестация молодёжи, торжественные линейки пионеров, походы и выезды комсомолки и пионерии по местам революционной, боевой и трудовой славы Сургутского района. Кроме того, построен памятник комсомолке Александре Новосельцевой в деревне Юган, проведено 550 лекций и экскурсий, создано в школах семь клубов «Поиск», начаты работы по составлению летописи предприятий» (4. 1972. 26 декабря). Несмотря на то, что смотры внесли существенный вклад в развитие патриотизма граждан, в отношении охраны ОКН, на наш взгляд, эти мероприятия производили впечатление формальности и нерегулярности.

Таким образом, можно утверждать, что многолетняя деятельность Сургутского отделения ВООПИиК, как, впрочем, и многих других региональных отделений, была направлена, преимущественно, на выявление и сохранение памятников истории Советского государства.

Источники:

1. Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН» (Архив автономного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия»). Ф. 5. Ханты-Мансийское окружное отделение ВООПИиК (1965–1989 гг.).

2. ГБУТО «ГАСПИТО» (Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области»). Ф. 4005. Тюменское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1965–1993 гг.

3. ФКУ «ГА РФ» (Федеральное казённое учреждение «Государственный архив Российской Федерации»). Ф. А639 «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)». 1965–1986 гг.

4. К победе коммунизма (с 1990 г. – «Сургутская трибуна»). Орган Сургутского районного комитета КПСС, городского и районного Совета депутатов трудящихся Тюменской области. Сургут, 1934–1990 гг.

Литература:

5. Иванов В. Н. Задачи общественной охраны памятников истории и культуры // Музееведение и охрана памятников. Общественная охрана памятников истории и культуры в СССР: научный реферативный сборник. М.: б. и., 1976. Вып. I. С. 7–12.

6. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово: изд-во облИИУ, 2001. 328 с.

7. Охрана памятников истории и культуры. М.: «Сов. Россия», 1973. 192 с.

8. Лебедев, А. И. Становление и развитие органов государственной охраны памятников истории и культуры в 1917–2010 гг. (по материалам Башкирии). Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2012. 236 с.

9. Собольникова Т. Н. Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников: к истории становления и функционирования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Вып. 7. Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2009. С. 110–122.

10. Сургут и сургутяне: рассказ о людях и времени / Сост. Г. В. Кондрякова. Тюмень: изд-во Ю. Л. Мандрики, 1998. 256 с.

Рис. 1. Структура Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в РСФСР в 1960-е – 1990-е гг.

А.В. Сперанский

Екатеринбург

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНО- ИСТОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, православие, история, исторический процесс, концепция, методология, интерпретация.

АННОТАЦИЯ. В статье показана сущность религиозно-исторического восприятия истории России, проанализированы его особенности и степень влияния на массовое сознание. Сделан вывод, что эта религиозная интерпретация, возникшая в период Средневековья сохранила свои позиции в современном концептуально-методологическом поле исторического познания, сохраняет к себе научный интерес и требует уважительного отношения.

A.V. Speransky

Yekaterinburg

RUSSIA IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS AND HISTORIC UNDERSTANDING OF HISTORY

KEY WORDS: Russia, Orthodoxy, history, historical process, conception, methodology, interpretation.

ABSTRACT. The paper shows essence of religious and historical perception of Russian history and analyzes its features as well as its influence on mass consciousness. It is concluded that this religious interpretation, which arose in the Middle Ages, maintained its position in modern conceptual and methodological field of historical knowledge. This interpretation keeps research interest and requires respect for itself.

Либеральные реформы, проводимые в современной России, отличаются противоречивостью, порождают социальную напряженность, что замедляет темпы преобразований. Нестабильность политической, экономической и идеологической ситуации, неясность путей дальнейшего развития страны, объективно заставляют общество обращаться к прошлому в поисках ответов на традиционные

вопросы русской истории: «Что делать?» и «Кто виноват?». Нам представляется, что российский социум устал от навязанного ему в конце XX века «плюрализма мнений» и вновь хочет получить простые и ясные ответы на очень сложные вопросы современной действительности. Поэтому от историков-профессионалов ждут исчерпывающих ответов, способных разрешить современные проблемы.

Однако к великому сожалению простых и ясных ответов на сложные вопросы современности история дать не может. В этой связи вполне уместно вспомнить знаменитого французского историка Марка Блока, основателя всемирно известной «школы анналов» и автора замечательной книги «Апология истории» (1), справедливо отмечавшего, что история представляет собой социальную память человечества, а историк является ее профессиональным носителем.

Память отдельно взятого индивидуума очень тонкий и не надежный инструмент. Можно что-то забыть, что-то исказить или просто изъять из памяти исходя из самых различных соображений. Все это напрямую относится и к памяти всего человечества – истории. Профессионально не зафиксированный вовремя факт или событие может кануть в легу. Их можно характеризовать с самых разнообразных точек зрения, основываясь на политической, идеологической, экономической или какой-либо другой конъюнктуре. Можно намеренно вычеркнуть из истории, если они не вписываются в заранее разработанную научную или общественно-политическую схему.

В безбрежном море событий и фактов, можно легко заблудиться и утонуть, если не представлять себе целостную историческую картину мира. Выстраивание этой картины и является первоочередной задачей историка. Он должен выстроить события и факты в определенный логический ряд и дать им объяснения, то есть интерпретацию. Однако любая историческая интерпретация, хотим мы этого, или не хотим, по определению субъективна. Она зависит от ментальности эпохи в которой проживает историк и от его идейно-теоретических взглядов. Поэтому объяснение истории – это всегда своего рода историко-логическая модель, сконструированная «хранителем человеческой памяти». В ее пределах подбираются события и факты, определяется периодизация, формируется поня-

тийный аппарат, выявляются тенденции и закономерности, делаются выводы и намечаются перспективы.

Если взять все исторические труды, так или иначе касающиеся развития русской цивилизации: от древних летописей до современных публикаций, то их историографический анализ наглядно покажет огромное количество взглядов и мнений часто на одни и те же события и факты, подтверждающий популярную в последнее время в российском обществе формулу: «У России несколько историй ...».

Одной из самых первых попыток объяснить исторические процессы, происходившие в нашей стране можно считать религиозно-историческую (православную) интерпретацию, оформившуюся в русской истории с древнейших времен и базирующуюся в первую очередь на православном осознании мирового исторического процесса. В качестве предмета исследования в рамках этой интерпретации выступает духовная сторона жизни человека, основывающаяся на вере в скоротечность материального и вечность духовного мира. Несмотря на то, что в подобном понимании развития человеческой цивилизации огромное место занимают мистицизм и мифология, оно впервые попыталось ответить, как нам представляется, на определяющие исторические вопросы. Что представляет собой исторический процесс, каков его смысл? Каково внутреннее содержание исторического процесса, его структура? Что есть начало и конец человеческой истории?

Данные ответы с позиций сегодняшнего дня могут показаться не совсем совершенными и довольно наивными, но именно они заложили основы нашего миропонимания и восприятия мировой истории. В них есть некое рациональное зерно. Так, в определении исторического процесса, как движения человечества к Богу, в ходе которого оно освобождается от животных страстей и постигает некую абсолютную истину, ясно прослеживается линейно-стадиальный характер движения мировой истории по пути прогресса, взятый на вооружение большинством современных ученых.

Любопытен вывод религиозно-исторической интерпретации о том, что главным стержнем исторического развития человеческого общества является православное христианство. Этим объясняется неравномерность развития различных народов. Те общества, которые раньше всех восприняли христианство, стали лидерами исторического движения, опоздавшие вошли в группу «догоняющих»,

не вступившие на этот магистральный путь народы не имеют исторической перспективы и находятся в периферийно-языческом тупике. В этом разъяснении неравенства развития различных социумов и стран есть зачатки современных модернизационных представлений о сущности мировой истории.

С другой стороны, в выделении грехопадения Адама и Евы, как начала истории явно преобладает религиозная мифология, что вряд ли может удовлетворить стремление человечества к пониманию истоков своего происхождения. Утверждение, что конец истории является божественным приоритетом, выходит за рамки человеческого разума и не может быть предопределен, тоже достаточно сомнителен, а с позиций рационального восприятия истории несет в себе серьезное ограничение, так как объективно налагает запрет на возможность исторического прогнозирования.

Религиозно-историческая интерпретация господствовала в сознании наших предков несколько столетий, с XI по XVII вв. Именно с этих позиций написаны все источники русского средневековья: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.), «Повесть временных лет» монаха Нестора, «Поучение детям» князя Владимира Мономаха, безымянное «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моления» Даниила Заточника (XIII в.) «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» (XIV-XV в.), «Никоновская летопись», «Степенная книга» (XVI в.), «Синописис» Иннокентия Гизела, «Скифская история» Ивана Лызлова, «Жезл власти» Симеона Полоцкого, произведения Юрия Крижанича и др. (XVII в.).

Названные исторические сочинения отличает понимание истории как реализации некоего божественного замысла, в ходе которого человечеству воздается как за добродетели, так и за грехи. История русского государства начинается с процесса внедрения и распространения в восточнославянских землях православной идеологии и деятельности равноапостольного и святого князя Владимира Святославича. Расширение границ древнерусской державы тесно связывается с миссионерской деятельностью Русской Православной церкви.

Религиозно-историческая интерпретация уступила приоритетные позиции в русской истории с начала XVIII века. Однако, отойдя на второй план, она продолжала существовать в трудах религиозных историков XVIII-XIX вв. Е.Е. Голубинского (2), А.В. Карташева (5), А.Д. Нечволодова (7), А.Д. Шмемана (12), Н.М. Николь-

ского (8) и др. (10). Православие оставалась стержневой линией исторического процесса в произведениях подобного рода. Исключением явились лишь «Философские письма» П.Я. Чаадаева, увлекавшегося католическими догматами и религиозным мистицизмом. В «письмах», опубликованных в 1836 году в журнале «Телескоп», друг А.С. Пушкина, высказал мысли о том, что Россия исповедует ложную, тупиковую религию, что и обуславливает ее хроническое отставание от Запада. Прогресс русского государства, по мнению П.Я. Чаадаева, мог быть возможен лишь при скорейшем принятии западных религиозно-культурных ценностей. Однако эти идеи не были приняты обществом, в сознании которого господствовали православные доктрины, а их выразитель, объявленный душевно больным, оказался в полной изоляции.

В XX веке религиозно-историческая интерпретация, в силу заимствования марксистско-ленинской идеологии, практически отсутствовала в официальной истории России. Ее проявления наблюдались лишь в исторических сочинениях эмигрантов, касавшихся главным образом проблем революции и гражданской войны. В частности, генерал А.И. Деникин, анализируя произошедшие в начале XX века в России события, приходит к выводу, что социальное противостояние и приход к власти большевиков стали результатом забвения Бога, христианских заповедей, предания греховным делам (3, 4). Примерно такие же мысли высказывает в своих историко-публицистических произведениях, романах и мемуарах другой непосредственный участник революционных событий и гражданских столкновений в России генерал П.Н. Краснов (6).

В самой России религиозно-историческая интерпретация стала возрождаться лишь со второй половины 1980-х гг., что было связано с начавшимися в стране процессами демократизации в конечном итоге приведшими к крушению, как марксистской идеологии, так и большевистской государственности. При этом православная концепция истории России на современном этапе отражает не только «дела давно минувших дней», но пытается объяснить и оценить события совсем недалекого от нас советского прошлого. В частности, ужас гонений на Церковь, трагедия Великой Отечественной войны рассматриваются как испытания, посланные богом, и преодоленные русским обществом на основе традиционных духовных ценностей, основой которых всегда являлось православие (13, 14, 15). Горбачевская перестройка оценивается как возрождение ду-

ховности, приведшее к отказу от атеистического государства, к соблюдению свободы совести и усилению позиций Русской Православной церкви в современном реформировании российской государственности (9).

Таким образом, религиозно-историческая интерпретация существовала в осмыслении истории России с древнейших времен. Она то господствовала в массовом сознании, то отходила на второй план, не выдерживая конкуренции с другими историческими концепциями. При этом следует признать, что даже в самые тяжелые для себя периоды, она продолжала сохранять специфику своего понимания исторических процессов, отстаивать свою правоту в концептуально-методологическом поле русской истории. Нам представляется, что такая позиция вызывает не поддельный исторический интерес, требует к себе пристального внимания и уважительного отношения.

Литература:

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
2. Голубинский Е.Е. История русской церкви. В 2-х т. М., 1997.
3. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. М., 1990.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991.
5. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2-х т. М., 1992-1993.
6. Краснов П.Н. Собрание сочинений: В 10 т. М., 2012.
7. Нечволодов А. Сказание о русской земле. В 4-х кн. Екатеринбург, 1993;
8. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1988.
9. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995.
10. Толстой М. Рассказы из истории русской церкви. М., 1870.
11. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М., 1994.
12. Шмеман А. Исторический путь православия. Париж, 1989.
13. Якунин В.Н. Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Самара, 2002.
14. Якунин В.Н. За веру и Отечество. Самара, 1995.
15. Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти, 2011.

УДК 372.893

ББК 4426.63

ГСНТИ 03.23

Код ВАК 94 (470)

А.Н.Трифонов

Екатеринбург

**ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ КАЧКАНАРСКОГО ГОРНО-
ОБОГАТИТЕЛЬНОГО КОМБИНАТА (1963 – 1972):
МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Материально-бытовое положение, горно-обогатительный комбинат, жилищный фонд, благоустройство, заработная плата, отдел рабочего снабжения, Качканар.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются вопросы материального благосостояния рабочих Качканарского горно-обогатительного комбината: заработная плата, обеспечение жильем, строительство детских дошкольных учреждений, организация торговли и создание подсобного сельскохозяйственного предприятия.

A. N. Trifonov

Yekaterinburg

**THE FIRST DECADE OF THE KACHKANAR MINING AND
PROCESSING PLANT (1963 – 1972): LIVING STATUS OF EM-
PLOYEES**

KEY WORDS: Material and social status, Mining, housing, improvement of housing stock, salari, department supply, Kachkanar.

ABSTRACT. The questions of financial welfare of workers of Kachkanarskogo of ore mining and processing combine are analysed in the article: ettlings, housing, building of child's preschool establishments, organization of trade and creation of subsidiary agricultural enterprise.

Качканарский ГОК «Ванадий» был пущен в строй в 1963 г. Менее, чем за десятилетие комбинат набрал обороты, превратился в значительную производственную «точку» на карте Свердловской области. Это произошло благодаря многим факторам, в том числе и за счет внимательного отношения к социальным проблемам трудящихся, в первую очередь к материальному положению и культурно-массовой работе. Комбинат приобрел известность как символ успешного коммунистического строительства. Качканар был «на

слуху» не только в области, но и в стране. Особенно богата была культурная жизнь качканарцев, которая действительно «была ключом».

Одной из самых главных проблем в обеспечении материально-бытовых условий работников ГОКа была жилищная. В связи с быстрым ростом численности коллектива она значительно обострилась. Работники отдела кадров с тревогой отмечали, что текучесть кадров во многом была обусловлена нехваткой жилья. От решения жилищного вопроса зависела работа предприятия, выполнение государственных планов. Поэтому строительству жилья на комбинате уделялось повышенное внимание. В 1964 г. комбинат ввел в строй 8761 кв. м жилой площади. Однако план был выполнен лишь на 87 %. В 1965 г. плановое задание – 7090 кв.м жилья было выполнено, построили два пятиэтажных 80-квартирных дома в 7-м микрорайоне, один четырехэтажный, несколько одноэтажных домов. Продолжалось жилищное строительство и в п. Валериановском (1. Л. 117).

Примерно в таких же объемах (7100-7500 кв. м) вводилось жилье в 1967-1968 гг. Поселок давно уже приобрел черты города. Численность населения превышала 30 тыс.человек. Жизненно необходимым стало изменение статуса населенного пункта.

9 октября 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Качканар преобразовывался в город областного подчинения. Это было радостное событие в жизни качканарцев. Радовал не столько новый статус – «горожане», сколько устранение многих бытовых неудобств, напрямую с ним связанное. Теперь не надо было ездить по каждому житейскому поводу в Нижнюю Туру. Предстояло много сделать, чтобы рабочий поселок в тайге соответствовал статусу города. Об этом говорили директор комбината Е.А. Кандель и управляющий трестом «Качканаррудстрой» Е.А. Козлов. Оба подчеркивали важность красивой застройки нового города, необходимость ускорить строительство новых домов (5).

Однако, несмотря на значительные масштабы жилищного строительства, проблема обеспечения жильем на ГОКе по-прежнему стояла остро. В годовом отчете комбината за 1969 г. отмечалось: «Неукомплектованность штата отрицательно отразилась на работе цехов и послужила причиной аварийности оборудования. ... Набор рабочих из других районов и городов также ограничен из-

за отсутствия возможности в обеспечении приезжающих жильем и местами в общежитии» (2. Л. 118).

Неоднократные просьбы руководства комбината в вышестоящие органы наконец-то были удовлетворены. Министерство черной металлургии СССР значительно увеличило ассигнования на жилищное строительство. В 1970-1972 гг. ежегодно строилось примерно по 17 тыс. кв. м жилья, что в два с лишним раза было больше, чем в первые годы работы комбината (табл. 1).

Таблица 1

Жилой фонд Качканарского горно-обогатительного комбината в 1965-1972 гг. (б. С. 66)

Жилой фонд	1965	1966	1967	1970	1972
Жилая площадь всех квартир, кв.м	121990	127136	137819	175389	210050
Число проживающих в квартирах	17963	18598	19875	23247	25536
Жилая площадь общежитий, кв.м	2880	3135	3483	3666	4539
Число проживающих в них	498	556	628	718	897
Построено за год, кв.м	7141	7326	7566	16299	17716

Увеличение масштабов жилищного строительства сопровождалось улучшением качества вводимого жилья, его благоустройством. Если в 1965 г. 89,9 % жилой площади были обеспечены водопроводом и канализацией, центральным отоплением – 98 %, то в 1972 г. соответственно – 95,1 % и 99,2 %. Значительно улучшилось снабжение квартир горячей водой. В ведении жилищно-коммунального отдела комбината находились также три бани, прачечная, гостиница.

Для закрепления кадров, создания благоприятных условий для работы, учебы и отдыха тружеников комбината огромное значение имело обеспечение детскими учреждениями. Эта проблема существовала во всей стране, однако здесь она обострялась тем, что Качканар был городом молодым. По уровню рождаемости Качканар вошел в группу лидеров не только на Урале, но и в РСФСР. Только в 1965 г. в Качканаре было зарегистрировано 300 браков, родилось 680 детей. Отсутствие бабушек и дедушек еще больше усугубляло

эту проблему для молодых родителей. По этой причине очень многие не работали.

Почти каждый год вводились в строй детские учреждения. Так, в 1964 г. открыли детский комбинат на 140 мест. В 1965 г. в городе было 24 детских сада и яслей, 11 из них принадлежали ГОКу. В 1972 г. у ГОКа было 16 дошкольных учреждений, их посещали более 2 тыс. детей.

Улучшение жилищных условий трудящихся ГОКа, решение проблемы устройства детей в детские учреждения дополнялось неплохой заработной платой. Ко времени пуска комбината миф о больших шальных деньгах в основном развеялся, любители «длинного рубля» покинули стройку. Тем не менее заработная плата была высокой, но ее надо было действительно заработать. Кроме того, нужно было добросовестно трудиться, необходимо было постоянно «расти»: осваивать новые профессии, повышать квалификацию, учиться. В течение первого десятилетия работы комбината зарплата его работников все время возрастала (табл. 2).

Таблица 2

**Среднемесячная заработная плата работников
Качканарского горно-обогатительного комбината
в 1963-1972 гг., руб. (б. С. 67)**

Зарботная плата	1963	1964	1966	1967	1969	1970	1971	1972
По ГОКу	107	118	143,5	149,0	170,6	191,0	195,2	202,7
ППП	116	131	159,8	162,6	181,2	204,9	211,0	218,9
Рабочих	113	125	137	158,4	167,8	198,0	205,4	211,6
ИТР	165	204	252	226,2	232,7	286,7	281,0	306,6

Существенный рост заработной платы произошел после начала экономической реформы (1965 г.) в результате внедрения хозрасчета и экономических стимулов. Особенно это стало ощущаться к началу 70-х гг. Зарплата достигла по комбинату 202,7 руб., что в 1,7 раза больше, чем в «дореформенном» 1964 г. Еще выше была зарплата рабочих ведущих профессий Заработок ИТР превысил трехсотрублевый рубеж и приблизился к денежному обеспечению доцента (кандидата наук) высшего учебного заведения. В Свердловской области установилось твердое мнение о «зажиточности» качканарцев. Это мнение подтверждают данные официальной статистики. Свердловчане, занятые в народном хозяйстве, получали в

1965 г. 101,3 руб., в 1970 – 127,3 руб., в промышленности соответственно – 111,5 и 140,5 руб. Среднемесячный заработок рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР составлял в 1963 г. – 88,2 руб., в 1965 – 96,5 руб., в 1970 – 122,0 руб., 1972 – 129,8 руб. (4. С. 350).

Заработать приличные деньги – это было одно дело, другое – как их потратить. Во второй половине 1960-х – начале 70-х гг. материальное благосостояние советских людей имело четкую тенденцию к улучшению. Поэтому качканарцы имели возможность покупать мебель, телерадиотовары, бытовую технику, одежду и т.д. Лучше, чем в предыдущие и последующие годы, было продовольственное обеспечение.

Обеспечение жителей города, в том числе трудящихся ГОКа, во многом зависело от работы торговых организаций. В самые первые годы строительства ГОКа торговое обслуживание осуществляло отделение Исовского золотопродснаба, в 1959 г. эти функции перешли отделу рабочего снабжения (ОРС) «Качканаррудстроя». В 1963 г. ОРС был реорганизован в ОРС Качканарского ГОКа.

Снабжение качканарцев было централизованным, которое не всегда было достаточным. Особенно это касалось продуктов питания. В условиях напряженного продовольственного положения в стране предприятия создавали собственные сельскохозяйственные подсобные хозяйства. Заводам для организации подсобных хозяйств передавались совхозы. В октябре 1964 г. Качканарский ГОК получил подсобное хозяйство мясо-молочного направления, которое находилось примерно в 50 км от города. В хозяйстве

имелось 644 га зерновых, около 1000 га различных трав, 40 га картофеля, 15 га овощей, 400 голов крупного рогатого скота, 61 курица, 4609 цыплят, 28 семей пчел (3. Л. 65).

Таким образом, у горно-обогательного комбината появился «сельскохозяйственный цех», который, конечно, стал доставлять руководству предприятия немалые хлопоты. Совхоз принес с собой на баланс предприятия убытки в сумме 135 тыс. рублей. За первые восемь лет постепенно в подсобном хозяйстве возросли посевные площади, улучшилась структура посевов, увеличились площади под картофель (70 га), заново было создано тепличное и парниковое хозяйство. Но особенно существенные сдвиги произошли в животноводстве. Численность крупного рогатого скота составила 502 головы, начали выращивать свиней (116 голов), число кур возросло

в десятки раз и составило 3354. Продолжали осваивать пчеловодство, организовали лов рыбы. В 1972 г. было произведено по растениеводству: 3006 ц картофеля, 297 ц овощей, 104,5 ц капусты; по животноводству: 9137 ц молока, более 500 ц мяса, 211 тыс. штук яиц. Кроме того, получили 818 ц меда, 8 ц рыбы (З. Л. 355).

Эта продукция шла по удовлетворению потребностей тружеников ГОКа, являлась существенной добавкой к централизованным фондам, что было особенно важным, если учесть, что ситуация в стране с продовольственным обеспечением населения была довольно напряженной и имела тенденцию к ухудшению.

Таким образом, материально-бытовое положение работников Качканарского ГОКа было на достаточно высоком уровне. Показатели в этом направлении превышали среднесоюзные и среднеобластные. Это во многом объяснялось вниманием центральных органов власти к только что появившемуся предприятию, которое выпускало крайне необходимую продукцию для страны.

Качканарский ГОК «Ванадий» был пущен в строй в 1963 г. Менее чем за десятилетие комбинат набрал обороты, превратился в значительную производственную «точку» на карте Свердловской области. Это произошло благодаря многим факторам, в том числе и за счет значительного внимания к материальному положению трудящихся.

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.2633. Оп.1. Д. 32.
2. ГАСО. Ф. 2633. Оп. 1. Д. 43.
3. ГАСО. Ф. 2633. Оп. 1. Д. 161.
4. Народное хозяйство СССР 1922-1972 гг.: Юбилейный стат. сборник. М: Статистика, 1972. 848 с.

Литература:

5. Качканар. Автор-сост. Ю.П. Медведев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 498 с.
6. Мельникова Н.В., Трифонов А.Н. Качканарский горно-обогатительный комбинат "Ванадий". Рубежи созидания. Екатеринбург: Рекламно-издательская группа "ПостМодерн", 2003. 216 с.

А.В.Трофимов

Екатеринбург

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОС- МЫСЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕ- РЕСА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советская история, национальный инте- рес, идентичность, патриотизм, экономические модели поведения.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме интеграции совет- ского периода истории в континуум российской истории. В контексте поиска преемственности содержания и компонентов категории нацио- нального интереса применительно к советскому и современному пе- риоду истории обращено внимание на проблемы советской и россий- ской идентичности, патриотизма, экономических представлений и мо- делей поведения населения.

A.V. Trofimov

Yekaterinburg

THE SOVIET PERIOD IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NA- TIONAL INTEREST

KEY WORDS: Soviet history, national interest, identity, patriotism, economic models of behavior.

ABSTRACT. The article deals with the integration of the Soviet period of history in the continuum of Russian history. In the context of the search for the continuity of the content and components of the national interest in relation to the Soviet and modern period of history drawn attention to the problems of Soviet and Russian identity, patriotism, and economic views and behaviours of the population.

В современной исторической науке советский период является одним из наиболее дискуссионных, его осмысление ведется в русле различных методологических направлений и концептуальных подходов. В последнее время обозначилась тенденция создания континуума отечественной истории в общественном сознании и образовательном пространстве. Для достижения этой непростой цели тре-

буется решение целого комплекса задач, связанных как с развитием исторической науки, так и с содержанием образовательного стандарта и технологиями обучения.

Для государства, заинтересованного в формировании национальной идентичности, основанной на идее и чувстве патриотизма, советский период истории содержит такие знаковые индикаторы, коды национального самосознания, как Победа в Великой Отечественной войне, создание второго в мире (после США) промышленного потенциала, социального государства и т.д. В политическом дискурсе заметно обращение к советскому опыту и стремление реанимировать в современных условиях успехи, достигнутые в русле социалистической промышленной политики. Вместе с тем, осуждается практика тоталитарного режима и подчеркивается неспособность советской модели развития вписаться в реалии глобального мира конца XX века.

В общественном сознании заметна ностальгия по советскому прошлому, основанная на представлениях об обществе социальной справедливости. В социальных практиках ощутимы следы советского прошлого, в виде так называемой «колеи» (pathdependence).

В системе образования, советская эпоха, ее событийная составляющая рассматривается по временным периодам, тогда целостное представление о ее сущности и месте в пространстве отечественной истории сдвигается на второй план.

Важной категорией, интегрирующей советский период в континуум российской истории, является национальный интерес. Базовыми принципами данного понятия являются безопасность, целостность, суверенитет, устойчивость конституционного и социально-экономического строя. В контексте поиска преемственности содержания и компонентов национального интереса применительно к советскому периоду истории обратим внимание на три ключевые проблемы.

Проблема советской и российской идентичности.

В современном глобальном мире политическую, экономическую, интеллектуальную прочность в значительной мере обеспечивает устойчивая идентичность, тогда как ее кризис ведёт к утрате не только геополитических позиций в мире, но и грозит самому социуму.

Понятие «идентичность» определяют, как правило, такими параметрами, как: язык, конфессия, этничность, общая историческая

судьба и гражданско-правовое пространство. В то же время идентичность позволяет на личном и общественном уровне ответить на вопросы «Кто мы?», «Откуда и куда идём?», осознать историческую миссию. В исторической ретроспективе русская (российская) идентичность складывалась под воздействием традиции восточно-христианской византийской культуры, включала в себя такие элементы, как феномен «народной монархии», симфонию светского и религиозного, стремление к примату морали над правом, солидарности и социальной справедливости.

В данном контексте крушение Российской империи не означало полного отрицания русской идентичности, поскольку начальным импульсом и основным вектором советской истории (постепенно, но неуклонно теряющим динамизм)являлось продолжение поисков проекта справедливого мироустройства и построения «царства правды» в виде государства социальной справедливости, «общества равенства и братства».Фактически сохранялось ядро традиционной российской идентичности в качестве идеи построения советского социализма.

В своем идеале советская модель развития, скрепляемая идеей полиэтничной нации (советский народ) и социального государства, являлась неотъемлемой частью русской традиции, но заложенный в ней потенциал развития в исторической практике (особенно позднесоветского социализма)не был реализован. «Перестройка» стала проявлением кризиса идентичности привела к попытке изменения формата и содержания ее параметров. Призыв к «десоветизации» был объективно направлен не против отдельно взятого «советского», а против всей русской традиции и национальной исторической преемственности. В постсоветской России набор политических технологий, социал-дарвинизм, культ либеральных идей способствовали расшатыванию советской (российской) идентичности, но не привели к ее полной замене иными конструктами. В результате общероссийская идентичность существенно ослабла, стала вытесняться рядом групповых: поморской, уральской, сибирской и др. Вместе с тем иммунитетный барьер российского социума не был преодолен, сохранились цивилизационные российские коды (христианский, социальной справедливости, поиска правды).

Проблема советского патриотизма.

Содержательное наполнение понятия «патриотизм» определяются, прежде всего, духовным и нравственным климатом общества,

его историческими корнями, питающими социокультурную жизнь поколений. В понимании природы патриотизма, его сущности и содержания, особенностей воспроизводства этого феномена в различные исторические эпохи, выделяется ряд аспектов: 1) патриотизм, имея в виду его происхождение, возникает и развивается как чувство, социализируясь и возвышаясь посредством духовно-нравственного обогащения; 2) понимание патриотизма неразрывно связано с его предметной реализацией, что проявляется в активной социальной деятельности, конкретных действиях и поступках, осуществляемых индивидом, этническими, социальными группами на благо Отечества; 3) патриотизм, как социальное явление, выступает атрибутом жизнеспособности и выживаемости социума; 4) применительно к российской истории одним из характерных проявлений патриотизма является принцип державности, отражающий специфику исторического развития России, важнейшим фактором которого выступало государство, как самодовлеющая сила; 5) в качестве первичного субъекта патриотизма выступает личность, приоритетной социально-нравственной задачей которой является осознание своей исторической, культурной, национальной, духовной принадлежности к Родине; 6) истинный патриотизм – в его духовности. Патриотизм как возвышенное чувство, незаменимая ценность и источник, важнейший мотив социально значимой деятельности наиболее полно проявляется в жизненной позиции и социокультурной практике личности. Понятно, что эти принципы служат скорее «идеальными» типами, ценностными «ориентирами» и весьма существенно коррелируются реальными жизненными процессами и практиками.

Истоки возникновения социокультурного феномена, определяемого как «советский патриотизм», относятся к революции 1917 г. В послеоктябрьские годы в официальной пропаганде использовался термин «революционный патриотизм». Именно он позволил выстоять Советской республике в период Гражданской войны, в горниле которой столкнулись «красная» и «белая» идея, адепты которых были убеждены в своем полном праве вершить историческую судьбу России и считать свои идейно-политические представления – неоспоримыми. В основе советского патриотизма лежала социалистическая идеология, базировавшаяся на постулатах «марксизма-ленинизма», согласно которому отношение к Родине различных классов обусловлено отношением к собственности, и в

связи с этим в капиталистическом обществе у пролетариата отечества быть не может, поскольку грядущая мировая революция осуществит идею братства всех трудящихся.

По мере постепенного рассеивания «миража» близости мировой революции носители жесткой классовой парадигмы, грезившие в ее ожидании, оказались на периферии политической жизни. В середине 1930-х гг. идеологические акценты в изображении прошлого меняются, происходит отказ от позиции «национального нигилизма» и переход на национально-патриотические позиции, осуществляется, пусть и не в полном объеме, возвращение к историческим корням. Возвращение к историческим и культурным ценностям Отечества отчётливо проявилось тогда также в романах, пьесах, кинофильмах по истории России, воспитывающих гордость за свою страну, свой народ. Одним из итогов развития советского общества в предвоенное десятилетие стало культивирование в сфере идеологии идей советского патриотизма, преодоление нигилистического отношения к истории и культуре дореволюционной России.

Великая Отечественная война явились важнейшим этапом в истории «советского патриотизма», она превратила миллионы людей на фронте и в тылу в действующих патриотов, что явилось важнейшим фактором Победы.

В послевоенное время «холодная война» вновь стала тем внешним раздражителем, который обозначил четкое деление на своих и чужих, обеспечивал власть и мобилизационный режим необходимыми человеческими ресурсами.

Затем наступил этап, который можно обозначить как «почивание на лаврах» официальной идеологии, когда происходило постепенное размывание смыслов «советского патриотизма» в обществе. За послевоенный период с 1945 по 1966 г. в СССР родилось 70 млн новых граждан. Из-за быстрой урбанизации большая часть этой молодежи росла и получала образование не в селах и маленьких городках, а в крупных городах. Это было новое поколение советских граждан, в отличие от образованной молодежи 1930–1940-х гг., не грезящее о будущих сражениях за мировой социализм (1. С. 269).

Под «барабанный бой», сопровождающий победные рапорты о растущих новых поколениях патриотов, о новой исторической общности «советском народе», в стране росло двоемыслие, разоча-

рование, апатия и т.п.

Затем возникло «новое политическое мышление», подули ветры демократизации, стали популярными идеи обновления социализма. Сначала исподволь, а вскоре открыто была поставлена под сомнение необходимость и «полезность» традиционного «советского патриотизма», взамен были предложены идеи общечеловеческих ценностей, толерантности, открытости миру и т.п. Завершилось все, как известно распадом СССР, кстати, это трагическое и катастрофическое событие было весьма спокойно встречено большинством тех, кто наверняка тогда причислял себя к патриотам страны.

После зафиксированного в Конституции РФ (1993 г.) отказа от официальной идеологии, начался поиск общенациональной идеи, не завершившийся, как известно, и сегодня. Вместо утраченных смыслов, разрушенных идеологических иллюзий в стране появились свобода и плюрализм, но одновременно шла фрагментация и атомизация общества, нарастали разочарование, цинизм, превысили все разумные пределы культ денег и стремление к наживе любой ценой. На рубеже XX-XXI вв. государство решилось на совмещение символов разных эпох в своем гимне, гербе и флаге. В риторике политических деятелей вновь появились слова: патриот, отечество, начался пересмотр крайне негативного отношения к советскому периоду истории.

Проблема экономических представлений и моделей поведения.

Социальное пространство любой исторической эпохи наполнено множеством вариаций экономического поведения людей (нормативные, достижительные, девиантные, асоциальные, антисоциальные, оппортунистические и другие стратегии). Советский Союз согласно институциональной теории, как и большинство обществ, относящихся к «естественным государствам», ограничивал насилие при помощи политического манипулирования экономикой для создания привилегированных групп интересов. Это позволяло ограничить применение насилия влиятельными индивидами, но одновременно создавало препятствия для экономического и политического развития. Тогда как, современные общества создают открытый доступ к экономическим и политическим организациям, стимулируя политическую и экономическую конкуренцию. Вместе с тем, экономические результаты определяются человеческим поведением, зависящим не только от ресурсов, способностей, институтов и

рациональных расчетов, но и от культурных ценностей, убеждений и понимания того, что является желательным, что – законным, что – допустимым (2. С. 111). Очевидно, что многим людям присуще не всегда рациональное поведение и привычка нарушать существующие нормы и правила, действуя в своих (осознаваемых явно или неявно, интересах).

Советское «естественное» государство, с точки зрения присущих людям интересов, «программ» и практик экономического поведения, отличалось рядом особенностей. Во-первых, строительство социализма и коммунизма велось в русле определенных идеологических и политико-экономических догматов, часть из которых оказались жизнеспособными и показали свою определенную эффективность в конкретно-исторических условиях, периодах и ситуациях: соревнование с капитализмом в русле советской модернизации, государственный дирижизм, мобилизационная экономика, бесплатное образование, здравоохранение. Часть оказались иллюзорными и утопическими: стремление к быстрой, в течение жизни одного-двух поколений, «перековки» человека, вытравливание из социальной ткани частнособственнических инстинктов и других «пережитков капитализма» в сознании и поведении людей; не удалось в полной мере реализовать стремление к достижению высоких социальных стандартов жизни, избавиться от социального иждивенчества и экономической несвободы.

Стремление советского государства к созданию высокоразвитой экономики, способной к экономическому соревнованию с капиталистической экономикой требовало создание определенного типа работника. В условиях сложной геополитической обстановки (внешнеполитическая изоляция после революции 1917 г., Великая Отечественная и «холодная» войны), низкого правосознания основной массы населения, быстрых модернизационных преобразований, превращения аграрной страны в индустриальную, которые происходили в условиях централизации и государственного планирования (пятилетки) использовались мобилизационные механизмы, включающие широкий диапазон принудительных инструментов и мер.

Жизнь в условиях избыточного контроля со стороны государства требовала выработки адаптивных стратегий. Во-первых, это были нормативные, официально одобряемые модели экономического поведения, включающие в себя совокупность действий, обес-

печивающих следование социалистическому принципу «от каждого по способностям – каждому по потребностям». Добросовестный труд, овладение профессиональными навыками и компетенциями, творческое отношение к своим обязанностям (изобретательство и рационализаторство), социалистическое соревнование, призванное увеличивать производительность общественного труда – составляющие «идеальной» нормативной советской модели. Наряду с ней существовали «реальная» модель поведения «среднего» человека, который стремился соблюсти баланс между завышенными требованиями, предъявляемыми ему со стороны политической и экономической властей и реальностями своей экономической деятельности, с учетом личных интересов и потребностей. Одни выбирали нормативные, достижительные стратегии (работали лучше и больше остальных, повышали уровень образования и т.п.), других устраивала «золотая середина», третьи балансировали на грани нарушения трудовой дисциплины и этики (прогулы, опоздания, брак, пьянство на работе) Во-вторых, для части населения всегда привлекательными были не одобряемые властями или даже находящиеся в зоне правовой ответственности, модели поведения. Среди них, можно выделить, коррупционные модели и предпринимательские стратегии, позволявшие купировать существовавшие изъяны государственной экономики и призванные, в конечном счете, удовлетворять не только свои частные потребности, но и неудовлетворяемый государством спрос на товары и услуги со стороны населения (3. С. 21-22).

Сосредоточение усилий на изучении проблем российского национального интереса, в том числе в русле поиска адекватных историческим реалиям базовых ценностных оснований, смыслов и кодов советской истории, является важнейшим условием преодоления кризиса российской идентичности.

Литература:

1. Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011. 671 с.
2. Экономика России. Оксфордский сборник. Книга 1. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 776 с.

Источники:

3. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917-1991 гг.): сборник документов и материалов / отв. ред.

А.В. Трофимов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. 355 с.

УДК 94(47).084.8

ББК 984.716 ГСНТИ 03.02.31

Код ВАК 07.00.03

С.М. Тюшняков

Екатеринбург

**ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
МОЩНОСТЕЙ И РАБОТНИКОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ В Г. МОЛОТОВ (ЛЕТО – ОСЕНЬ
1941 Г.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: завод, эвакуация, артиллерия, военная промышленность, Великая Отечественная война, Урал.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется процесс перемещения промышленного оборудования и эвакуация рабочих и инженерно-технических работников в 1941 г. на артиллерийский завод № 172 в г. Молотов (Пермь). Выявлено значение эвакуации в формировании опорных промышленных площадок в тылу, значение кооперации в производстве боевых машин.

S.M. Tyushnyakov

Yekaterinburg

**MOVING PRODUCTION FACILITIES AND WORKERS of the
ARTILLERY INDUSTRY IN the city of MOLOTOV (SUMMER –
AUTUMN 1941)**

KEY WORDS: plant, evacuation, artillery, military industry, Great Patriotic war, the Ural.

ABSTRACT. The author examines the process of moving industrial equipment and evacuations of workers, engineers and technical workers in 1941 to number 172 artillery factory in Molotov (Perm). The article shows the importance of evacuation in the formation of the supporting industrial sites in the rear, the importance of cooperation in the production of military vehicles.

Несмотря на большое количество публикаций и исследований по истории Великой Отечественной войны, белых пятен до сих пор

осталось очень много. К одному из таких мало исследованных вопросов относится тема производства вооружения в тыловых районах страны. С начала войны для советского руководства стала очевидна необходимость проведения эвакуации с прифронтовой полосы всего, что имеет первоочередную значимость для государства. Одну из ключевых ролей здесь отводили оборонной промышленности, в частности артиллерии, учитывая при этом возможности и целесообразность перемещения объектов и сопутствующих им составляющих элементов. Десятки и сотни эшелонов ежедневно перемещали тысячи тонн груза по всей стране, охватывая в своем круговороте максимум возможностей и ресурсов государственной машины. Трудности транспортировки, её неподготовленность, ошибки в учете оборудования способствовали тому, что эшелоны с эвакуированным оборудованием прибывали к месту назначения со значительным опозданием, частями и некомплектно. Учитывая невероятную нагрузку, наркомат путей сообщения был просто не в состоянии справиться с такими объемами, что сказывалось на скорости продвижения, простаивания оборудования на станциях и иногда его потере (13. Л. 220).

Завод № 172 им. Молотова (г. Молотов), будучи крупнейшим предприятием страны по производству артиллерийского вооружения, также не остался в стороне от общего процесса. В течение 1930-х гг. основным профилем завода было изготовление оружейных систем среднего калибра и снарядов. К началу Великой Отечественной войны основной специализацией завода было производство гаубичной артиллерии. Кроме того, завод изготавливал двигатели внутреннего сгорания, стальные и чугунные машинные части, инструментальную часть (4). На 1941 г. завод являлся базой снабжения прокатом для 174 заводов и полуфабрикатом штамповок для 24 заводов (1. Л. 68). На его площадях разместилось немало станков, оборудования и материалов, эвакуированных с других предприятий страны. Уже 8 августа 1941 г. вышло постановление ГКО № 73 сс, по которому завод № 8 (ст. Подлипки Московской области) предусматривалось перебазировать в г. Молотов и г. Воткинск (1. С. 177). Завод № 8 им. Калинина, Наркомата вооружения специализировался на производстве зенитной артиллерии: 85-мм пушек 52-К, 25-мм автоматических зенитных пушек 72-К, 45-мм противотанковых пушек 53-К. Несколько позже, часть производства завода № 8, связанная с производством 85-мм пушек 52-К была

эвакуирована в г. Свердловск (17). Воткинский артиллерийский завод № 235 Наркомата вооружения, в годы Великой Отечественной войны был крупнейшим предприятием страны по производству артиллерии. В начале войны на его площадях разместились эвакуированные предприятия аналогичного профиля (16. С. 177).

Предполагалось, что для эвакуации потребуется 2831 вагон (для людей и оборудования) (8. Л. 138). Завод № 172 должен был принять работников и оборудование цехов завода № 8, задействованных в производстве 25-мм автоматической зенитной пушки 72-К (7. Л. 133). 25-мм автоматическая зенитная пушка (72-К) была разработана в 1940 г. конструкторским бюро под руководством М.Н. Логинова. В годы Великой Отечественной войны пушка широко использовалась частями Красной Армии для борьбы с самолетами на дальностях до 2400 м и на высотах до 2000 м. В случае необходимости из нее можно было стрелять по легким танкам и бронемашинам (19. С. 126).

Каждый завод, как правило, являлся лишь звеном в общей производственной цепочке. Производство боевой машины состояло из нескольких этапов: добыча сырья, его первичная обработка, создание деталей и узлов, сборка всех элементов машины с ее испытанием, утверждением и приемом на вооружение. Производство было бы невозможно без сотрудничества предприятий смежников, поставлявших друг другу необходимые части и узлы. Для завода № 8 с его производством зенитного вооружения, на 1941 г. такими смежниками выступали несколько предприятий: завод Можерес (наркомат путей сообщения), завод им. Сталина (наркомат общего машиностроения), завод ММЗ (наркомат электропромышленности), завод Динамо (наркомат электропромышленности). Оборудование этих заводов, занятое на изготовлении деталей для 72-К также предусматривалось эвакуировать в г. Молотов (10. Л. 146).

В связи с крайне неблагоприятной обстановкой на фронте и непосредственной угрозой для нормального функционирования предприятия, было дано разрешение Совета по эвакуации начать перемещение завода № 8 и его смежников на Урал. Для этого мероприятия планировалось задействовать уже 3250 вагонов, с их ежесуточной подачей по 200 шт. с 10 до 25 октября. С этого же дня началась эвакуация части оборудования, материалов и людей, занятых в производстве 72-К на завод № 172 (11. Л. 168).

Согласно постановлению Совета по эвакуации Молотовский

завод в это же время должен был принять у себя станкостроительное производство Тульского завода № 66 (НКВ) (9. Л. 128). Кроме того, в связи с эвакуацией завода № 352 (НКВ), в октябре 1941 г. стало ясно, что завод № 172 в скором времени включит в свой широкий перечень производства изготовление 122-мм пушек А-19. С 9 по 30 октября 1100 железнодорожных вагонов с рабочими, ИТР, служащими и членами их семей, оборудованием и материалами завода № 352 должны были перебросить на завод все необходимое (12. Л. 174, 175).

Планы по производству боевых машин для Красной армии у завода № 172 только за первые полгода войны менялись неоднократно, объяснялось это крайне непростой обстановкой и потребностями вооружения, в которых нуждался фронт. На 4 июля 1941 г. заводу был утвержден план на второе полугодие в объеме 800 шт. гаубиц М-10 (152 мм), и 650 шт. гаубиц МЛ-20 (152 мм) (14. Л. 267). Но перемены не заставили себя долго ждать. Уже 13 июля двум Уральским заводам (№172 г. Молотов и №235 г. Воткинск) было поручено организовать производство 76-мм полковой пушки 1927 г. и до конца года обеспечить их выпуск в объеме 2000 шт. Для реализации этого заказа заводы должны были действовать в рамках кооперации с другими наркоматами, в частности, производителем и поставщиком отдельных деталей и узлов должен был выступить Уральский вагоностроительный завод (УВЗ). При этом, заводы освобождались от производства гаубицы М-10 (390 шт.), сохраняя инструмент до восстановления производства (15. Л. 180).

С октября 1941 г. завод на р. Каме стал принимать все больше работников, прикомандированных с других заводов, а вместе с ними и оборудование необходимое для производства. Для упорядочивания этого все нарастающего процесса для всех вновь поступивших работников, оформленных и приступивших к работе, присваивали установленную на заводе табельную отметку с рабочим номером и выдачей бирки. Кроме учета, не менее важный вопрос состоял в питании. Начальник прибывающего эшелона до размещения его людей должен был ежедневно подавать заявку в социально-бытовой сектор завода на количество людей, подлежащих обеспечению питанием. Тем самым нагрузка по решению бытовых вопросов всех переезжавших ложилась на начальника эшелона (6. Л. 315, 316 об.).

Прибывшие в ноябре 1941 г. с завода № 8 работники первое

время были расселены в помещениях Клуба, Дома техники. При этом находясь в «подвешенном» состоянии, они были организованы по вновь созданным десяти цехам (№ 80 – 89) для работы над внедрением в производство зенитной артиллерии. Эвакуированные были обязаны, уже в рамках нового завода, в кратчайший срок закончить работу по установке и пуску оборудования и организовать производство 25-мм автоматических зенитных пушек 72-К (5. Л. 371, 372).

С октября по декабрь 1941 г. в порядке эвакуации на завод № 172 поступило большое количество оборудования. К 1 января 1942 г. из 1371 ед. оборудования, находившихся в цехах, 1319 ед. было установлено, 214 ед. – отправлено другим заводам, 122 ед. находилось на складах завода (2. Л. 73). Во второй половине октября стали поступать эшелоны с оборудованием для производства 25-мм автоматической зенитной пушки 72-К. В соответствии с заранее разработанной планировкой установка велась под руководством специально созданной группы во главе с помощником директора, главным механиком и главным энергетиком завода. В процессе установки оборудование, готовое к эксплуатации, настраивалось на обработку деталей. К концу ноября цеха в основном были готовы к выполнению заданий по машине 72-К. Однако, уже 23 ноября по решению ГКО производство машины 72-К было законсервировано, завод получил задание на производство противотанковой 45-мм пушки 19-К. В первых числах декабря завод получил чертежи и оснастку на новую машину, произвел перепланировку и переустановку оборудования (3. Л. 73, 74).

Процесс эвакуации протекал неоднозначно: с одной стороны, это было беспрецедентное по своим масштабам мероприятие, реализованное в крайне тяжелых условиях военного времени, в сжатые сроки, благодаря энтузиазму работников завода и членов их семей. С другой стороны, имелись серьезные промахи в организации данного процесса: в слабом контроле передвижения грузов, невниманию, как к перевозимому оборудованию, так и к людям. Эвакуация дала вторую жизнь предприятиям, оказавшимся у линии фронта, ее проведение создало условия для будущих побед.

Источники:

1. Государственный архив новейшей истории Пермского края (ГАНИПК). Ф. 889. Оп. 1. Д. 359.

2. ГАНИПК. Ф. 889. Оп. 1. Д. 359.
3. ГАНИПК. Ф. 889. Оп. 1. Д. 359.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-33. предисловие к Оп. 5.
5. ГАПК. Ф. Р-33. Оп. 5. Д. 25.
6. ГАПК. Ф. Р-33. Оп. 5. Д. 26.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 167.
8. ГАРФ.Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 167.
9. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 168.
10. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 168.
11. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 168.
12. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 168.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 93. Д. 70.
14. РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 738.
15. РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 739.

Литература:

16. Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы ВОВ. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 1992. 322 с.
17. Калининц, 2015. 8 мая.
18. Кузница Победы: подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны: очерки и воспоминания. М.: Политиздат, 1985. 423 с.
19. Шунков В.Н. Полная энциклопедия вооружений СССР Второй мировой войны 1939 – 1945. Минск, 2010. 288 с.

УДК 378.4(09)

ББК 74.58-9

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

В.В. Филатов

Магнитогорск

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО
ПРОЦЕССА В ВУЗАХ УРАЛА В 1930-Е ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ МАГНИТОГОРСКОГО ГОРНО-
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учебный процесс, успеваемость, Магнитогорский горно-металлургический институт, студенты, преподаватели, 1930-е годы.

АННОТАЦИЯ. В статье проанализирована организация учебного процесса во вновь организованном Магнитогорском горно-металлургическом институте. Показаны результаты обучения студентов в сложной ситуации 1930-х годов, вызванной отсутствием высококвалифицированных преподавательских кадров, недостаточной материально-технической базой вузов, слабой школьной подготовкой абитуриентов и другими причинами.

V.V. Filatova

Magnitogorsk

**SPECIFICS OF EDUCATIONAL PROCESS IN UNIVERSITIES
URAL 1930 (FOR EXAMPLE MAGNITOGORSK MINING AND
METALLURGICAL INSTITUTE)**

KEY WORDS: educational process, progress, Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute, students, teachers, 1930.

ABSTRACT. The article analyzes the organization of educational process in the Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute. The results of student learning in the difficult situation of the 1930s, caused by the lack of qualified teaching staff, the lack of material and technical base of universities, poor school preparing students for other reasons.

В 1930-е гг. в стране остро стояла проблема подготовки инженерных кадров для промышленности. Это наглядно видно на примере Магнитогорского металлургического комбината. Открытие в 1934 г. Магнитогорского горно-металлургического института

(МГМИ) в определенной степени позволяло решить кадровую проблему. Поэтому важно проследить качество обучения в одном из вузов Урала.

Состояние контингента, его возможности учиться во многом определялось предвузовской подготовкой. В стране, где велась борьба с неграмотностью и малограмотностью, трудно было рассчитывать на высокие достижения в образовании. Для доведения знаний поступавших до требований высшей школы в МГМИ действовали рабочий факультет и краткосрочные подготовительные курсы.

По движению контингента студентов можно проследить насколько успешно работал вуз в образовательном процессе. В сентябре 1934 г. в институте училось 233 человека, в том числе без отрыва от производства 185 человек (79,4%) и 48 человек с отрывом от производства. На металлургическом отделении обучалось 135 студентов, а на горном – 50. В первом полугодии 1934/35 учебного года 10% студентов МГМИ отсеялось. Среди причин отчисления назывались: необеспеченность полностью стипендиями, высокая текучесть на заводе, отсутствие жилья, плохие транспортные условия (1. Л. 3, 3 об., 21; 12. Л. 13 об.).

Среди студентов большинство составляли бригадиры, мастера, техники, рабочие-ударники (5). Несмотря на то, что институт формально считался вечерним, занятия в нем проходили днем и вечером – по параллельной программе для сменных групп (7). В числе тех, кто учился на вечернем отделении, по социальному положению большая часть обучавшихся была из служащих (71,9%) и из рабочих (26%) (12. Л. 13 об., 14). Данная статистика свидетельствует, что в основном в институте учились служащие. Как правило, это были работники-практики без высшего образования, находившиеся на инженерных должностях. Наличие большого количества крестьян среди студентов-дневников также закономерно. Большую часть работников комбината составляли селяне, бежавшие из голодной деревни в город. Занимая рядовые должности, многие из них хотели получить инженерный статус.

В 1934 г. среди преподавательского состава профессора отсутствовали. Из 15 доцентов, работавших в институте, лишь трое имели основную работу в МГМИ, не считая заведующих кафедрами. Семь человек, трудившихся в должности доцента, являлись представителями предприятий и учреждений. Кроме доцентов, в МГМИ

обучали студентов еще один преподаватель и три ассистента. Всего в институте работало 19 преподавателей (22. С. 182). С таким составом преподавательских кадров сложно говорить о высоком качестве преподавания.

Ко всему добавлялось отсутствие до 1936 г. учебного помещения. Полученный учебный корпус, находившийся рядом с рудником горы Магнитной, где постоянно велись взрывные работы, явно не был рассчитан на организацию нормального учебного процесса.

Лучше передают необычайную атмосферу тех лет воспоминания участников-студентов, их отношение к учебе. Л.А. Волков, в будущем заведующий кафедрой экономики и организации производства МГМИ, писал: «И все-таки поздней ночью прорабатывали по книгам материал, прослушанный на лекциях. Причин для непосещения занятий в институте мы не находили. Стремление получить как можно больше знаний, овладеть техникой, технологией и организацией производства, наиболее совершенного предприятия в нашей стране, было очень велико» (4. С. 24).

После первого семестра 1934 г. успеваемость в МГМИ составляла 84 %. Учебный план институт выполнил на 93 %. Зимнюю сессию 19 % студентов сдали на «хорошо», 65 % – на «удовлетворительно», 16% – на «неудовлетворительно» (13. Л. 11). Двоечников чаще всего отчисляли.

К каждой сессии в институте стали готовить инструкции по методике их проведения. Эти инструкции разрабатывались с участием представителей студентов по дисциплинам, подведомственным кафедре с обязательным доведением до студентов (2. Л. 89 об.).

В будущем знаменитая поэтесса Людмила Татьяничева, в 1930-е гг. работавшая в газете «Магнитогорский рабочий», писала, что «зачетная сессия в горно-металлургическом институте проходит в здоровой, деловой обстановке. Ни одного случая нервозности, подсаживания, нарушения сессионной дисциплины. Чувствуется большая предварительная подготовка, а заранее выработанные критерии оценок дают возможность студентам правильно оценивать свои ответы и ответы товарищей» (6).

Так закончился первый год учебы в институте. Немногочисленный состав студентов стремился раскрыть свои возможности учиться в далеко непростых условиях магнитогорской жизни. Не у всех это получалось. Об этом говорил высокий процент отчисленных. Но студенты, пришедшие в институт с серьезными намере-

ниями, старались учиться хорошо, зная, что полученные знания пригодятся в их дальнейшей работе.

Острую потребность в инженерах испытывал металлургический завод. Он нуждался в дипломированных специалистах. На ММК в 1935 г. трудился 25491 человек, в том числе 20618 рабочих, 1801 ИТР, 1186 служащих и 1136 человек младшего обслуживающего персонала. В следующем году численность трудящихся возросла на 3,4%, в том числе рабочих – на 2%, ИТР – на 7,1%, служащих – на 8,1%, МОП – на 17,4% (14. Л. 29 об.). Многие инженерно-технические работники являлись практиками без специального высшего образования. Их необходимо было обучить, чтобы получить профессионально подготовленного специалиста.

Контингент обучавшихся (вместе с вечерниками) в 1935-36 учебном году составил 302 человека, которые профилировались по двум ведущим дисциплинам: горняки-разработчики и пластическая обработка металлов. Строителей и энергетиков в то время перевели в высшие учебные заведения Свердловска (3).

По-прежнему остро стояла проблема отсева. Часто причиной отчисления являлось то, что студенты дневного отделения, особенно из ИТР (молодые специалисты техникумов), не желали идти работать в доменный и мартеновский цеха, как этого требовала инструкция. На вечернем отделении студенты должны были переходить на работу по специальности, по которым обучались, прежде всего, на производство чугуна и стали (13. Л. 10 об.).

Главным управлением учебными заведениями (ГУУЗ) НКТП СССР рекомендовалось при составлении расписания на 1936/37 учебный год на шестидневку планировать на 1 и 2 курсы не более 26 учебных часов, в том числе 2 часа – на физкультуру, а на 3-4 курсах – не более 24 часов. Предлагалось сократить обязательные учебные часы за счет упразднения групповых занятий в проработке лекционного материала. На 1-2 курсах выделялся один день, а на последующих курсах – два дня для самостоятельных занятий студентов с возможностью в это время пользоваться библиотекой, лабораториями и кабинетами.

В связи с тем, что в течение семестра изучалось много дисциплин, их число ограничивалось шестью, а ежедневных – до трех. Отменялось деление учебных дисциплин на такие, которые выносились и не выносились на зачетную сессию. По учебным предметам предлагалось сдавать экзамен, а по практическим занятиям –

зачеты. Отменялась четырехбалльная система оценки знаний. Вместо нее вводились оценки: «неудовлетворительно», «удовлетворительно» и «отлично». Намечались меры по упорядочиванию работы профессорско-преподавательского состава (15. Л. 2, 2 об.).

В начале 1937 г. в МГМИ обучалось без отрыва от производства 185 человек, а на дневном отделении – 125. К концу семестра вечерников осталось 134, обучавшихся с отрывом от производства – 104. Показатели 1936/37 учебного года говорили о нестабильности контингента. К концу весеннего семестра дневники «потеряли» каждого четвертого студента, причем больше всего отчислили с 1-2 курсов. Общая успеваемость составила у вечерников 90,9% (16. Л. 1-2 об., 5, 5 об.). Работа по новым правилам показала, что еще был высок процент двоечников. Не все студенты могли освоить учебную программу.

На качество образования влияло то, что в институте отсутствовали единые учебные планы. В прежних планах имелись недостатки. Так, в программе 1 курса стояло одновременно изучение высшей математики и теоретической механики, хотя последний предмет следовало изучать, в совершенстве овладев техникой дифференцирования и интегрирования. В худшем положении находилось вечернее отделение. Их план не был пересмотрен. Институту предлагалось руководствоваться старым планом, содержащим весьма крупные методические ошибки.

Вопросы совершенствования учебного процесса постоянно выносились на заседания Ученого совета. Преподаватели предлагали пути подъема успеваемости, эффективные методы организации самостоятельной работы студентов. Студенты могли выступать на совете института со своими конструктивными предложениями. Так, на одном из заседаний студент Тарнавский говорил о том, что в курсах обработки металлов давлением и спецкурсе дают одинаковый материал (17. Л. 58-61). Его выступление не осталось без внимания. Оно привело к изменению учебного плана. При обсуждении на Ученом совета в феврале 1938 г. вопроса об итогах I семестра 1937/38 учебного года, выступавшие обращали внимание на индивидуальную работу с первокурсниками, не имевшими навыков учебы, на большую требовательность при приеме в институт и другие проблемы (18. Л. 1, 1 об.).

Информация о неурядицах в институте становилась предметом обсуждения на страницах городской газеты. В марте 1938 г. в газе-

те «Магнитогорский рабочий» было опубликовано открытое письмо студентов IV курса горно-металлургического института Главному управлению учебными заведениями Наркомтяжпрома и редакции «Магнитогорский рабочий». Письмо было выдержано в критическом тоне по отношению к руководству института, и вскрывало значительные недостатки в работе. В нем указывалось на плохое преподавание в институте, граничащее с полным срывом учебных планов.

За первое полугодие 1937-38 учебного года учебный план был выполнен только на 38%. Этому способствовало, прежде всего, плохо составленное расписание и необеспеченность профессорско-преподавательским составом. Из дисциплин, указанных в расписании, читалось в основном одно электрооборудование. Дисциплины «Металлургические печи» и «Ленинизм» из-за отсутствия педагогов не преподавались. Преподавание факультативных дисциплин также было сорвано, так как их не включили в расписание.

По мнению студентов, часть преподавателей совершенно неудовлетворительно читала лекции, материал преподносился без всякой системы. Студенты полагали, что общетехнологические производственные практики прошли неорганизованно. Руководство производственной практикой студентов со стороны института отсутствовало. Неудовлетворительно проходила практика на металлургическом комбинате. В письме указывались и другие вопросы плохой организации учебного процесса (8).

Вскоре вышла новая статья с заголовком «В горно-металлургическом институте нарушают постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о высшей школе». По мнению автора, отстающим студентам не оказывалась помощь. В сентябре студенты имели в общей сложности около 300 несданных дисциплин. В конце первого полугодия 1937/38 учебного года их стало еще больше. На первом курсе не имел перед зимней сессией академическую задолженность только один студент. У остальных в среднем было 2-3 задолженности. На втором курсе только пять человек сдали все предметы. Остальные 30 до зимних каникул имели задолженность (9).

Оба материала были разгромными. Это было время борьбы с недостатками, за развитие критики и самокритики, время Большого террора. Такого рода выступления в печати поощрялись. После подобных статей можно было ставить вопрос о закрытии института и заведении уголовных дел. Обвинения в адрес руководства и препода-

давателей, знание тонкостей учебного процесса говорили о том, что эти публикации готовили далеко не студенты.

Подобные публикации в городской газете имели место и в предыдущем году. В августе 1937 г. был снят с работы директор МГМИ А.М. Упенек, а затем – расстрелян (24. С. 359). Теперь предъявлялись претензии к новому руководству. Недостатков в работе института действительно оказалось слишком много, но меры по их устранению приводили к репрессиям. Общими усилиями ППС и студентов все же удалось выйти из сложного положения и несколько улучшить обучение студентов в институте.

В августе 1939 г. контингент студентов достигал 480 человек, тогда как в предшествовавшем учебном году – 386 (19. Л. 1, 2). Однако недостатки оставались прежними. Представитель ГУУЗа перед заседанием Ученого совета побывал на некоторых занятиях. Проверка показала, что студенты прошли не всю программу. Студент, получивший «отлично», не заслужил этой оценки. Из четырех легких вопросов он не ответил ни на один. Как выразился проверявший экзамены, «это указывает на общую малоразвитость и недостаточное окультуривание студентов» (20. Л. 1-3).

Конечно, не все студенты учились идеально. Но имелись студенты, на которых можно было равняться. Едва ли малоразвитым можно назвать комсомольца Кусенбаева, отлично окончившего первый курс. В течение года он был старостой группы и боролся за повышение успеваемости, за хорошую трудовую дисциплину.

К лету 1939 г. институт со дня основания выпустил 80 специалистов, из них – 53 без отрыва от производства (11). Многие из выпускников стали в дальнейшем успешными руководителями. В ноябре 1939 г. в МГМИ работало уже 34 преподавателя, в том числе пять доцентов, четыре кандидата наук и один и.о. профессора (10). Проблемы организации учебного процесса возникали и в будущем, но в большей степени преобладали положительные тенденции (23. С. 30-78). Институт получал дальнейшее развитие.

Таким образом, качество обучения в МГМИ в период его становления имело и положительные и отрицательные стороны. Основной тенденцией в учебном процессе являлось то, что успеваемость находилась примерно на одном уровне, хотя и имелись спады. Немало претензий возникало по поводу учебных планов. Отдельные дисциплины читались непоследовательно и не системно. Имелись недочеты в организации производственной практики. Од-

ной из важных причин отчисления студентов служила низкая успеваемость. Низкий уровень школьного образования приводил к значительному отсеву учащихся. В то же время среди студентов было немало отличников учебы, являвшихся примером для других. Ведущие преподаватели и лучшие студенты стремились изменить положение к лучшему. Постепенно повышалась острепененность преподавателей, в институт стали больше направлять кандидатов наук.

Источники:

1. Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 9.
2. Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8.
3. За кадры. 1962. 1 ноября.
4. История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях / под ред. В.В. Филатова. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2014. 249 с.
5. Магнитогорский рабочий. 1934. 6 октября.
6. Магнитогорский рабочий. 1935. 24 июня.
7. Магнитогорский рабочий. 1935. 5 января.
8. Магнитогорский рабочий. 1938. 1 марта.
9. Магнитогорский рабочий. 1938. 16 марта.
10. Магнитогорский рабочий. 1939. 18 ноября.
11. Магнитогорский рабочий. 1939. 22 июля.
12. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. 13. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8.
13. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11.
14. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224.
15. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 16.
16. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 18.
17. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38.
18. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 39.
19. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52.
20. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51.

Литература:

21. Филатов В.В. Бытовые условия преподавателей и студентов МГМИ в 1930-е годы // Научная мысль: традиции и инновации. Сборник научных трудов с международным участием. Краснодар: Издательство: Индивидуальный предприниматель Акелян Нарине Самадовна, 2015. С. 280-285.

22. Филатов В.В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1930-е годы. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2015. 261 с.

23. Филатов В.В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1940-е годы: Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2015. 394 с.

24. Филатов В.В. Общественно-политическая деятельность коллектива МГМИ как неотъемлемая часть повседневности г. Магнитогорска в 1930-е годы // Проблемы российской истории. Магнитогорск: Издательство: Магнитогорский дом печати, 2015. С. 351-364.

УДК930.1(47)

ББК Т01(2)64

ГСНТИ 965.239

Код ВАК07.00.03

С.В. Филатов

Ростов-на-Дону

«ФОЛЬК-ХИСТОРИ» КАК УГРОЗА ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: альтернативная история; исторические науки; новая хронология; общественное сознание; массовая культура; коммуникативное пространство.

АННОТАЦИЯ. Социально-политические перемены в России на рубеже XX – XXI вв. породили феномен «фольк-истори» как составной части массовой коммерческой культуры, претендующей стать центральным элементом исторического знания и вытеснить научную историческую теорию.

S.V. Filatov

Rostov-on-Don

«FOLK-HISTORI» AS THREAT FOR REPRESENTATIVE HISTORICAL KNOWLEDGE

KEY WORDS: alternative history; historical sciences; new chronology; public consciousness; mass culture; communicative space.

ABSTRACT. Socio-political changes in Russia at a boundary of the XX-XXI centuries generated a "folk-histora" phenomenon as to become a component of the mass commercial culture applying the central element of historical knowledge and to force out the scientific historical theory.

За последние десятилетия в России сформировался обширный комплекс квазинаучных исторических трудов, созданных непрофессионалами, пропагандирующими необходимость пересмотра сложившейся на основе фундаментальных научных исследований модели всемирной и отечественной истории (1. С. 50-53). Продолжительное время обществу навязчиво предлагаются варианты реконструкции исторической реальности, не имеющие научного обоснования. В то же время сама историческая наука подвергается

агрессивной критике, читателю последовательно доказывается, что историки-профессионалы несостоятельны в своем деле и зачастую склонны к умышленным фальсификациям (2. С. 5). Не встречая на протяжении долгих лет фактически никакого отпора, подобная литература, которую сегодня принято называть «фольк-хистори», уже превратилась в значительный компонент общественной мысли, влияющий на массовые представления о прошлом, историческую беллетристику, программы учебных заведений (4. С. 77-80).

Сообщество «фольк-хистори» сегодня приобрело развитую структуру, в которой можно выделить авторов, условно представляющих «центр», определяющими специфику основных направлений жанра и их «эпигонов», воплощающих своеобразную «периферию» (3. С. 177 - 189).

Так, центральный жанр «фольк-хистори» вырос из экспансии представителей «точных» наук в гуманитарную сферу – это группировка А.Т. Фоменко, творчество С. Валянского, Д. Калюжного и др., сделавших отправной точкой своей «методологии» контрфактическое моделирование исторической реальности. Другое популярное ответвление – националистическое, выросшее в сфере идеологических столкновений между этносами и независимыми государствами СНГ, в котором лидируют М. Аджиев, Н. Ф. Шамаганов, М. Ермалович. Еще одну отрасль фольк-хистори можно условно назвать «игровой историей», историей тайн и загадок, отчасти выросшей из наименее качественной научно-популярной литературы советского периода, отчасти из литературно-философских аксиом постмодернизма. «Древнейшие» представители этого направления – В. Щербаков, О. Сулейменов, А. Бушков, В. Кандыба (3. С. 177 - 189).

На «периферии» «фольк-хистори» находится та сфера историко-философской публицистики, в которой исторические факты и их интерпретации играют роль стандартного набора «кубиков» для обоснования какой-либо политической или философской идеи, и, в случае конфликта с нею, могут быть искажены до неузнаваемости. Подобных примеров чрезвычайно много в истории российской общественной мысли перестроечного и постсоветского периода. В качестве примера могут быть названы получившие большую известность Э. Радзинский, А. Янов, В. Кожин (3. С. 177-189).

Бесспорно, что «фольк-хистори» как одна из форм исторического сознания всегда имела определенную социальную нишу и

была востребована частью российского общества. Однако с начала 2000-х гг. в стране произошел количественный скачок влияния этого феномена в рамках общей системы исторического знания, что привело, в конечном итоге, к качественным ее изменениям. Этому поспособствовал ряд причин и, прежде всего, особенности переломного состояния в социально-политической жизни страны.

Вполне ординарным и повседневным явлениям на протяжении советского периода российской истории была тесная связь гуманитарных дисциплин с господствующим монистическим мировоззрением. После утраты им доминирующей позиции в результате этой тесной связи оказался поколеблен прежний авторитет исторической науки, и профессиональные знания историков перед лицом массового скепсиса оказались бессильны. Проблематичный процесс адаптации инфраструктуры и теоретической мысли отечественных профессиональных историков к новой политической ситуации лишили историческую науку возможности быстро реагировать на потребности общества в новых исторических знаниях. Центральной фигурой новой модели взаимодействия истории и общества стал журналист, вытесняя более качественную, но запаздывающую информацию исследователей, собственной, научно не выдержанной, но быстрее доходящей до потребителя. Кроме этого, формирование независимых государств после распада СССР потребовало формирования новых официальных идеологических схем, и, в частности, теоретических разработок национально-государственной истории. Это обусловило массовый прорыв националистических настроений в систему исторического знания. В целом, названный комплекс причин является внешним по отношению к развитию научной мысли в области истории, тогда как существовали и внутренние предпосылки «триумфального шествия» «фольк-истории».

Инфраструктурная модель исторической науки, ее ролевая и функциональная установка в социуме советского периода фундаментально отличались от их западных аналогов. В течение 1990-х российским историкам пришлось принимать общие «правила игры». Адаптация исторической науки, во-первых, являлась частью масштабного процесса, захватившего большой сектор науки и культуры и, во-вторых, происходила не только в плане простого приспособления к политическим трансформациям в жизни страны: понадобилось перестраивать состав и внутреннюю жизнь базовых

структур научной истории под образцы, принятые в европейских и американских сообществах историков. В этом смысле, столкновение с «фольк-истори» явилось естественным этапом этого процесса. Только если для западного мира функционирование значительной части гуманитарной сферы в рамках массовой культуры – вполне обыденное явление, то в России расслоение на производителей духовных ценностей для интеллектуальной элиты и для массового потребителя в среде гуманитариев оказалось явлением новым.

Таким образом, развитие «фольк-истори» отражает социальный аспект вхождения большей части системы исторического знания в среду массовой культуры. Поскольку в российском общественном сознании роль творца в данной среде оценивается не высоко, ее представитель (историк непрофессионал) стремится всеми силами доказать, что он причастен к «высокой» культуре и науке, тогда как те, кто к ней действительно имеют отношение, разумно избегают подобного соседства. Однако с финансовой точки зрения крепнущий мир массовой культуры дает в такой борьбе больше возможностей. Поэтому вместо естественного разделения социальных функций между двумя ветвями сообщества гуманитариев происходит интенсивное вытеснение «высокой» культуры и в том числе фундаментальной научной истории с ее естественных позиций (5. С. 101).

В тоже время, как часть массовой литературы, «фольк-истори» основывается на четырех технических элементах: это интрига (основная идея, где отыскать и как представить потребителю комплекс тайн древности); обличительный пафос (борьба с образом врага, мешавшего до сих пор раскрыть истину); фактическая аргументация; «позитив» – то есть реконструкция на основе «разгаданных тайн» альтернативного пласта исторической реальности. Одновременно для «фольк-истори» в целом свойственно нежелание реконструировать историческую реальность в подробностях, по причине отсутствия у ее многочисленных авторов источниковедческих навыков, незнание ими технических приемов исторического исследования. Поэтому, например, нередко обоснование фактами подменяется ссылками на общую «истинность» теории или вписыванием событий, процессов, действующих лиц в общую абстрактную схему, поскольку само пребывание внутри этой схемы оказывается гарантией правильности предложенной интерпретации (6. С.

232).

Сегодня «фольк-истори» представляет собой реальную угрозу для научной истории, поскольку претендует на роль источника для всех прочих секторов исторического знания. Связь с этими секторами означает для научной истории связь с обществом, а вытеснение ее из названного коммуникативного пространства лишает смысла формулу «общественная дисциплина»: историческая наука оказывается в положении изолированной от главных информационных потоков социума «сектой профессионалов». На смену периоду «методологического плюрализма» и быстрого слома монистической модели исторического знания может прийти эпоха «фольк-истори», стремящейся занять доминирующую позицию в ключевых структурах системы исторического знания. Сегодня наиболее значительные объединения и личности, представляющие «фольк-истори», обладают мощными финансовыми, производственными и информационными возможностями для пропаганды и социального продвижения своих идей, чем любое научное или научно-учебное учреждение историков-профессионалов. Поскольку внутреннее состояние системы исторического знания зависит от состояния внешней социально-культурной среды, то поражение на этом «внешнем фронте» неизбежно скажется на профессиональном авторитете историков в обществе, а в результате и на общем положении научной инфраструктуры вплоть до вопросов финансирования.

Литература:

1. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М.: Вече, 2005. 320 с.
2. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М.: Единство, 1998. 256 с.
3. Володихин Д.М. Феномен фольк-истори // Мифы «новой хронологии». Материалы конференции на историческом факультете МГУ 21 декабря 1999 г. / Под ред. В.Л. Янина. М.: SPSL – «Русская панорама», 2001. 296 с.
4. Лапенков В. История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории. М.: Яуза, 2006. 400 с.
5. Никифоров А. История versus псевдоистория // Эпистемология и философия науки. Т. XV. № 1. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 129-201.

6. Петров А. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 71-75.

УДК 314.7. 72

ББК 63.3

ГСНТИ 05.11.27.

Код ВАК 07.00.02

О.Г. Черезова

Екатеринбург

**ДОСТУПНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ СРЕДНЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННОЙ ПОД-
ВИЖНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – ПЕРВОМ ДЕСЯ-
ТИЛЕТИИ XXI В.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Свердловская область, сельское население, миграции, сальдо миграций, образование, сельская школа.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется миграция сельского населения. Одним из факторов миграционной подвижности сельского населения Свердловской области в последние полвека была образовательная политика правительства по отношению к сельской школе. Их закрытие приводило к отъезду населения из деревни.

O.G.Tcherezova

Yekaterinburg

**The AVAILABILITY of SECONDARY EDUCATION AS a
FACTOR of MIGRATION MOBILITY of RURAL
POPULATION of the SVERDLOVSK REGION IN the SECOND
HALF of XX – the FIRST decade of the XXI Century**

KEY WORDS: Sverdlovsk region, rural population, migration, balance of migration, education, rural school.

ABSTRACT. The article examines the migration of rural population. One of the factors of migration mobility of the rural population of the Sverdlovsk region has been educational policy of the government in the last half century in relation to the village school. Their closure led to the departure of people from the village.

На протяжении всей половины XX и в первого десятилетия

XXI вв. в стране шел процесс сокращения сельского населения. В первую очередь российское село теряло население за счет миграций. Свердловская область в этом отношении не была исключением. Уже с середины 1960-х гг. четко прослеживается тенденция к сокращению сельского населения за счет миграционного оттока. Ежегодно на протяжении 1960-80-х гг. село теряло от 1500 до 5000 человек в год. Максимум эти потери достигли на рубеже 1960-х-70-х гг., когда количество выбывших из сельской местности превышало прибывших на 11-12 тыс. человек в год (1). В 1990-е гг. процесс продолжался, хотя и с несколько меньшей интенсивностью, что объясняется, скорее всего, сокращением самой численности сельского населения в целом и доли селян наиболее мобильных в отношении миграционной подвижности. Исключение составлял период конца 1980-х – начала 1990-х гг., что связано с распространением фермерства и началом экономического кризиса, и «дефолтовским» 1998 г. (6). С началом 2000-х гг. сальдо миграций в сельской местности вновь стабильно становится отрицательным, а потери сельского населения за счет миграционного оттока увеличиваются до 3-5 тыс. человек в год, а в 2007 г. – более 7 тыс. человек (5).

Разумеется, причин, заставлявших человека покинуть свое прежнее место жительства, очень много, в разные времена у разных людей они будут различны. Если во второй половине XX в. это размер заработной платы, условия труда и быта селян, то с переходом к рыночным отношениям к ним добавляется невозможность найти работу на селе. Но во все времена немаловажную роль играло развитие социальной инфраструктуры, в том числе возможность получения образования. И если для молодых людей это наличие средних специальных и высших учебных заведений, то для семьи с детьми – наличие школы и качество образования, которое она может дать ребенку.

Соответственно, одним из факторов, влияющих на желание уехать из села, было наличие школы. Между тем, школа имела далеко не в каждом населенном пункте, либо существовала лишь только начальная. Кроме того, сельские школы испытывали постоянный дефицит кадров, не хватало учителей, многие предметы не преподавались совсем. В 1960-е – 70-е гг. правительство уделяло довольно пристальное внимание развитию сельских школ. Период 1960-1980-х гг. характеризовался дальнейшим сокращением числа

школ и их укрупнением. В 1966 г. ЦК КПСС и Совета Министров СССР приняли постановление «О мерах дальнейшего улучшения работы общеобразовательной школы», в котором ставилась задача перехода к 10-летнему обучению. В 1973 г. оно было дополнено постановлением «О мерах по дальнейшему улучшению работы сельской общеобразовательной школы», где был предложен комплекс мероприятий, направленных на «совершенствование» школьной сети в сельской местности и укрепление ее материально-технической базы. Для более полного удовлетворения потребностей сельского населения в школах и создания необходимых условий для всеобщего среднего образования молодежи было объявлено целесообразным иметь, как правило, в каждом совхозе и крупном колхозе среднюю общеобразовательную школу. Кроме того, планировались меры по поддержке учителей в целях закрепления в сельских школах педагогических кадров. Предполагалось активное строительство жилых домов для сельских учителей, для педагогических работников на селе был установлен ряд льгот, в частности, на получение кредитов на хозяйственное обзаведение и на строительство жилых домов. В связи с этим Госбанку СССР рекомендовалось предоставлять молодым специалистам, окончившим высшие и средние педагогические учебные заведения и направленным на работу в сельские общеобразовательные школы, кредит на хозяйственное обзаведение в размере до 1000 рублей на срок до 5 лет, с погашением начиная с третьего года после его получения, а учителям сельских школ и другим педагогическим работникам, окончившим высшие и средние педагогические учебные заведения и работающим в сельской местности, кредит на строительство жилых домов в размере до 2000 рублей на срок 10 лет, с погашением начиная с пятого года после его получения. Кроме того, устанавливалась отсрочка от призыва на действительную военную службу учителям с высшим педагогическим образованием по окончании вуза на весь период их работы в сельской школе (2). Эти меры должны были способствовать расширению сети сельских школ и закреплению педагогических кадров на селе.

Определенные положительные последствия этих мер действительно имели место, но в целом, по мнению исследователей, результат их был неоднозначен.

В ходе преобразований шло изменение структуры школьной сети. Если в середине 1960-х гг. в сельской местности Урала пре-

обладали начальными школами (в Свердловской области они составляли 67,7 %), то уже в 1970-е гг. их число резко сокращается. В первую очередь это коснулось малокомплектных школ. В целом, количество сельских образовательных учреждений на Урале сократилось с 1970 по 1980 гг. на 3490 (закрылась примерно каждая третья школа). Ликвидация школ, в свою очередь, вела к росту миграции наиболее работоспособного населения, а в ряде случаев к полной ликвидации населенного пункта (7).

В 1990-е гг. проблемы сельской школы оказались не менее острыми, кроме того, к ним добавились новые – сокращение финансирования, задолженность по заработной плате и т.д. Меры по решению этих проблем, естественно, предпринимались, но их должны были решать, в первую очередь, на областные органы власти. В частности, в 1999 г. правительство Свердловской области утвердило программу поддержки на два года образовательных учреждений, расположенных в сельской местности и рабочих поселках. Согласно этой программе предполагалось оказание финансовой помощи сельским школам. План финансирования на 2000 г. первоначально был утвержден в сумме 16564 тыс. руб., а позднее уменьшен до 13952,2 тыс. руб. Реально же помощь была оказана в объеме 11838,7 тыс. руб., в том числе денежное финансирование – 1545,0 тыс. руб. Сохранялась задолженность по заработной плате в 22 муниципальных образованиях, главным образом это касалось сельских школ. Задолженность отмечалась в Артинском, Ачитском, Красноуфимском, Новолялинском, Пышминском, Слободо-Туринском, Талицком, Алапаевском, Байкаловском, Белоярском, Ирбитском, Камышловском, Нижнесергинском, Пригородном Тугулымском районе. При этом среднемесячная заработная плата одного работника образования Свердловской области в сентябре 2000 г. составляла 1238,8 руб., т.е. существенно ниже, чем в промышленности (3058,4 руб.), и в два раза меньше, чем в среднем по отраслям экономики (2515,0 руб.) (3).

В школах не хватало учителей предметников. В Ревдинском районе имелось 45 вакансий, в Полевском – 57, в Талицком районе – 55, в Сысертском – 51, Артемовском и Нижнесергинском районах – по 41, в Ирбитском и Слободо-Туринском – по 36. В результате ряд предметов просто не преподавались. В целом по Свердловской области потребность в педагогических кадрах составляла 1730 человек. Наиболее востребованными в данных территориях были учи-

теля иностранного языка (448 ставок), русского языка и литературы (179), истории (165), физической культуры (122), основ безопасности жизнедеятельности (110), математики (113), музыки (73 ставки) (4).

Относительно «благополучные» 2000-е гг. не исправили ситуацию. В 2005 г. в системе общего образования функционировали 1286 муниципальных дневных общеобразовательных учреждений с численностью обучающихся 430380 человек. Из них в сельской местности было расположено 542 учреждения (42,1 % от общего количества общеобразовательных учреждений) с численностью обучающихся 75644 человека (17,6 % от общей численности обучающихся в общеобразовательных учреждениях). 433 школы (33,7 %) требовали капитального ремонта, 20 учреждений (1,6 %) находились в аварийном состоянии. Сохранялась проблема недостатка в учительских кадрах. Финансовая помощь молодым специалистам для привлечения их в школу была ничтожно мала. В 2005 г. 820 молодых специалистов - педагогических работников, поступивших на работу в областные государственные и муниципальные образовательные учреждения, получили единовременное пособие на обустройство хозяйством в ничтожно малом размере по 20 тыс. руб.

Еще более острой становилась проблема получения школьного образования на селе в связи с началом политики сокращения финансирования и ликвидации малокомплектных школ. В 2010 г. губернатор Свердловской области А. Мишарин на заседании президиума областного правительства заявил, что для оптимизации расходов придется сократить 130 сельских школ. (8). Вместе с закрытием школы ставился под вопрос и существование самого населенного пункта. Чтобы дать ребенку возможность получить хотя бы среднее образование, селяне соглашались на переезд в город, даже если в результате этого теряли прежнюю работу и вынуждены были проживать в городе на съемной квартире или в общежитии. Таким образом, закрытие сельских школы вело к сокращению сельского населения и неблагоприятному изменению его половозрастной структуры в сторону увеличения численности селян пожилого возраста.

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-1813.

2. О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы. Постановление Совета министров СССР от 2 июля 1973 г. № 471. // Собрание Постановлений Правительства СССР. 1973. № 16, ст. 85.

3. Система образования Свердловской области как фактор (механизм) удовлетворения образовательных потребностей (Региональный доклад 1995 года) // Система образования Свердловской области. Электронный ресурс. Режим доступа: docs.cntd.ru>document/801103261. Дата обращения 29.01.2016.

4. Состояние системы образования Свердловской области в 2000 г. Ежегодный доклад правительства Свердловской области // Система образования Свердловской области. Электронный ресурс. Режим доступа: docs.cntd.ru>document/801110004. Дата обращения 29.01.2016.

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Электронный ресурс. Режим доступа: sverdl.gks.ru. Дата обращения 29.01.2016.

Литература:

6. Горбачев О.В. Средний Урал на миграционной карте России (1990-е) / Образовательный портал. Электронный ресурс. Режим доступа: hist.igni.urfu.ru>dais/articles/9/Gorbachev.doc. Дата обращения 29.01.2016.

7. Мазур Л. Н. «Меж городом и селом...»: эволюция социально-культурного слоя уральской деревни в условиях урбанизации // Электронный научный архив УРФУ. Электронный ресурс. Режим доступа: elar.urfu.ru>handle/10995/19675. Дата обращения 29.01.2016.

8. Поговорим о сельской школе. Электронный ресурс. Режим доступа: dzd.rksmb.org>science/sesch01.htm. Дата обращения 29.01.2016.

УДК371.1(470.54-25)(091)

ББК Ч403(235.55)-422. ГСНТИ 568.471 Код ВАК 07.00.03

Э.А. Черноухов

Екатеринбург

ПЕРВЫЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГИМНАЗИЙ ЕКАТЕРИНБУРГА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гимназии, Екатеринбург, учитель истории, юбилейный очерк.

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы три очерка, написанные к первым юбилеям гимназий Екатеринбурга их учителями истории. Показана специфика создания подобных произведений в дореволюционный период.

E. A. Chernoukhov

Yekaterinburg

THE FIRST JUBILEE ESSAYS ON THE HISTORY OF GRAMMAR SCHOOLS OF EKATERINBURG

KEY WORDS: gymnasiums, Yekaterinburg, teacher of history, anniversary essay.

ABSTRACT. In this work the author analyzed three essays written to the first anniversaries of Yekaterinburg gymnasiums by their history teachers. The author shows the specificity of the creation of these essays in the pre-revolutionary period.

Средние общеобразовательные заведения появились в уездном Екатеринбурге в начале 1860-х гг. Мужская гимназия была открыта в 1861 г. После некоторых споров и преобразований она получила статус классической. В 1862 г. городское женское училище второго разряда получило статус первого разряда, став из трехклассного шестиклассным (фактически средней общеобразовательной школой). Формально оно было преобразовано в Екатеринбургскую женскую гимназию в 1870 г.

По указанию Екатеринбургской дирекции народных училищ к юбилейным датам этих заведений были созданы очерки, содержащие сведения по их истории и современному состоянию. В Екате-

ринбургской мужской гимназии первая такая работа появилась уже к 25-летию юбилею (2), вторая – к 50-летию (1). Женская гимназия города также получила подобное произведение к полувековому юбилею (6). В нем главную ценность представляет исторический очерк П. П. Мегорского (6. С. 37–95).

Важным объединяющим признаком для этих трех произведений стало положение их авторов. Все они были написаны учителями истории самих гимназий: Н. К. Диомидовым, В. И. Будриным и П. П. Мегорским. Именно этих педагогов закономерно посчитали способными и достойными создать первые труды по истории учебных заведений. Подобный выбор авторов не отличался оригинальностью. Юбилейные труды по гимназиям губернской Перми также были написаны их учителями истории: мужской – А. А. Дмитриевым (4) и А. В. Зверевым (5), женской – Н. С. Мальцевой (6). При этом директора гимназий не стали определять себя редакторами этих исторических очерков – подобная практика утвердилась уже в советское время.

Никанор Константинович Диомидов (1847–1910) родился в семье причетника, окончил Симбирскую духовную семинарию и Казанский университет (как стипендиат Министерства народного просвещения). В 1874–1906 гг. он преподавал историю, географию и латинский язык в Екатеринбургской мужской гимназии, был здесь и классным наставником. К окончанию 25-летней службы Н. К. Диомидов имел чин статского советника. Выйдя в 1899 г. на пенсию, он продолжал до самой смерти преподавать: сначала в том же учебном заведении, затем Пермской Мариинской и Екатеринбургской женской прогимназиях, Екатеринбургской торговой школе (7. С. 214).

Василий Иванович Будрин – выпускник Московского университета. С 1904 г. он преподавал историю, а затем и законоведение в Екатеринбургской мужской гимназии. В советское время В. И. Будрин стал одним из авторов коллективных трудов по истории города (Екатеринбург за 200 лет) и Уральского горного училища (Сто лет горнотехнической школе на Урале).

Петр Петрович Мегорский (1878–1930) – выпускник Петербургской духовной академии. В 1908–1913 гг. он преподавал историю в Екатеринбургской женской гимназии. Затем П. П. Мегорский был переведен в Челябинск, где стал известным педагогом и общественным деятелем, автором ряда трудов по экономической

тематике (8).

Эти биографические справки имеют много общего. Трех авторов первых юбилейных очерков гимназий Екатеринбурга, кроме преподавания истории, «объединяет» наличие высшего образования (у двоих – университетского диплома) и возраст написания работ (между 30 и 40 годами). Кроме того, для В. И. Будрина и П. П. Мегорского эти исторические труды стали не последними научными исследованиями в жизни.

Источниковая база все трех очерков практически идентична. Их авторы опирались на архивы самих учебных заведений, где отложились нормативные правовые акты и различные делопроизводственные источники (отчеты, переписка, материалы по личному составу). Кроме того, они использовали воспоминания преподавателей и выпускников этих гимназий. Но сноски на источники информации в тексте самих работ практически отсутствуют.

Стиль исследования у всех трех авторов также в целом похожий. Они придерживались хронологического принципа изложения материала. Их труды, особенно самый ранний (Н. К. Диомидова), являются своеобразными летописями учебных заведений. Это неудивительно. Юбилейные очерки – своеобразный жанр исследования, со своим традиционными составляющими: предисловие с критикой состояния в рассматриваемой сфере накануне открытия «своего» заведения, перечисление самых различных достижений, краткие сведения о руководителях и известных выпускниках. Все эти практически обязательные части для подобных трудов содержат и три рассматриваемых очерка. В частности, В. И. Будрин привел сведения о 157 преподавателях и служащих Екатеринбургской мужской гимназии и 777 её выпускниках.

В тоже время два очерка (В. И. Будрина и П. П. Мегорского) существенно отличаются от советских и современных юбилейных трудов по истории учебных заведений Екатеринбурга. В них содержатся материалы, которые уже давно не принято помещать в подобные произведения. В частности, там имеется реальная критика педагогов, виновных в неэффективности учебного процесса. Так, В. И. Будрин сообщает, что в 1875 г. преподаватели Екатеринбургской мужской гимназии пропустили 1278 урочных часов, в том числе почти треть (381 час) из них приходилось на долю её директора Глебова.

Проблема перманентной неявки на уроки преподавателей

сильно беспокоила и руководство Екатеринбургской женской гимназии. В результате ее руководство в 1866 г. приняло решение платить только за реально проведенные, а не определенные для преподавания, часы (6. С. 80).

В очерках есть и объяснения подобной недисциплинированности преподавателей. В Екатеринбургской женской гимназии их прогулы оправдывали малой оплатой. Так, руководитель Екатеринбургской дирекции училищ А. Д. Крупенин писал: «Вознаграждение преподавателю так незначительно, что не в состоянии привлечь желающих посвятить свое свободное время женскому училищу. О своих учителях нет возможности и мыслить» (6. С. 78).

К тому же эта оплата сильно зависела от средств за обучение, собираемых с воспитанниц. Поэтому преподавателям Екатеринбургской женской гимназии приходилось проявлять явную «снисходительность» при приемных и переводных экзаменах. Так, в 1866/1867 учебном году было принято решение переводить в следующий класс воспитанниц, имеющих не более двух «2» (двоек!) за год или экзамен с оценкой «1» (единица!).

Подобное отношение порождало проблемы с дисциплиной. Сложности с преподаванием у учителей, находившихся в преклонном возрасте и, наоборот, только начинавших работать, описаны и в очерке П. П. Мегорского. Весь этот комплекс проблем, имеет давнюю традицию, которая, однако, совершенно не рассматривается в современных юбилейных очерках по истории учебных заведений города.

В целом труды учителей истории Н. К. Диомидова, В. И. Будрина и П. П. Мегорского весьма информативны, написаны «легким» для восприятия языком. Они содержат любопытные наблюдения современников событий, сведения из источников, часть которые не сохранились до настоящего времени. Очерки представляют значительный интерес для исследователей народного образования в Екатеринбурге.

Литература:

1. Будрин В. И. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии 1861–1911 гг. Краткий исторический очерк. Екатеринбург: тип. Алексеева, Галина и К, 1911. 153 с.
2. Диомидов Н. Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1886). Оренбург: тип. Ефимовского, 1887. 137 с.

3. Дмитриев А. А. Столетие Пермской гимназии. Казань: тип. губ. правления, 1886. 85 с.
4. Зверев А. В. Старейшее учебное заведение Перми. Пермь: тип. Чердынцева, 1908. 230 с.
5. Мариинская женская гимназия в Перми. К 50-летию юбилею. Пермь: тип. Чердынцева, 1913. 151 с.
6. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской 1-й женской гимназии. 1860–1910. Екатеринбург: тип. Шаравьевой, 1912. 109 с.
7. Уколова О. С. Преподаватели истории в составе городского учительства Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. (по материалам ГАПК и ГАСО) // Современный педагог – историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки и профессиональной деятельности. Ежегодник. XIX всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. Ч. 1. С. 210–218.
8. Челябинск. Энциклопедия. Челябинск: Каменный пояс, 2001. 1112 с.

УДК 37.013.83(470.54)(091)

ББК Ч432.3(235.55)61 ГСНТИ 967.256 Код ВАК 07.00.01

И.И. Чернышева

Лесной

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919 – 1923 ГГ.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбургская губерния, внешкольное образование, образование взрослых.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию организации образования взрослых в послереволюционный период в Екатеринбургской губернии в 1919-1923 гг. Основное внимание уделяется таким проблемам, как создание и состав внешкольного подотдела, губернского политико-просветительного комитета как структурных подразделений губернского отдела народного образования.

I.I. Chernysheva

Lesnoy

THE ORGANIZATION OF ADULT EDUCATION IN THE EKATERINBURG PROVINCE, 1919-1923.

KEY WORDS: province, school education, adult education.

ABSTRACT. The article is devoted to the organization of adult education in the post-revolutionary period in the Ekaterinburg province from 1919-1923, focuses on such issues as the creation and composition of the extra-curricular section, then the provincial political and educational Committee of the structural units of the provincial education Department.

С первых дней установления Советской власти молодое рабоче-крестьянское правительство впервые в истории организует органы для руководства внешкольным образованием (образованием взрослых). В составе Государственной комиссии по просвещению, созданной 9 ноября 1917 г., был организован Внешкольный отдел, а с организацией Наркомпроса стал функционировать Внешкольный отдел Наркомпроса, который возглавляла Н.К. Крупская (1. С.48).

Далее из источников следует, что Секция для взрослых и народных университетов Внешкольного отдела выделилась на I Всероссийском съезде по просвещению (август-сентябрь 1918 г.) (1. Л. 2). Это был специальный орган по руководству общеобразовательными школами взрослых (подотдел, секция – название и структура менялись) в аппарате Внешкольного отдела Наркомпроса (6. С. 48). В 1918 г. она называлась «Секция для взрослых и народных университетов». С апреля и до конца лета 1918 г. происходила внутренняя организационная работа. И только в сентябре – в ноябре 1918 г. удалось начать планомерную фактическую работу. Причина такой медлительности в работе секции – наличие в ней всего двух сотрудников – заведующего секцией и секретаря. Перед секцией стояли следующие задачи: разработать положения о типах школ для взрослых и подростков, составить учебные программы и разработать методы обучения; переиздать старые учебники; открыть показательные школ разных типов для взрослых; обследовать школы для взрослых и подростков; осветить деятельности школ в печати и установить тесную связь со школами на местах. В дальнейшем секция разбилась на три подсекции. К концу октября 1918 г. программы для школ взрослых по родному языку, математике, общество-

ведению и естествознанию были почти закончены. Через некоторое время работники Секции планировали созыв предметно-цикловых комиссий по подсекциям школ повышенного типа для выработки образовательных программ по предметам, составлению пособий (1. Л. 8-10).

6-19 мая 1919 г. состоялся Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию, принявший "Положение об организации дела внешкольного образования в РСФСР". На съезде с докладом выступили В.И. Ленин и Н.К. Крупская. Съезд определил государственную систему учреждений общего образования взрослых. Основным направлением в этот период стали выработка общих принципиальных установок по внешкольному образованию, и признание необходимости государственного регулирования им (9. С. 33).

После революции 1917 г. в Пермской губернии еще сохранялись земства. Параллельно с умирающим земством стали организовываться в культпросвете комиссии и отделы, которые способствовали появлению новых элементов внешкольного дела. В дальнейшем эти комиссии приняли дела по народному образованию земств и передали их в комиссариаты просвещения (3. Д. 770. Л. 174).

Трудности просветительной работы в значительной мере усугублялись хозяйственной разрухой и голодом. Экономика Урала находилась в особенно тяжелом состоянии после колчаковской оккупации (11. С.10).

Колчаковская оккупация Урала на полтора года затормозила работу. Внешкольное образование было повёрнуто назад к земскому периоду. Во время передвижения фронтов громадное количество библиотек, народных домов было разорено, ибо активисты кружков ушли с красными или подверглись репрессиям (3. Д. 770. Л. 179).

Восстановление Советской власти на Урале прошло летом 1919 года. Началось восстановление внешкольного образования на Урале. На созданные в составе исполкомов губернских, уездных и волостных Советах рабочих и крестьянских депутатов Декретом СНК РСФСР от 26 июня 1918 г. (4) были созданы отделы народного образования.

15 июля 1919 г. было объявлено о создании Екатеринбургской губернии (13. С. 158). В нее вошли из бывшей Пермской губернии Екатеринбургский, Шадринский, Камышловский, Верхотурский,

Ирбитский, Красноуфимский уезды и Серебрянский район Кунгурского уезда. В 1920 г. из Верхотурского уезда выделались Алапаевский, Надеждинский, Нижнетагильский уезды, из волостей Екатеринбургского, Камышловского и Шадринского уездов образован Каменский уезд. В 1922 г. Алапаевский, Каменский и Надеждинский уезды были упразднены (12. С. 14-15). В ноябре 1923 г. она вошла в состав вновь образованной Уральской области.

В структуру организованного Екатеринбургского губернского отдела народного образования входили подотделы: общий, организационно-инструкторский, школьный, внешкольный, дошкольный, дефектного ребенка, национальных меньшинств, статический, профессионально-технического образования, финансовый, снабжения. Подотделы делились на секции. Во главе Губоно стоял заведующий, при нём имелась коллегия. Организацией образования взрослого населения Екатеринбургской губернии в структуре Губоно занимался внешкольный подотдел и входившие в его состав секции (3. Д. 770. Л. 3-4). Всероссийский съезд по внешкольному образованию (1919 г.) организацию внешкольных подотделов на местах признал целесообразной в следующем виде: Губернский подотдел внешкольного образования делился на секции: 1) организационную; 2) школьно-курсовую с подсекциями: а) профессиональную, б) кинематографическую; 3) библиотечную; 4) народных домов и клубов. Для уездного подотдела было необходимо создание секций: 1) организационной, 2) школьно-лекционной, 3) библиотечной и 4) народных домов и клубов (10. С. 86-87).

Постепенно увеличивалась регулирующая роль губернских центров, а в уездных центрах принимались те или иные мероприятия по согласованию работы. Создавались Внешкольные советы, кабинеты. Тенденции к объединению были сильны, вся внешкольная работа была подчинена агитационным заданиям, требовавшим большой четкости и налаженности аппарата (3. Д. 770. Л. 179).

Центральные законодательные документы по организации образования в республике с 1920 г. требовали и изменения управленческой структуры губернского образования.

До 1920 г. в Наркомпросе были созданы отделы по отраслям, в том числе Внешкольный отдел. С 1920 г. отделы были преобразованы в Главные управления. Декретом СНК РСФСР от 12 ноября 1920 г. был создан Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет) (5. С. 197-198) на базе существовавшего вне-

школьного отдела, который входил в общую систему Наркомпроса. Председателем Главполитпросвета была назначена Н.К. Крупская, до этого возглавлявшая Внешкольный отдел.

В систему Главполитпросвета, кроме пунктов ликвидации неграмотности, школ и куров для малограмотных и школ взрослых повышенного типа (по аналогии с детской «единой трудовой школой» I и Пступеней, но с меньшим сроком обучения, вошли школы политграмоты, народные дома, избы-читальни, библиотеки, красноармейские клубы, совпартшколы (давали общеобразовательную и политическую подготовку кандидат на выдвижение на партийную, профсоюзную, хозяйственную организаторскую и управленческую работу), коммунистические университеты (7. С. 13).

В системе государственных органов непосредственно политикой в области просвещения руководили отделы народного образования, которые функционировали при местных советах (губоно, облоно, окроно, районо, уоно) (8. С. 156).

По положению Наркомата просвещения от 7 марта 1921 г. структура губоно стала следующей. В состав Екатеринбургского губоно входили управления: научно-методический совет, организационно-административное управление, совет по национальным меньшинствам, Губернское управление профессионально-технического и профессионального образования рабочих (Губпрофобр), Губернское управление социального воспитания и политического образования подростков до 15 лет (Губсоцвос), Губернское управление политико-просветительного внешкольного образования и юношества (Губполитпросвет), Губмузей, Губархив, Губернское управление издательским делом (Губиздат). В состав Губполитпросвета входили следующие подотделы: административно-организационный, агитационный, пропагандистский, художественный, председатель Грамчека, бюро национальных меньшинств (2. Д. 721. Л. 54).

Реорганизованный в 1921 г. внешкольный подотдел стал называться - губернский политико-просветительный комитет (Губполитпросвет). Далее в его составе произошли изменения. Названия подотделов были следующими: агитационный, пропагандистский, художественный, организационный, общий (2. Д. 721. Л. 4). Во главе отдела стоял начальник. В структуру пропагандистского подотдела входила секция: школьно-курсовая. Заведующим секцией с 1920 г. был назначен Смирнов. Следующий заведующий Павлов-

ский назначен в феврале 1922 г. Он работал до 20 июня 1922 г. Уездные отделы народного образования теперь стали носить названия – уполитпросветы. В волостях имелись районные инструкторы политпросвета. Из краткого сообщения о работе школьно-курсовой секции и лекторском бюро, подготовленного тов. Смирновым, видно: «Сделано много, но объективные условия, в которых протекает работа школьно-курсовой секции следующее – во-первых, помещение негодно: целый день по комнате ходит народ, шумит. Необходимо писать проект, учебные планы, нет опытных работников, был приглашен тов. Китайцев. Нужно еще пригласить инструкторов». Работники секции в течение марта 1921 г. вели работу по подготовке материалов для организации курсов и лекторского бюро, а также принимали участие в работе уже существующих школ и курсов. В частности, много времени заняла работа по организации лесозаготовительных курсов. Они были организованы согласно предписанию Главполитпросвета с 6 по 24 марта 1921 г. Слушателями курса были представители от Губкома, Гублескома, Железкома, Союза деревообделочников. Состоялись библиотечные курсы. Работали общеобразовательные курсы имени Герцена (реорганизованный народный университет). Курсы работали согласно выработанному учебному плану. Часть слушателей выбыла в марте в Государственный университет, так как утверждение положение о курсах затянулось, но в апреле должен был организован новый совет, избран единый президиум, организованы предметные комиссии для оживления работы курсов. Также в марте работники подотдела встречались с профессором Медынским по выработке общего взгляда на организацию курсов, по подготовке работников губернских и уездных политпросветов. Имелись данные о школах взрослых повышенного типа по уездам. На апрель 1921 г. предполагалось выработать учебные планы и положение о советах для школ, а также инструкцию о советах школ (2. Д. 713. Л. 1-2).

Из отчёта о работе школьно-курсового подотдела с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. следует, что были проведены 1) курсы по подготовке работников политпросвета при Губсовпартшколах. Губсовпартшкола функционировала с октября 1921 г. по май 1922 г. 2) Общеобразовательные курсы имени Герцена. Слушателей на курсах в 1921-1922 учебном году было от 210 до 300 человек. По социальному составу слушатели были: рабочими – 19% от числа слушателей, служащими – 36%, военными- 13%, учащимися – 7%,

кустарями - 4%, занимались домашним хозяйством – 16%, домашняя прислуга – 5%. Из-за отсутствия средств совет курсов был упразднен. Из 17 лекторов осталось 7. Вставал вопрос о закрытии курсов. Но положение спасли сами слушатели. Они обратились в Губоно с просьбой выдать необходимые средства для завершения занятий. Губоно просьбу удовлетворило, предоставило курсам помещение, средства для освещения и оплату труда лекторов. 3) Действовал народный университет в г. Ирбите. В нем занимались четыре группы: а) группа начинающих учение; б) группа, в которой давались знания в объеме прежней начальной школы; в) группа, в которой велись занятия в объеме 1 и 2 отделений школы Иступени; г) группа, в которой велись занятия, соответствующие 3 и 4 отделениям школ Иступени 4) уездные совпартшколы в г. Тагиле, Ирбите, Камышлове, Шадринске. Из уведомлений уездных политпросветов выяснено, что вследствие голода, который охватил уезды, а также в связи с отсутствием денег и пайка организующим школьное дело, школьно-курсовая подготовка взрослых почти нигде не велась, за исключением названных уездов и работающих в них совпартшкол и одной школы взрослых повышенного типа в Шадринске на 23 человека. Школа работала вечерами 5 дней в неделю. С января 1921 г. во вспомогательных частях и частях ГПУ и милиции были открыты курсы по ликвидации грубой неграмотности. После 1 мая 1921 г. открыты школы малограмотных и школы взрослых повышенного типа, где обучали не только чтению, письму, арифметике, но и преподавали географию, естествознание, политграмоту. Позже с 1922-1923 учебного года общеобразовательные курсы имени Герцена были переименованы в открытую школу имени Герцена (опытная школа взрослых им. Герцена). Обучение велось 4 года. Из письма Уездного городского отдела народного образования г. Екатеринбург Школьно-курсовому отделу при Губполитпросвете узнаем: «... на 1 января 1922 в городе существует школа взрослых повышенного типа при Трудроклонии бывших проституток. Но в данный момент школа не работает, так как учащиеся занятия пошивкой белья для детских приютов. Но к 1 февраля работа школы будет возобновлена. В 1922 году будет проведена следующая работа: 1) будут организованы курсы для работников избчитален на 50 человек, продолжительностью 6 месяцев. 2) организованы школы взрослых повышенного типа при Исправительных домах № 1 и № 2, при спичечной фабрике «Факел», льнопрядиль-

ной фабрике имени Ленина (бывшая Макаровых). Также предполагается открыть до 10 школ взрослых повышенного типа в хлебодородных пунктах. Но нет пособий для учеников и учителей» (2. Д. 713. Л. 5).

Делами образования на местах занимались отделы народного образования исполнительных комитетов уездных советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (УОНО). В составе уездного отдела народного образования имелся политико-просветительный подотдел (уполитпросвет), ведавший непосредственно просветительной работой и внешкольным образованием. Штат этих отделов был утверждён заведующим организационным отделом Губполитпросвета 3 ноября 1923 г. Все уездные политико-просветительские подотделы относились к разным категориям. К I-й категории был отнесен Екатеринбургский уездный политико-просветительный подотдел; ко II-й категории: Красноуфимский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский. Нижне-Тагильский; к III-й – Алапаевский, Надеждинский, Верхотурский, Каменский. Структура Екатеринбургского уездного политико-просветительного подотдела была следующая: 1. Заведующий; 2. Секретарь; 3. Заведующий подотделом агитации; 4. Заведующий подотделом пропаганды; 5. Заведующий клубной секцией, и он же инструктор; 6. Заведующий библиотечной секцией, он же инструктор; 7. Председатель грамчека, он же школьный инструктор; 8. Инструктор; 9. Заведующий художественным отделом; 10. Инструктор художественного отдела; 11. Инструктор. Структура уездного политико-просветительского подотдела III-й категории: 1. Заведующий уездным политико-просветительским подотделом; 2. Секретарь; 3. Заведующий подотделом антипропаганды; 4. Заведующий секцией курсов, народных домов, библиотек, он же инспектор; 5. Председатель грамчека, школьно-курсовым подотделом, он же инструктор (2. Д. 726. Л. 9).

Все вопросы деятельности советов и их исполкомов находились под непосредственным контролем партийных комитетов соответствующего уровня (13. С. 158). Так, циркуляром № 276 от 3 февраля 1922 г. всем уездным политико-просветительным комитетам от заведующего Губполитпросветом и заведующего агитационно-пропагандистским отделом губкома партии г. Екатеринбург необходимо было пересмотреть всю сеть политико-просветительных учреждений (клубы, народные дома, избы-

читальни, школы взрослых, библиотеки) для того, чтобы учреждения не были параллельными в своей деятельности, сэкономили средства. Всем партийным и профсоюзным органам вменялось провести перерегистрацию все политико-просветительные учреждения и установить центром всех учреждений – клуб (2. Д. 726. Л. 6). Весной 1923 г. проходила IX Екатеринбургская губернская партийная конференция. По докладу руководителя Губоно конференция вынесла постановление, в котором были обозначены следующие положения: а) обеспечить подбор коммунистами-учителями для преподавания обществоведения и политграмоты в образовательных учреждениях, в том числе и школах взрослых; б) обеспечить классовый подбор учащихся в профшколах II ступени и школах взрослых. Конференция отметила, что центральной фигурой в строящейся новой школе является учитель, поэтому необходимо осуществлять классовый подход в подборе учителей, а переподготовка уже работавших учителей должна осуществляться с участием парторганизаций (2. Д. 775. Л. 16).

Итак, с 1919 по 1923 гг. в Екатеринбургской губернии создавались управленческие органы, осуществлявшие создание и налаживание работы по обучению взрослого населения в школах взрослых повышенного типа, народных домах и клубах.

Источники:

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2306. Оп. 15. Д. 40.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-17. Оп. 1.
3. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 770. Л. 174, 179
4. Декрет СНК РСФСР «Об организации дела народного образования в Российской республике (положение)». "[Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_307.htm. (дата обращения 23.02.2016 г.).
5. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1974. Том 11. 483 с.

Литература:

6. Горностаев П.В. О теории общего образования взрослых от Октября и в первые годы после революции. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1974. 86 с.

7. Малахов Н.Д. Педагогические основы среднего образования взрослых. М., 1985. 175 с.

8. Кальсина А.А. Становление и развитие единой государственной школы на Среднем Урале (1917-1931): автореф. ... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 286 с.

9. Образование взрослых на рубеже веков: вопросы методологии, теории и практики. Том I. Кн. 1. История развития образования взрослых в России/ Под ред. Е.П. Тонконогой. СПб.: ИОВ РАО, 2000. 151 с.

10. Медынский Е.Н. Энциклопедия внешкольного образования. Лекции, чит. на пед. фак. Урал. ун-та в 1920-1922 гг. и 2-го Моск. ун-та в 1922-1923 гг. Том III. М. – Л.: Госиздат, 1925. 234 с.

11. Чуфаров В.Г., Горбунова Д.П. От неграмотности к вершинам культуры. Свердловск: Кн. изд-во, 1963. 74 с.

12. Яркова Е.И. Екатеринбургская губерния. 1919 – 1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие: автореф. ... канд. ист. наук. Челябинск. 2008. 26 с.

13. Яркова Е.И. Екатеринбургская губерния. 1919 – 1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие: диссертация... к-та ист. наук. Челябинск, 2008. 256 с.

Т.Г. Шумкина
Екатеринбург

**ВОПРОС О ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА УРАЛЕ В ТРУДАХ НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-краеведческие общества, высшее образование, история образования на Урале, печатные издания, исторический источник.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются печатные издания научно-краеведческих обществ как источники изучения организации высшей школы на Урале. Выявляется роль местных научных обществ в становлении высшего образования в регионе. Подчеркивается значение деятельности уральской интеллигенции в решении вопроса об открытии высшего учебного заведения на Урале в дореволюционный период.

T.G. Shumkina
Yekaterinburg

QUESTION ABOUT THE HIGHER SCHOOL IN THE URALS IN THE PUBLICATIONS OF SCIENTIFIC-LOCAL HISTORY SOCIETIES (THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CC.)

KEY WORDS: scientific-local history societies, higher education, history of education in the Urals, print edition, historical source.

ABSTRACT. The article analyzes the print edition of scientific-local history societies as sources for the study of the organization of the higher school in the Urals. Role of local scientific societies in the development of higher education in the region. Emphasizes the importance of the work of the Ural intelligentsia in solving the issue of opening a higher education institution in the Urals in the pre-revolutionary period.

Начало XX в. в истории России ознаменовалось развитием модернизационных процессов, которые в разной степени затронули

все сферы жизнедеятельности общества. На Урале эти процессы носили сложный характер. С середины XIX в. горнозаводская промышленность Урала переживала системный кризис, преодоление которого было связано с необходимостью решения целого ряда проблем. Одной из них была проблема обеспечения промышленности края административным и техническим персоналом, ставшая объектом внимания не только со стороны правительства, но и общественности. В контексте этой проблемы особенно актуальным был вопрос о необходимости открытия на Урале высшего учебного заведения, который активно обсуждался на страницах местной печати.

Проблема становления высшего образования на Урале получила освещение в целом ряде работ, в том числе современных исследователей (см., напр., 18-22). В то же время, как отмечает Л.А. Дашкевич, «дореволюционное строительство высшей школы Урала пока не нашло отражения в монографических исследованиях. История уральских вузов разбросана по страницам отдельных юбилейных изданий, в которых не ставилось задач комплексного изучения динамики социальной жизни края, потребностей местных культурных и предпринимательских элит, их стратегий и устремлений в сфере образования» (19. С. 132).

В статье Л.А. Дашкевич «Становление высшего образования на Урале: поиски власти и гражданского общества» показаны роль и значимость участия уральской интеллигенции в становлении высшей школы Урала. Автор исследует проблему на основе анализа деятельности органов местного самоуправления и делает вывод о том, что «благодаря проектам, подготовленным при участии сил местной интеллигенции, земства и городские думы уральских городов смогли отстоять свои интересы на высочайшем уровне. Решения об открытии первых высших учебных заведений в Екатеринбурге и Перми были приняты в 1914 и 1916 гг.» (19. С. 131).

Работа Л.А. Дашкевич побудила нас также обратиться к вопросу о роли местной общественности в становлении высшего образования на Урале в дореволюционный период. В данной статье вопрос рассматривается на примере научно-краеведческих обществ (НКО) и на основе анализа их печатных изданий, так как, во-первых, уральская интеллигенция была представлена не только в земствах и городских думах, но также составляла ядро местных научных обществ. Во-вторых, НКО являлись практически единст-

венными в крае научными и культурными центрами в условиях отсутствия на Урале вплоть до начала XX в. высших учебных заведений.

Вопрос об организации высшей школы на Урале имеет давнюю историю. Впервые мысль о создании в крае высшего учебного заведения зародилась еще во второй половине XVIII в. В XIX – начале XX вв. этот вопрос довольно активно дискутировался и были разработаны первые проекты организации системы высшего образования на Урале (18. С. 5-20).

В 1907 г. на страницах «Записок» Пермского отделения Императорского Русского технического общества (ПО ИРТО) появилось несколько публикаций по вопросу о высшем техническом учебном заведении на Урале, в частности, в Перми (4; 5; 7). В опубликованном письме инженера-металлурга Б. Михайлова проводилась идея о том, что непременным условием технического прогресса является научная подготовка кадров для уральской промышленности. Автор письма высказывался также за открытие в г. Перми политехникума с горным, металлургическим, механическим и лесным отделениями, хотя, в то же время, расценивал идею о политехникуме на Урале как «слишком роскошную» (из-за ограниченности средств) и предлагал вспомнить идею профессора Д.И. Менделеева об открытии на Урале металлургического института (7. С. 92-94).

В 1910 г. в «Записках» Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) был опубликован доклад специальной Комиссии, избранной общим собранием 31 октября 1909 г. для разработки вопроса о высшем учебном заведении на Урале. В нем говорилось о разнообразии природных богатств края и о необходимости систематического и планомерного изучения природных ресурсов с целью более рационального их использования. В докладе также отмечалась такая особенность уральской горнозаводской промышленности, как наличие тесной связи между горным и лесным хозяйствами, в связи с чем, была поставлена проблема сохранения лесных ресурсов и развития лесного дела. По мнению Комиссии, по своему типу проектируемое высшее учебное заведение должно быть политехникумом с тремя отделениями: горным, горнозаводским и лесным. Соответственно, это учебное заведение должно было готовить специалистов по горному делу и лесоводству с учетом местной специфики и ориентацией на удовлетворение насущных

потребностей уральской промышленности. Политехникум предполагалось открыть в г. Екатеринбурге как центре горнозаводской и лесной промышленности Урала (10. С. 1-9).

В разработку вопроса о высшем учебном заведении на Урале определенный вклад внесла и Пермская комиссия УОЛЕ. На одном из общих собраний действительный член Комиссии М.Н. Григорьев выступил с докладом «К вопросу об открытии высшего учебного заведения на Урале», в котором наиболее подходящим типом учебного заведения был признан университет с тремя отделениями: горно-техническим, лесным и сельскохозяйственным. Такой университет должен был стать местным научным центром, который поставил бы дело изучения Урала на прочную научную почву (1).

Важным шагом в разработке вопроса о высшей школе на Урале стало ходатайство местных властей и общественности об учреждении в г. Екатеринбурге горного института, что также нашло свое отражение на страницах изданий НКО (12; 13).

Местные органы власти и общественность г. Перми также ходатайствовали об открытии высшего учебного заведения. Проект Романовского сельскохозяйственно-лесного института был изложен в докладной записке Пермской городской Думы, составленной ее гласным Л.Е. Воеводиным. В этой записке были представлены результаты глубокого анализа состояния и основных проблем развития сельского и лесного хозяйств Пермской губернии, и был сделан вывод о том, что сельскохозяйственно-лесной институт, как тип высшего учебного заведения, отвечает местным потребностям и его открытие в г. Перми весьма своевременно и необходимо (6. С. 7-44). Основные этапы реализации этого проекта достаточно регулярно освещались на страницах «Записок» ПО ИРТО (8; 11; 15).

Следует отметить, что члены НКО рассматривали проблемы развития образования гораздо шире, не ограничиваясь вопросом о высшей школе на Урале. Анализ опубликованных материалов показывает, что обсуждались также вопросы развития начального технического и среднего профессионального образования. Так, например, в работах горных инженеров, членов Общества уральских горных техников, А. Митинского и Н. Смольникова в качестве одного из недостатков горного образования отмечалась неразвитость системы среднего специального (технического) образования (9; 17). В Пермской губернии в это время существовало два средних технических учебных заведения: Уральское горное училище в г. Ека-

теринбурге и Пермское реальное училище (в том числе горнозаводское отделение). Тем не менее, недостаток в среднем техническом персонале для уральской промышленности был весьма ощутимым, в связи с чем, А. Митинский отмечал, что Уралу необходимо не только высшее техническое учебное заведение, но и сеть средних и низших технических школ («устройство последних на Урале есть задача даже более неотложная, чем устройство высшего учебного заведения») (9. С. 47-48).

Вопрос о необходимости создания на Урале целой сети средних и низших технических школ поднимался и на XIX-м съезде горнопромышленников Урала в 1914 г. В докладе Совета съездов по горнопромышленному образованию на Урале, опубликованном в «Записках» ПО ИРТО, обращалось внимание на крайнюю недостаточность числа школ на Урале вообще и полное почти отсутствие низших профессиональных школ, которые готовили бы выпускников к предстоящей им деятельности на местных заводах. В дискуссии по данному вопросу горные инженеры А.П. Онуфрович и Б.А. Рулев предложили обратиться к опыту Германии, где существовала целая система многочисленных средних технических училищ, готовивших техников-практиков (2. С. 60-65; 23. С. 127-136).

Некоторые НКО сделали конкретные шаги в решении обозначенных проблем. В частности, при содействии Общества уральских горных техников в г. Екатеринбурге были открыты технико-химические профессиональные классы (3. С. 45-54). При ПО ИРТО работала Постоянная комиссия по техническому образованию, созданная по инициативе действительного члена, инженера С.Н. Стемпневского. В задачи этой Комиссии входила организация курсов графической грамоты и специальных технических классов в г. Перми и Мотовилихинском заводе. Отчеты о работе Комиссии достаточно регулярно публиковались в «Записках» Отделения (14).

На страницах изданий местных научных обществ обсуждался также вопрос о необходимости реформирования системы высшего технического образования. Это стало особенно актуальным в связи с началом Первой мировой войны, когда в России возникли новые промышленные предприятия и отрасли промышленного производства, когда главной задачей стало развитие отечественной промышленности. В «Записках» ПО ИРТО в 1915 г. была опубликована статья о реформе высшего технического образования в России, в которой признавались необходимыми: предоставление большей

самостоятельности высшей школе; пересмотр и переработка учебных программ; обучение на основе тесной связи теории и практики; развитие научных, учебных и экономических организаций учащихся; упрочение материального и правового положения учащихся (16. С. 57).

Проведенный анализ печатных изданий НКО показывает, что открытие на Урале высшего учебного заведения осознавалось местной общественностью как настоятельная необходимость; единства не было лишь во взглядах по двум ключевым вопросам: 1) о типе высшего учебного заведения; 2) о выборе места для его основания (Екатеринбург или Пермь). Научно-краеведческие общества активно включились в разработку вопроса о высшей школе на Урале. На страницах их изданий регулярно освещались конкретные проекты организации основ высшего образования в крае, в том числе разработанные непосредственно специально созданными комиссиями этих обществ. Их деятельность в этом направлении является примером пробуждения личной и общественной инициативы, роста общественного самосознания в начале XX в.

Источники:

1. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 680. Оп. 1. Д. 242а. Л. 2-7.
2. XIX съезд горнопромышленников Урала // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1914. Вып. 2.
3. Доклад об учреждении технико-химических профессиональных классов при 1-м высшем городском училище в Екатеринбурге // Уральский техник. Екатеринбург, 1916. № 1-2.
4. К вопросу о высшем техническом училище в Перми // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1907. Вып. 3.
5. К вопросу о высшем учебном заведении в г. Перми // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1907. Вып. 4.
6. К вопросу об открытии в г. Перми сельскохозяйственно-лесного института // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1913. Вып. 2.
7. К вопросу об уральском политехникуме // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1907. Вып. 1.
8. К учреждению в Перми высшего сельскохозяйственного учебного заведения // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1915. Вып. 1.
9. Митинский А. Горно-техническое образование в России // Уральский техник. Екатеринбург, 1914. № 9-10.
10. О высшем учебном заведении на Урале // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1910. Т. XXX.

11. Об открытии сельскохозяйственного и лесного института в г. Перми // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1913. Вып. 4.
12. Об учреждении в г. Екатеринбурге горного института // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1913. Вып. 3; Вып. 4; Пермь, 1914. Вып. 2.
13. Об учреждении в г. Екатеринбурге горного института // Уральский техник. Екатеринбург, 1914. № 1; № 9-10; № 11-12.
14. Отчет о деятельности Пермского отделения ИРТО за 1910 г. // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1911. Вып. 3; Отчет... за 1913 г. // Там же. 1914. Вып. 2.
15. По поводу Романовской сельскохозяйственной и лесной академии в г. Перми // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1915. Вып. 3-4.
16. Реформа технического образования // Записки ПО ИРТО. Пермь, 1915. Вып. 2.
17. Смольников Н. Перспективы технического образования на Урале // Уральский техник. Екатеринбург, 1914. № 11-12.

Литература:

18. Главацкий М.Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995.
19. Дашкевич Л.А. Становление высшего образования на Урале: поиски власти и гражданского общества // Образование и наука. 2015. № 4 (123).
20. Игошев Б.М., Суворов М.В. Профессиональное педагогическое образование на Урале в 1912 – 1919 гг. // Педагогическое образование в России. 2011. № 3.
21. Леднев В.П. Профессионально-педагогическое образование на Урале: становление и развитие / Науч. ред. Г.М. Романцев. Екатеринбург, 2004.
22. Набойченко С.С. История высшей школы Свердловской области. Екатеринбург, 2013.
23. Рукосуев Е.Ю. Записка Совета Съездов горнопромышленников Урала о проблемах начального технического образования в регионе // Урал в зеркале тысячелетий. В 2-х книгах. Кн. 2. Екатеринбург, 2009.

СЕКЦИЯ 2

УДК 94"15/18"

ББК Т1(0)323

ГСНТИ 03.09

код ВАК 07.00.03

Е.В. Алексеева
Екатеринбург

ИНДИЯ-ЕВРОПА-РОССИЯ: «ВЕЛИКИЙ СИТЦЕВЫЙ ПУТЬ»³

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ситец, диффузия инноваций, мода, промышленная революция, Индия, Европа, Россия

АННОТАЦИЯ. Рассматривается траектория инновации, ставшей крупным социокультурным и технико-производственным феноменом индустриальной эпохи - современного ситцевого производства как следствие распространения в Европе ткани из Индии. Освещены проблемы диффузии инновации в разных социальных слоях; общественной реакции на ее появление; экономические последствия; жизненный цикл и рутинизация инновации; каналы, задействованные в трансляции технологии ситцевого производства.

E. V. Alekseeva
Yekaterinburg

INDIA-EUROPE-RUSSIA: THE «GREAT CALICO ROAD»

KEY WORDS: chintz, diffusion of innovation, fashion, industrial revolution, India, Europe, Russia

ABSTRACT. The author addresses the trajectory of the innovation that became a major social, cultural and technological phenomenon of the industrial era – the emergence of modern calico production as a sequence of diffusion of Indian printed fabrics in Europe. The researcher dwells on the

³Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

problems of diffusion of the novelty in different social strata; public reaction to its appearance; its economic consequences; innovation's life cycle and its vulgarization; channels involved in the transfer of technology of calico production.

В мировой историографии традиционно преобладают исследования, посвященные распространению современных идей и практик с Запада на Восток. В широком европейском контексте изучается и Российская история, начиная, по крайней мере, с периода правления Петра I. Однако названный подход по ряду направлений представляется редуцированным, неполным. В рамках статьи внимание сфокусировано на одном, но существенном с точки зрения истории промышленной революции аспекте – восточных корнях западной текстильной промышленности.

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово «ситец» заимствовано из нидерландского «sits», которое вместе с английским «chintz», немецким «Zitz» происходит от хинди «chî, chînt» или бенгали «chits», восходит к древнеиндийскому «citrás», что значит «пестрый». Французское слово «ситец» - «indienne» прямо указывает на Индию как страну происхождения понятия. Многие другие разновидности тканей, распространенные в Европе, также имеют в своей основе индийские или ближневосточные названия: коленкор (франц. и англ. calico - от английского названия индийского города Калькутты - Calcutta); мадаполам (от наименования пригорода Madhava-palam в индийском Мадрасе); перкаль (фр. percale, от перс. parkala - грубая ткань); миткаль (перс. Mitakāli); муслин (фр. mousseline или нем. Musselin - от названия города Мосул на р. Тигр); сатин (через нем. Satin или франц. satin «атлас», из араб. zaitūnî из китайского города Цзяодун); бязь (араб. bāzz); кисея - тонкая, прозрачная ткань, «первоначально из индийской крапивы, затем из хлопка» (В. Даль).

Индийские хлопчатобумажные ткани с ярким нелиняющим узором, набивавшимся с помощью деревянного шаблона или расписанные вручную, завозились в Европу португальскими и нидерландскими торговцами с начала XVII в. В английском языке первое упоминание слова «chintz» относится к 1614 г.

Во Франции в 1640-х гг. индийский ситец начала импортировать имевшая традиционные связи с Востоком армянская община (расселившаяся на юге Франции при поддержке кардинала Рише-

лье), подтолкнув тем самым местных ремесленников к его воспроизведению. Позднее, в 1669 г., указом Жана-Батиста Кольбера Марсель становится порто-франко, что укрепляет позиции армянских купцов и ремесленников, освоивших технику «мачилипатнамского ситца» (8. Р. 35). В 1664 г. Кольбер основал Ост-Индскую компанию, которая вела торговлю в индийских Пондишери и Чандернагоре и, в числе прочих товаров, ввозила ткани.

Первые небольшие мануфактуры в Англии и Нидерландах появляются, соответственно в 1670 и 1678 гг. В это же время производство набивных тканей началось в Аугсбурге в Германии (16). Государство пыталось защитить национальное производство: в 1667 г. ввоз британских тканей во Францию запретил Кольбер, а в 1678 г. уже Англия наложила запрет на импорт французского текстиля (10).

Торговля хлопчатобумажными тканями успешно развивалась благодаря голландской и английской Ост-Индским компаниям. Английские торговцы специями, сохраняя некоторую часть цветных индийских тканей для себя, обнаружили большие перспективы торговли ими на внутреннем рынке. Новая для Запада хлопковая ткань, красивая и замечательная по своим свойствам (более практичная, чем шерсть и шелк, легко поддающаяся крашению, в отличие от конопли), с яркими, красочными, экзотическими узорами, стала пользоваться спросом у высших слоев населения как обивка для мебели, драпировка для стен и кроватей. Отслужившая свое ткань отдавалась слугам, которые шили из нее одежду. Однако очарование и удобство хлопка, красота рисунков быстро завоевали популярность у представителей разных сословий. Ситец с мелким цветочным рисунком стал использоваться для создания модной одежды (7).

Типичной чертой распространения множества инноваций является их появление вначале как предмета моды, роскоши, диковинки, доступной лишь элите. Постепенно статус модной новинки снижается, происходит ее «опускание» в нижние социальные слои. Некогда элитарная, модная вещь становится обыденной, зачастую вульгарной и, в конце концов, старомодной. На известном портрете Франсуа - Юбера Друэ фаворитка Людовика XV мадам де Помпадур изображена в чудесном ситцевом платье, являя собой «икону стиля», шика и модных устремлений середины XVIII столетия. (Кстати, маркиза

поддержала французских производителей ситца, предоставив им помещение на территории Арсенала в 1750 г.). Личные покои Марии-Антуаннеты в Малом Трианоне в Версале украшены ситцем с милым цветочным рисунком. К концу XVIII в. мода на «ситцевые» будуары и гостиные широко распространилась среди европейской и российской элиты. В XIX в. «ситец» относился уже не только к материи, но стал названием стиля, типичного также для керамики и обоев. В современной же английской речи "chintz" и "chintzy" (помимо собственно «ситца») не только обозначает простецкую одежду или обстановку, но и используется в значениях чего-либо дешевого, низкогокачественного, безвкусного, примитивного. Русское «ситчик» также произносится с оттенками снисходительности, иронии и легкого пренебрежения.

Пример распространения ситца на Западе ярко показывает необходимость адаптации нового восточного товара к вкусам потребителей. Из метрополии в Индию стали отправляться заказы на ткань с совершенно другим, нетрадиционным для индийского ситца узором: геральдическими символами, гербами, рогами изобилия, изображениями европейских цветов, птиц, гирлянд (3). Так, в 1683 г. английские торговцы отправились в Индию для того, чтобы заказать ткани, которые бы соответствовали вкусам их клиентов. Европейский костюм имел совершенно другие силуэты и линии кроя, нежели восточные одеяния, что неизбежно вело к изменениям в рисунках – способ организации орнаментальной плоскости ткани должен был соответствовать строгой системе раппортной композиции (15. С. 250). Важно, таким образом, отметить, что индоевропейское влияние в отношении дизайнера рисунков было взаимным. Ткани, изготавливавшиеся в Индии, менялись, отвечая вкусам и потребностям европейского костюма и интерьера, при этом сохраняя восточную экзотику; а ситцы, которые начали производить в Европе, перефразировали индийские образцы. Особенно наглядны изменения в дизайне современных ситцев, изготавливаемых на предприятиях Запада и России, далеко отошедших от ярких полотен, наполненных роскошными цветущими деревьями, отдельными ветвями и гроздьями, изумительными цветами, затейливыми орнаментами, присущими индийским ситцам доиндустриальной эпохи, которые, в свою очередь, следовали традициям флоральной орнаментики исламского искусства, переосмысленным в искусстве моголов (15. С. 247).

Распространение инновации на начальном этапе зачастую сопряжено с поляризацией общественных мнений (часть воспринимает новинку с энтузиазмом, другая – с возмущением) и даже отторгается теми, кто считает ее появление угрозой своему традиционному существованию. Даниэль Дефо с негодованием писал о том, что британская знать «обрядилась в индийские ковры», мало того, что сама королева с удовольствием наряжалась в китайские шелка и хлопок, но «в наши дома, кабинеты, спальни вкрались занавеси, подушки, стулья, кровати из набивного ситца и индийских тканей» (13. Р. 50). Рассматриваемая инновация встретила с серьезным сопротивлением со стороны английских производителей шерсти и шелка. Несколько раз они добивались принятия парламентом запретов на ситец. Для успокоения бунтующих рабочих, производивших шерсть, в Англии в 1690–1721 гг. была принята серия «Законов о ситце», блокировавших импорт и продажу тканей. Например, закон 1700 г. запрещал ввоз цветного ситца и шелка из Индии, Китая или Персии. С 1721 по 1774 г. также действовал запрет на использование импортного ситца «для любых кроватей или их драпировок, обшивки диванных подушек, стульев или иной другой домашней мебели» (12.Р.70). Акт 1721 г. позволял ввозить в королевство и продавать только нити и хлопковое сырье.

Аналогичные меры, направленные на защиту ткачей, изготовлявших полотна из шелка, шерсти, льна и конопли, предпринимались и на континенте. В 1686 г. во Франции был объявлен запрет на импорт ситца, его использование и изготовление внутри страны. Однако никакие ограничения не могли остановить распространение нового производства, товары которого были столь привлекательны для покупателей. В 1690 – 1710-е гг. гугеноты, бежавшие из Франции в Швейцарию, основывают там ситцевые мануфактуры (14. Р.74 – 83). Их коммерческий успех способствует общему развитию экономики, прежде всего, отраслей, которые до сих пор являются для страны эмблематичными: открываются банки и создается большое количество часовых мастерских (6). В 1746 г. начинается развитие ситцевого производства в союзном швейцарском кантоне городе Мюлузе, и вскоре он – раньше, чем Манчестер (специализированная ситцевая фабрика появилась в Манчестере в 1763 г.) - становится хлопковой столицей Европы.

Новая технология – ситцевое производство получила распространение во Франции благодаря французскому морскому офицеру

Антуану де Болье, который в 1734 г. в своих письмах из Индии знакомому химику детально описал процесс нанесения краски на ткань. В 1742 г. миссионер Кёрду, проповедовавший католицизм в Индии, также сообщил на родину особенности технологии выделки ситца. В итоге, в 1759 г., когда запрет на ситец во Франции был снят, фабриканты уже владели технологией и знали, как его изготавливать.

Протоиндустриальный период в развитии ситцевого производства в Европе длится примерно до 1785 г. (2). Особую известность получили предприятия в Швейцарии (ситцевая фабрика Кортайё, 1752), Эльзасе (Дольфу-Мег и Компания в Мюлузе, 1746) и Франции (мануфактура Оберкампф, 1760). Спрос на их продукцию приводит к укрупнению предприятий: на «Новой фабрике в Кортайё» к концу века трудились 700 рабочих; на полотняной фабрике Жюи в 1780 г. работало 900 человек, а в 1805 г. – 1100 (10). В начале XIX в. оборот хлопковых фабрик в Европе оценивался в 700 млн ливров (1. Р. 15).

В 1753 г. правительство независимого города Мюлуз (ныне на северо-востоке Франции) разрешило ситцевое производство, в 1768 г. в Мюлузе насчитывалось 15 ситцевых мануфактур, а в 1785 г. – 29 фабрик, которые производили 346 000 отрезков в год, что составляло 64% всего французского производства. Текстильный бум привел к гигантским темпам роста населения в Эльзасе – на 170% за 82 года (с 257 000 в 1697 г. до 670 000 в 1789 г.) (5). Базель славился производством ситца в синих тонах благодаря краске индиго, поставлявшейся из Вест-Индии. Соседний эльзасский город Агно стал главным центром производства красноузорного ситца благодаря произрастанию там марены красильной – натурального красителя красного цвета (который сегодня воспринимается нами как типично «французский»), широко применявшегося до распространения анилиновых красок в конце XIX в. (То есть, марену не было необходимости везти из Индии, где она использовалась для окрашивания уже несколько тысячелетий).

Технические инновации, созданные в Британии (летающий челнок (Джон Кей, 1733 г.), прялка «Дженни» (Джеймс Харгривс, 1764-1765 гг.), несколько принципиальных усовершенствований прядильных машин Ричарда Аркрайта с 1773 г. позволивших наладить выпуск чисто хлопкового полотна, без льняной основы и др.) значительно удешевили производство полотна. Рисунок на ткань

поначалу наносился с помощью одного (одноцветный орнамент) или нескольких (многокрасочный декор) шаблонов – досок - «манер» с вырезанным по дереву узором. В конце XVIII в. была изобретена печать на ткани с металлических пластин, позволявшая получать более качественный рисунок с помощью круглого валика. В 1834 г. заработан машина для печатания плоскими формами в несколько красок - перротин.

Во второй половине XVIII в. возникают ситцевые фабрики и в России. В Петербургской губернии в 1761 г. англичанином Ричардом Козенсом основана Красносельская ситцевая фабрика, в 1766 г. начинает работу фабрика в Шлиссельбурге. Другим центром ситцевого производства в начале XIX в. стала Москва (фабрика купца Малюкова в Филях и Хамовниках, купца Быковского в Яузской части и др.). В Кожевнической слободе ситценабивную мастерскую основал швейцарский купец Бухер. Впоследствии небольшая мастерская преобразовалась в текстильное предприятие Э. Цинделя, родом из Эльзаса (17). Таким образом, происходит распространение технологий и инвестиций из крупных европейских центров ситцевого производства (Англия, Швейцария, Эльзас) в Россию (Центральный район, Петербургская губерния, Волжский регион).

Выше отмечалось продуктивное развитие ситцевых мануфактур в Мюлузе. Проиллюстрируем трансфер технологии на примере «Товарищества ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера», одной из крупнейших текстильных фабрик Российской империи (11). Уроженец Мюлуза Альберт Гюбнер прибыл в Москву в 1844 г. Два года спустя (1846) он купил в районе Таганки ткацкую фабрику Р. Вострякова, производившую платки, рисунок на которых набивался вручную, и шерстяной муслин. В 1853 г. Гюбнер перевел основное производство в Хамовники и установил в здании старой фабрики шесть печатных машин. Он владел ею единолично вплоть до 1871 г. Весь технический персонал, занятый на производстве, был французским. В 1853 г. А. Гюбнер механизировал производство. В начале 1880-х гг., когда объем производства достиг 100 000 штук в месяц, использовался не только хлопок, но также шерсть и шелк (4.Р. 59-65). Фабрика выпускала свыше 20 наименований тканей. Альберт Гюбнер, по состоянию здоровья был вынужден вернуться во Францию (умер в Париже 16 сентября 1890 г.), поручив руководство компанией своему зятю, инженеру Фердинанду Кайе. С 1891 г. компания открыла склады в Санкт-Петербурге, Одессе,

Ташкенте, Бухаре, Харбине и Тяньцзине. В 1908 г. на предприятии было занято 1600 работников. В 1913 г. под руководством ее главного акционера, Н.А. Второва, фабрика была модернизирована, но война прервала этот процесс, а Второв был убит в 1918 г. В 1921 г. предприятие национализировали, но производство возобновилось только в 1925 году. Современное предприятие ЗАО «Московский шёлк», «наследовавшее» губнеровской мануфактуре, в настоящее время вырабатывает жаккардовые ткани различного назначения (портьерные, мебельные, декоративные), ворсовые полотна: мебельного, автомобильного и обувного назначения, стёганые полотна для покрывал, одеял и чехлов, махровые полотна, а также широкий ассортимент швейных изделий (махровые полотенца, скатерти и салфетки с вышивкой, чехлы для автомобилей, одеяла и покрывала, портьеры) (17).

Итак, история ситца в Европе – это история распространения инновации, завезенной с Востока в XVII в., катализировавшей экономическое развитие ряда европейских стран во второй половине XVII – XVIII вв., сыгравшей огромную роль в промышленной революции. Изначально ткань изготавливалась посредством ручной печати на ткани. Последующая механизированная технология легла в основу промышленной революции, широко развернувшейся в конце XVIII в. в районе Манчестера. Социокультурный и производственно-экономический «феномен ситца» эволюционировал от индийского «chint» - хлопковой ткани с яркими экзотическими изображениями, нанесенными вручную устойчивым красителем – до механизированного и высокоавтоматизированного современного производства с огромным ассортиментом. К эффективным механизмам распространения ситца в Европе и России следует, прежде всего, отнести торговлю и моду. Длительная история существования феномена в Европе наглядно показывает, какие этапы в своем развитии проходит любая сколько-нибудь крупная инновация, ее жизненный цикл, включающий в себя бытование в качестве модной, элитарной новинки и последующую популяризацию, возможную в результате удешевления товара благодаря более эффективному промышленному производству. Каналами распространения знаний о технике производства рассматриваемой инновации изначально явились контакты европейцев с местными производителями товара, с одной стороны,

и с представителями инженерной, научной мысли Западной Европы, с другой. Затем наступает черед «вторичного трансфера» - новые технологии ситцевого производства привозятся в Россию предпринимателями и мастерами из европейских текстильных центров – Англии, Швейцарии, Франции. Рассмотренная траектория трансфера ситца и технологии его производства дополняет общепринятую двухчастную модель диффузии инноваций «Европа-Россия» изначальным – восточным - первоэлементом.

Литература:

1. Caspard P. La fabrique au village // Le Mouvement social. No. 97. Naissance de la classe ouvrière. (Oct. - Dec., 1976).
2. Chassagne S. Le coton et ses patrons: France, 1760-1840. Paris, Editions de l'EHESS. 1991. 732 p.
3. Crill R. Chintz: Indian Textiles for the West. V&A Publishing, London in association with Mapin Publishing, Ahmedabad, 2008. 144 pp.
4. Gasnault F. et Kiselev A. (dir.); Paris-Moscou, un siècle d'échanges, 1819-1925. Documents inédits des Archives de Paris et de Moscou, Paris, Musées, 1999.
5. Généalogie de Robert Morcrette <http://gw.geneanet.org/rmorcrette?lang=fr&m=NOTES>
6. [Indiennes \[archive\]](#) dans le [Dictionnaire historique de la Suisse](#)
7. Irwin J., Brett K. Origins of Chintz. London, 1970.
8. Les belles de mai: deux siècles de mode à Marseille: collections textiles du Musée du Vieux-Marseille (XVIIIe - XIXe siècles), Marseille, Alors Hors Du Temps, 2002.
9. Les entreprises de l'âge pré-industriel <http://www.yrub.com/histoire/histecoent2.htm>
10. Musée de l'Impression sur Etoffes. Etoffes imprimées au XVIIIe siècle <http://www.musee-impression.com/collection/xviii.html>
11. Scherer-Nabholz & Cie. Société de la manufacture d'indiennes Albert Hubner à Moscou. Album de la fabrique. 1880.
12. Skeeahan D.C. Creole domesticity: women, commerce, and kinship in early Atlantic writing. A dissertation presented to Northeastern University. Boston, Massachusetts. April, 2013. 155 p. https://repository.library.northeastern.edu/downloads/neu:2889?datastream_id=content

13. Smith W.D. Consumption and the Making of Respectability, 1600-1800. New-York, London, 2002.

14. Wanner-Jean Richard A. Le développement de l'indiennage en Suisse // Pascale Gorguet Ballesteros, et al, "Le coton et la mode, 1000 ans d'aventure", editor: Musée Galliera, musée de la mode de la Ville de Paris, Paris, 2000.

15. Асалханова М. В. Искусство создания индийских ситцев // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №1.

16. Демиденко Ю. Ситец — русский иностранец // Теория моды. Одежда. Тело. Культура № 27 (весна 2013) <http://www.nlobooks.ru/node/3287#sthash.GobTGTst.dpuf>

17. Товарищество Альберта Гюбнера <http://project36.ru/index.php?title>

УДК 351.853:37.034

ББК Ч905+Ч400.51

ГСНТИ 03.09.31

Код ВАК 07.00.02

Д. В. Гаврилов

Екатеринбург

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: памятники истории и культуры, воспитание, образование, господствующая идеология, античность, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения, революции, государственные перевороты.

АННОТАЦИЯ. В статье на примере сохранившихся памятников истории и культуры разных эпох показывается их роль в качестве средства идеологического воздействия на население, сохранения и поддержания в обществе господствующей идеологии, просвещения и воспитания. Автор призывает историков активно бороться за сохранение памятников истории и культуры, добиваться того, чтобы они правдиво отражали исторические факты и события, давали научное, глубокое, цивилизованное, компаративное видение мировых исторических процессов.

D. V. Gavrilov

MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE AS A MEANS OF IDEOLOGICAL INFLUENCE EDUCATION

KEY WORDS: monuments of history and culture, upbringing, education, dominant ideology, antiquity, the Renaissance, the Enlightenment, revolutions, coups.

ABSTRACT. IN the article there are preserved monuments of history and culture of different epochs shows their role as ideological tools the exposure of the population, the preservation and maintenance of society in the state podstawowa ideology, education and upbringing. The author calls his-Rikov to actively fight for the preservation of monuments of history and culture, to achieve so that they truthfully reflect the historical facts and events that gave scientific, deep, civilized, comparative vision of world historical processes.

Памятники истории и культуры, - воплощённые в архитектуре, произведениях изобразительного искусства, монументах, сооружённых в память выдающихся событий и исторических деятелей, атрибутах, в которых отражены символы политических и религиозных воззрений, - издавна служили мощным средством идеологического воздействия на население, сохранения и поддержания в обществе господствующей идеологии, политических и религиозных учений, теорий и концепций, важным компонентом просвещения и воспитания членов общества.

Вызывающие у нас восхищение и изумление, сооружённые в глубокой древности пирамиды Египта, остатки храмов-зиккуратов, ворот и стен Вавилона, сохранившаяся от храма царя Соломона «стена плача» в Иерусалиме, буддийские храмы Индии, Великая стена и terra-cotta войско Цинь Ши-хуана в Китае и многие другие, свидетельствуют не только о могуществе египетских фараонов, царей древних государств, китайских императоров, но и высокой культуре этих цивилизаций.

Белоснежный Парфенон, возвышающийся над Афинами, остатки храмов и театров, изящных портиков и колоннад, сохранившиеся до наших дней статуи греческих богов, героев и политических деятелей - не только свидетельствовали о могуществе Афинской морской державы, соорудившей повсюду «вечные памятники содеянного добра и зла», но и имели большое воспитательное и

пропагандистское значение, звали: «Вперёд, сыны Эллады! Спасайте родину, спасайте жён, детей своих, богов отцовских храмы, гробницы предков», наставляли: «потомки вы все несравненного в битвах Геракла, вражеских полчищ не бойтесь, не ведайте страха» (9. С. 135, 151).

Памятники древней Греции подтверждают её выдающуюся роль в культурном развитии человечества, непреходящую ценность и значение древнегреческой культуры, ставшей основой большинства современных наук, философских направлений, литературных форм, стилей изобразительного искусства. Плутарх, посетивший Грецию уже в период их упадка, написал, что афинские «великолепные храмы, в настоящее время единственное свидетельство того, что минувшее... не было сказкой» (9. С. 159).

Римляне углубили и расширили достижения древнегреческой культуры, распространили античную культуру по всему Средиземноморью. О её изумляющем нас до сих пор высочайшем уровне свидетельствуют сохранившиеся до наших дней в Риме руины Форума, Капитолий, развалины храмов, Траянская колонна, арки Тита и Константина, Колизей, остатки терм Каракаллы и Диоклетиана, Пантеон, античные статуи в музеях Ватикана и других итальянских и европейских городов, древняя Аппиева дорога («Виа Аппиа»), а также акведуки древних римлян, сооружённые в Южной Франции, Римские («Чёрные») ворота в немецком Трире, античные памятники Пальмиры в сирийской пустыне и многие другие, которые имеют непреходящие, общечеловеческие ценности, продолжают служить эстетической нормой и недостижимыми образцами.

Большинство античных памятников было разрушено в III - V вв. невежественными варварами, завоевавшими Римскую империю и бездумно уничтожившими изумительные культурные ценности, памятники архитектуры и изобразительного искусства.

Мрачные средние века сохранили для нас не только остатки городских крепостных стен, рыцарские замки, окружённые рвами с подъёмными мостами, крепости, монастыри, защищённые толстыми каменными стенами, но и великолепные храмы, возведённые в романском, готическом и византийском стиле. Достаточно назвать Собор святого Петра в Риме, собор святой Марии Флоренции с куполом Ф. Брунеллески во Флоренции, Собор Парижской богородицы, Реймский, Шартрский и Страсбургский соборы во Франции, Кёльнский собор в Германии, Тауэр, Вестминстерское аббатство и

собор святого Павла в Лондоне, Кентерберийский собор, собор святого Михаила в Брюсселе, Московский Кремль и его Успенский собор, Запретный Город в Пекине и т. п. Сохранению культурных памятников в эти века немало препятствовали войны, которые велись между европейскими государствами, религиозные войны.

В XV в. начинается Ренессанс, или эпоха Возрождения, лозунгом которой было возрождение ценностей античного мира. Начавшись в Италии, она вскоре охватила всю Европу, повлияла не только на искусство, но и на все другие сферы интеллектуальной жизни. В XVII в. начинается эпоха Просвещения, в основе которой лежала безграничная вера в человеческий разум, в возможность с помощью разума изменить общество к лучшему, перестроить его на разумных основаниях, освободиться от теологического мышления и схоластики средневековья, утвердить торжество науки над суевериями и мракобесием.

Эпохи Возрождения и Просвещения открыли широкие возможности для развития и расцвета науки и искусств, для появления во всех их отраслях новых прогрессивных направлений, способствовали резкому размножению памятников истории и культуры, подъёму их художественно-эстетической ценности. Однако одновременно с усложнением экономической, социальной и политической жизни общества, усиления в обществе конфронтации и социальных конфликтов, возросли угрозы для памятников истории и культуры.

В Новое время важнейшими этапами в общественном развитии стали социальные революции и государственные перевороты, которые явились важнейшими этапами, поворотными событиями в жизни обществ и государств, представляли резкий, коренной переход к новым общественно-политическим укладам, к иному общественно-политическому строю, сопровождалась ожесточённой борьбой классов, общественных групп и политических течений, что неминуемо сказывалось на судьбе атрибутов старой эпохи, её памятников истории и культуры.

Особенно ярко это проявлялось при смене политических режимов, когда у группировки, пришедшей к власти, особенно, если она оказывались во главе государства нелегитимным путём - в результате государственного переворота, восстания, революции,- чтобы укрепить, особенно на первых порах, своё неустойчивое, шаткое положение, появлялось стремление навязать, внушить обществу

свое видение истории, возникал соблазн прибегнуть, не считаясь с объективной реальностью и историческими фактами, к «очернению» прежнего политического режима и его руководителей.

Пришедшая к власти новая группировка с помощью всех доступных ей средств массовой информации всячески стремилась изобразить прежний политический режим как консервативный, реакционный, репрессивный, антинародный, выставить его руководителей как людей тупых, недалёких, неспособных, жестоких, кровавых, и, одновременно, всячески рекламировать и приукрашивать свой политический режим, показывая его как прогрессивный, демократический, гуманный, несущий народным массам всевозможные блага, а себя представить как деятелей прогрессивных, демократических, озабоченных судьбами страны и народа (10. С. 306 - 308).

Во время Английской революции XVII в., после свержения короля Карла I и публичного обезглавливания его 30 января 1649 г. на площади перед королевским дворцом как «изменника и тирана», и в период правления протектора Оливера Кромвеля, шло массовое уничтожение знаков и атрибутов королевской власти, срывались королевские знамёна, штандарты, королевские эмблемы, стало открыто вестись пуританское богослужение.

После «славной революции» 1688 г. и реставрации власти Стюартов труп Кромвеля, объявленного «злодеем» и «цареубийцей», был извлечён из могилы и вздёрнут на виселицу, потом у него отсекли голову и, надев на пику, выставили у королевского дворца. Были преданы казни члены трибунала, осудившего Карла I. По всей стране началось уничтожение атрибутов республиканской власти, шёл погром пуританских церквей, пуританское богослужение было снова запрещено (1; 2).

В период Французской революции 1789 - 1794 гг. пришедшие к власти под лозунгами «свободы, равенства и братства» представители третьего сословия развязали жесточайший террор и преследование своих политических противников, сопровождавшиеся ниспровержением всех прежних авторитетов: королевской власти, религии, церкви. Сразу же после взятия Бастилии по всей стране начался разгром феодальных замков и дворцов аристократов, домов ненавистных чиновников, ратуш и контор по сбору налогов, сожжение архивов, закрытие церквей и храмов всех религий.

С улиц и площадей были снесены и разрушены памятники королям, из склепов и гробниц выброшены королевские кости, упразднены гербы, титулы, ордена. Чтобы ничто не напоминало времена королевского «деспотизма и произвола», улицы, площади, бульвары, сады получили новые революционные названия; взамен статуй королей на площадях устанавливались фонтаны, пирамиды, статуи Свободы, Нации и другие эмблемы революции; учреждены новые революционные праздники – Геня, Труда и т.п., введён «революционный календарь» с новыми названиями всех месяцев и дней недели и новая система мер и веса (8. С. 63 - 64, 119, 412 - 414, 552, 655, 685-686).

Правда, спустя несколько десятилетий французы восстановили памятники некоторым королям, уничтоженные во время революции, но сохранили как праздничный День взятия Бастилии и оставили революционную «Марсельезу» в качестве государственного гимна. В Париже вместе с памятниками королям стоят памятники Робеспьеру, Марату, Дантону и другим деятелям революции. Сегодня, гуляя по Парижу, можно по памятникам изучать историю Франции, не делая в ней пропусков и не замазывая черной краской тех или иных её прежних властителей и политических деятелей.

После Февральской революции 1917 г. в России, отречения Николая II от престола и его ареста Временным правительством, в «период свобод», - когда было провозглашено всеобщее равенство, отменено в армии чинопочитание и введена выборность командного состава, что привело к её разложению; проведена амнистия заключённым, вызвавшая взлёт преступности; в деревнях развернулся массовый погром барских усадеб, - тоже началось ниспровержение всех старых истин и авторитетов.

Создав «Лигу борьбы со стыдом», ошалевшие от безбрежных свобод радикальные интеллигенты - мужчины и женщины - раздевшись донага, в Петербурге, Москве, в ряде крупных городов разъезжали на грузовиках, на бортах которых был написан лозунг: «Царя нет, бога нет, стыда нет», и произносили пламенные речи о завоёванной полной свободе. Повсюду шло снятие царских гербов, эмблем, монументов.

В Екатеринбурге в мае 1917 г. солдаты и матросы разбили стоявшие на плотине городского пруда бюсты Петра I и Екатерины I, сбросили с пьедестала и отправили на переплавку памятник Алек-

сандру II, возведённый на Кафедральной площади (ныне – «Площадь 1905 года») (3. С. 152).

Радикальными переменами и всеобщим ниспровержением старых фетишей, кумиров и авторитетов сопровождалась Октябрьская революция 1917 г., проходившая под аккомпанемент знаменитого рефрена пролетарского гимна: «мы весь, мы старый мир разрушим до основания, а затем, мы наш, мы новый мир построим...». Осенью 1917 - в начале 1918 гг. еще с большим размахом пылали барские усадьбы, в городах шла «экспроприация экспроприаторов».

В. И. Ленин выдвинул план монументальной пропаганды, во исполнение которого СНК 12 апреля 1918 г. издал декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции».

В столицах и в провинции в 1918 - 1919 гг. были сняты и уничтожены многие памятники царям и деятелям дореволюционного времени. Правда, до выбрасывания царских костей из гробниц, как это было во Франции во время революции конца XVIII в., в России дело не дошло. Великокняжеские и царские захоронения в Архангельском соборе Московского Кремля и императорские захоронения в соборе Петра и Павла в Петропавловской крепости в Петербурге сохранились не тронутыми.

В Петрограде в 1918 г. были сняты и уничтожены памятники Петру I у западного павильона Адмиралтейства («Царь-плотник») и великому князю Николаю Николаевичу на Манежной площади. В 1937 г. находившийся на площади Восстания перед Московским вокзалом памятник Александру III был снят с пьедестала и перевезён во двор Русского музея (7. С. 53, 385, 386).

Гораздо больше пострадали исторические памятники Москвы. В Москве в 1918 г. были снесены монументальный памятник Александру II в Кремле, стоявший в середине галереи с колоннами, увенчанной тремя шатрами с гербами и двухглавым орлом; памятник Александру III с монументальными двухглавыми орлами по углам постамента, находившийся на террасе храма Христа Спасителя; памятник генералу М. Д. Скобелеву на Тверской площади.

В 1928 - 1932 гг., при реконструкции Москвы, как обветшавшие в Кремле были снесены Чудов и Вознесенский монастыри, Николаевский дворец. 5 декабря 1931 г. взорван Храм Христа Спасителя. Как мешавшие уличному движению, в 1931 г. снесены Иверские ворота, в 1934 г. разобрана Сухарева башня, в 1936 г. ра-

зобран Собор во имя Казанской иконы Божьей матери (5. С. 58, 59, 875; 6. С. 18, 26, 45, 51). В Екатеринбурге в 1930 г. были разрушены Кафедральный и Екатерининский соборы

Позднее отношение к дореволюционной истории и досоветским памятникам стало меняется в сторону большей объективности. В Петрограде - Ленинграде были сохранены нетронутыми памятники Петру I («Медный всадник» на площади Декабристов, «Прадеду - от правнука» у Михайловского дворца), Николаю I на Исакиевской площади, Екатерине II на Театральной площади и другие. Однако негативные подходы в оценке царей и отдельных государственных деятелей, особенно к деятельности последнего и предпоследнего российских императоров – Александра III и Николая II, сохранялись в СССР до последнего времени.

В период нахождения у власти Н. С. Хрущева, для очернения предыдущего правления была организована массированная критика «культы личности» и осуществлён снос по всей стране тысяч памятников И. В. Сталину. Одновременно стал создаваться культ «дорогого Никиты Сергеевича». Борьба с «культом личности Сталина» и памятниками ему усилила противоречия в советском обществе и ухудшила отношения с рядом братских коммунистических партий.

Разумнее поступили китайцы, которые вычислили (неизвестно каким методом), что вождь Китайской коммунистической партии и основатель Китайской народной республики, её первый Председатель Мао Цзе-дун на 70 – 80 % поступал правильно, а на 20 - 30 % допускал ошибки, поступал неверно. Это дало возможность им сохранить авторитет основателя своего государства (огромный портрет Мао Цзе-дуна висит в Пекине на площади Тяньаньмэнь) и открыло путь к изучению его недостатков и ошибок.

Не избежали соблазна ниспровергнуть прежние авторитеты, стереть память о советском времени и наши радикал-демократы, пришедшие к власти под горбачевскую болтовню о «перестройке» и в результате государственных переворотов 1991 и 1993 гг.

Под видом «гласности», раскрытия «правды» и ликвидации «белых пятен» в истории, «отказа от классового подхода», установления «приоритета общечеловеческих ценностей», «возвращения в мировую цивилизацию», они принялись за очернение истории советского периода и государственных и партийных деятелей

того времени, пересмотр всей российской истории, сводя её к политизированной социологии.

Начались «разоблачения» деятельности В. И. Ленина, раздались призывы (кстати сказать, от времени до времени продолжающиеся звучать и теперь) о «захоронении Ленина», выносе его тела из мавзолея. По всей стране развернулось массовое снятие памятников государственных и партийных деятелей советского времени. В Москве одним из первых наэлектризованной пьяной толпой был снесён памятник Ф. Э. Дзержинскому скульптора Е. В. Вучетича, украшавший Лубянскую площадь.

Б.Н. Ельцин, выступая в американском сенате, заявил, что он уничтожил в России «коммунизм». Мэр Москвы Ю. М. Лужков пообещал «искоренить коммунизм» в Москве и организовал сплошное переименование столичных площадей, улиц и переулков под предлогом возвращения им исторических названий, чтобы ничто в столице не напоминало о советском времени.

В Екатеринбурге местным деятелям, проявившим мужество и стойкость, удалось сохранить памятник Я. М. Свердлову на улице имени В. И. Ленина, долгие годы служивший эмблемой города Свердловска, который хотели снести лихие казаки.

Подобные процессы шли и в странах СНГ, ставших независимыми государствами. В Прибалтике сносились памятники не только советским государственным и партийным деятелям, но и советским воинам и военачальникам, освобождавшим их от фашистских оккупантов. В Казахстане снесли памятник Ермаку, «завоевателю» земель, теперь отошедших к их республике. В республиках Средней Азии уничтожены памятники российским генералам и путешественникам, «покорителям» Средней Азии.

Идёт «обеление» белого движения, уже воздвигнуты памятники (представленным белыми и пушистыми, благородными и милосердными) белогвардейским генералам А. В. Колчаку и А. И. Деникину. Находятся поклонники явным предателям и изменникам родины, внезапно объявленным «борцами против сталинизма». «Земляки» хлопочут о создании музея и сооружению памятника генералу-изменнику А.А. Власову, после взятия его в плен повешенному, по решению советского суда в 1946 г., вместе с его подельниками, за измену Родине.

Конечно, всякие попавшие в историю личности заслуживают памяти потомков, но при этом следовало бы сообщать, чем они

прославились, зная о всех их содеяниях, не утаивая их тёмные дела. Можно указать на пример китайцев.

В г. Ханчжоу в огромной пагоде находятся могила и памятник национальному герою и патриоту Юэ Фею, военачальнику XII в., успешно боровшемуся против монголов. Он был оклеветан придворным Цинь Гуем, подкупленным монголами, в 1141 г. схвачен и тайно предан казни, после чего монголы захватили Китай. Китайцы ревностно хранят память о Юэ Фее, не забывая и предателя. Недалеко от его могилы на коленях стоят Цинь Гуй с женой и просят прощения. Посетители, проходя мимо, бросают в них землей, мажут грязью, плюют на них. Правда, сейчас возле них, в целях гигиены, вывешена табличка: «просим не плевать!» (4. С. 27 - 28, 39, 88, 117, 154, 185).

Антисоветизм, антикоммунизм, антипатриотизм, оголтелое «очернение» деятелей советской эпохи вызвали и вызывают глухое сопротивление нашего общества, открытое непринятие очернительства. Телешоу «Имя России» выявило высокий рейтинг в обществе российских и советских патриотических государственных деятелей, несмотря на ведущуюся многие годы средствами массовой информации массивную кампанию по их «очернению».

Не нашло общественного восторга недавнее открытие в Екатеринбурге дорогостоящего (на его создание израсходовано 7 млрд руб.), помпезного «Ельцин-центра», непомерно восхваляющего Б. Н. Ельцина и ельцинизм, отношение к которым в нашем обществе сейчас весьма неоднозначно.

На Украине, где идёт настоящая гражданская война, недавно киевской Радой принят «закон о декоммунизации», по которому органам местного самоуправления предписано в короткий срок провести «общественные слушания» по переименованию и сносу всего, что содержит «пропаганду» и «символику коммунистического тоталитарного режима».

По всей Украине, подвластной Киеву, идёт энергичный снос памятников В. И. Ленину и деятелям советского времени. Ранее во всех украинских городах и даже в сёлах были поставлены памятники «украинскому голодомору 1932 - 1933 гг.», когда, по уверениям украинских политиков и историков, «москалями было умерено голодом» не то 8, не то 16 млн украинцев, т. е. ¼ или ½ всех жителей «незалежной» Украины, за гибель которых они надеялись получить с Российской Федерации денежную компенсацию.

Революции (в том числе и всякие «цветные») и государственные перевороты сметают с лица земли в массовых масштабах памятники истории и культуры. Множество этих памятников гибнет по некомпетентности, недомыслию, безразличию, пренебрежению к эстетике представителей государственных структур и общественных движений.

Огромную потерю памятникам истории и культуры принесли и приносят войны. Достаточно вспомнить разрушенные до основания в годы Второй мировой войны Ковентри, Дрезден, Хиросиму, разгромленные гитлеровскими захватчиками советские города - Сталинград и другие, культурные центры в пригородах Петербурга (Петергоф и другие). Сейчас в Афганистане талибы уничтожили памятники древней культуры двухтысячелетней давности, в Сирии приверженцы «Исламского государства» разрушают памятники античной Пальмиры.

Памятники истории и культуры не только служат воспитанию и просвещению масс, но и воюют, служат для различных государственных и общественных структур средством идеологического воздействия на народные массы в нужном для них направлении. Поэтому историки должны бороться за сохранение памятников истории и культуры, за то, чтобы они объективно отображали действительность, развенчивать псевдоисторические затеи и манипуляции с ними, добиваться того, чтобы памятники истории и культуры правдиво отражали исторические факты и события, опирались на научные, методологически и методически грамотные основы, давали глубокое, цивилизованное, компаративное видение мировых исторических процессов.

Итальянский мыслитель и поэт, представитель раннего утопического социализма Томмазо Кампанелла в книге «Город Солнца» (1623) нарисовал картину идеального общества, построенного на гуманных принципах и в соответствии с требованиями науки, в котором дети воспитывались государством без принуждения и применения наказаний, все знания они должны были познавать во время увеселительных прогулок по городу по расставленным повсюду памятникам, посвящённым выдающимся событиям и выдающимся деятелям, слушая рассказы о них своих педагогов (11). По-видимому, историки могут мечтать о благодатных временах, когда прошлое можно будет надёжно изучать по памятникам истории и культуры.

Литература:

1. Английская буржуазная революция XVII века. Т. 1 - 2. М., 1954.
2. Барг М. А. Кромвель и его время. М., 1950.
3. Екатеринбург: Исторические очерки (1723-1998 гг.). Екатеринбург, 1998.
4. Китайская народная республика в 1950-е годы. М., 2009. Т. 1.
5. Москва: Энциклопедия. М., 1997.
6. Москва на старинных открытках. М., 1992.
7. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. М., 1992.
8. Французская буржуазная революция. 1789-1894 / Под ред. акад. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.; Л., 1941.
9. Нефёдов С. А. История древнего мира. М., 1996.
10. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.
11. Штекли А.Э. Кампанелла. М., 1960.

УДК 930.1(510):930.1(47):327

ББК Т1(5Кит)64-6+Т1(2)64-6 ГСНТИ 03.09.31 Код ВАК 07.00.03

В. А. Кузьмин, К. Г. Муратшина
Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российско-китайские отношения в начале XXI в., историография КНР, внешняя политика России в начале XXI в., внешняя политика КНР в начале XXI в.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется общая направленность работ китайских исследователей в отношении специфики российско-китайских отношений начала XX в. Китайские авторы считают, что России лучше следовать подходам Китая во взаимодействии в международных делах. Если Россия не согласится с этим, то говорить о стратегическом партнерстве говорить сложно. Китайские историки начали все большее внимание уделять «проблемным» вопросам взаимоотношений, появилась тенденция к переосмыслению различных этапов и аспектов советско-китайских и российско-китайских отношений.

V. A. Kuzmin, K. G. Muratshina
Yekaterinburg

MODERN RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE ESTIMATES OF CHINESE HISTORIOGRAPHY

KEY WORDS: Russian-Chinese relations in the early twenty-first century, the historiography of the PRC, foreign policy of Russia in the early XXI century, the policy of China in the early XXI century.

ABSTRACT. The article examines the general thrust of the work of the Chinese researchers about the specificity of Russian-Chinese relations of the XXI century. Chinese authors believe that Russia is better to follow the approaches of China in cooperation in international Affairs. If Russia does not agree with this, it is possible to speak about a strategic partnership is uncertain. Chinese historians started to pay more attention to "problematic" aspects of the relationship, there is a tendency to reconsider various stages and aspects of Sino-Soviet and Sino-Russian relations.

В рамках краткого сообщения, разумеется, невозможно, дать всеобъемлющий обзор и анализ всей научной литературы, выпущенной в КНР по проблемам и истории современных российско-китайских отношений, которые, по нашему мнению, хронологически охватывают период с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время. В нем представлен лишь краткий обзор тех тенденций и оценок, которые являются наиболее типичными, характерными, доминирующими и устоявшимися в китайской историографии.

В КНР современные российско-китайские отношения часто рассматриваются в контексте 400-летнего взаимодействия двух стран. Один из самых авторитетных исследователей России, бывший посол КНР в РФ, директор Института Евразии и Центра развития при Госсовете КНР Ли Фэнлинь в своих работах проводит мысль о том, что российская политика в отношении Китая сохраняла одни и те же черты независимо от строя, и договоры, заключенные с Китаем, как во времена царской России, так и СССР (договоры 1896 г., 1945 г., 1950 г.), следует рассматривать как «полностью неравноправные». Ли Фэнлинь выделяет лишь два периода «дружеских» и «равноправных» отношений – с 1689 по 1840 г. и «в настоящее время – наилучший в истории период... равноправных отношений» (6). В большом труде «Бай нянь чжун э гуаньси» («Сто лет отношений Китая и России») (15) авторы – Ян Чуан, Гао Фэй,

Фэн Юйцзюнь, подробно освещая все главные, с их точки зрения, события за прошедшее столетие, декларируют неоднозначный тезис: необходимо обобщать исторический опыт, учитывать и не забывать прошлое при строительстве современных отношений с Россией.

Одним из важнейших принципов взаимодействия двух стран китайские авторы называют принцип взаимодополняемости, который трактуется как возможность «соединения российских полезных ископаемых и китайских трудовых ресурсов», «использование потенциала РФ как сырьевой и энергетической базы, привлекательного рынка для китайских товаров, а также относительно дешевого и качественного донора высоких технологий, особенно в сфере вооружений» (9. С. 11; 12; 3. С. 105-107). При этом в последние годы пропагандируется тезис о том, что сотрудничество с Китаем является для России «шансом для развития, который предоставляется крайне редко» (1. С. 50).

В исследовании российско-китайских отношений в КНР существует направление, посвященное выявлению проблем, узлов противоречий, негативных тенденций, осложняющих, с точки зрения китайских авторов, процесс сотрудничества. Этим вопросам специально посвящаются научные конференции (8; 5. С. 60-71), статьи, диссертации. Проблемами, осложняющими российское партнерство, называются отношение российского общества к китайским мигрантам как к «китайской демографической экспансии»; «серьезные трудности в экономической сфере», «отсутствие эффективного торгового законодательства и механизма обеспечения безопасности сотрудничества» (10. С. 10-14); отсутствие доверия (2. С. 31-44); «современный российский национализм», «во внешнем плане нацеленный на экспансию, на стремление стать гегемонистской империей» (13. С. 68); «пассивность России в вопросах привлечения китайских инвестиций», «низкий уровень наукоемкости товаров, поставляемых на китайский рынок», распространение тезиса о «китайской угрозе» (11. С. 11-20); «отставание двусторонних экономических связей от политических» (7. С. 176-181). Решение проблем видится китайским экспертам в «более тесной координации» и приложении российской стороной «значительных усилий» (7. С. 176-181).

Китайские исследователи, как и их российские коллеги, высоко оценивают двустороннее сотрудничество в международной сфере,

но при этом у них присутствует убеждение в том, что Россия больше, чем Китай, нуждается в таком сотрудничестве, поскольку «государства Запада во главе с США... по-прежнему видят в России своего стратегического противника и оказывают на нее давление» (15. С. 335). Россия, по словам китайских авторов, «в результате неудач стала похожа на развивающуюся страну» (14), однако, благодаря Китаю, Россия «может иметь собственное лицо во внешней политике в Азии» (2. С. 39). Как важный фактор стратегического сотрудничества с Россией в современном Китае постоянно учитывается состояние международной обстановки, расстановка сил, проводится анализ отношений России и США, подчеркивается, что для России существует необходимость противостоять США.

Общая направленность работ китайских исследователей схожа в силу специфики развития исторической науки в КНР и может быть охарактеризована так: России лучше принять китайскую позицию в отношении двустороннего сотрудничества, начиная с принципа «взаимодополняемости», и следовать подходам Китая во взаимодействии в международных делах. Если Россия не согласится с этим, то и о стратегическом партнерстве, так, как его понимают в Китае, говорить сложно. Китайские историки все больше внимания уделяют «проблемным» вопросам взаимоотношений, появилась тенденция к переосмыслению различных этапов и аспектов советско-китайских и российско-китайских отношений (4. С. 5-108).

Литература:

1. Ван Хайюнь. Стратегическое значение мирного развития Китая для России // Китай: актуальные проблемы внешней политики в освещении политологов КНР, Тайваня и Сингапура. М., 2007.

2. Вань Чэнцай. Восемь острых проблем России в углублении российско-китайских отношений // Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США. М., 2010.

3. Ван Шицай. Инвестиционное сотрудничество провинции Цзилинь с Россией в области геологоразведки и добычи полезных ископаемых // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. М., 2008. Ч. 1.

4. Выступления участников международного симпозиума по случаю 20-й годовщины распада СССР. 23 апреля 2011 г. // Галенович Ю.М. Китайские поминки по КПСС и СССР. М., 2011.

5. Итоги симпозиума «Постпутинская Россия» // Китайские политологи о «послеолимпийской эпохе» и российско-китайских отношениях. М., 2009.

6. Ли Фэнлинь. Синь шицичжун э гуаньси (Китайско-российские отношения в новом периоде) // Элосьяньцзю. 2006. № 4. URL: <http://mall.cnki.net/magazine/Article/ELSY200604001.htm> (дата обращения: 28.02.2012)

7. Ли Цзинцзе. Китайско-российские отношения: импульсы, проблемы, перспективы // Развитие и углубление стратегического взаимодействия России с Китаем. М., 2009.

8. Материалы международной конференции «Сравнительное исследование китайских и российских реформ». Цзинаньский университет (Гуанчжоу). М., 2003.

9. Цзинь Дасинь. Международно-правовые основы добрососедских отношений между Китаем и Россией: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

10. Цян Сяюнь. Некоторые проблемы, осложняющие развитие российско-китайских отношений (1991 – 2001): автореф. ... канд. полит. наук. М., 2002.

11. Чан Бинь. К вопросу о китайско-российских отношениях в новом веке // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. Владивосток, 2008.

12. Чень Юн. Концептуальные основы «отношений нового типа» в многополярном мире и китайско-российское стратегическое партнерство: автореф. ... канд. полит. наук. URL: http://discollection.ru/article/18042008_chen_jun_konceptual_nye_97553 (дата обращения: 28.04.2012).

13. Чжан Чжэн, Сунн Цзяньчжан. Влияние современного российского национализма на практику внешней политики России // Китай: актуальные проблемы внешней политики в освещении политологов КНР, Тайваня и Сингапура. М., 2007.

14. Юй Суй. Чжун э чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси (Российско-китайские отношения стратегического партнерства) // Гоцзивэньтиньцзю. 2007. № 3. С. 6.

15. Ян Чуан, Гао Фэй, Фэн Юйцзюнь. Бай нянь чжун э гуаньси (Сто лет отношений Китая и России). Бэйцзин, 2006.

В.Ф. Мезенцев
Нижний Тагил

ДЖОН ЛОКК И ЗАРОЖДЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЕВРОПЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Джон Локк, толерантность, раннее новое время, история Европы.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются взгляды английского философа XVII в. Джона Локка на проблемы веротерпимости и определяется его роль в зарождении и развитии идей толерантности в Европе раннего нового времени.

V.F. Mezentsev
Nizhny Tagil

JOHN LOCKE AND THE EMERGENCE OF TOLERANCE IN EARLY MODERN EUROPE

KEY WORDS: John Locke, tolerance, early modern history, the history of Europe.

ABSTRACT. The article deals with the views of the english philosopher John Locke on toleration issues and defined its role in the origin and development of the idea of tolerance in early modern Europe.

Проблема толерантности в европейской истории раннего нового времени возникает как проблема веротерпимости в условиях ожесточённого религиозного противостояния, развернувшегося с началом Реформации (7). В Англии это противостояние проявилось в ходе конфликта парламента и короля, вылившегося в гражданскую войну. Последовавшая затем Реставрация создала социально-политические и интеллектуальные условия, которые стали фоном для выработки представлений о толерантности, на основе которых выстроена вся последующая культура терпимости, характерная для современной европейской цивилизации.

Первоначально король Карл II придерживался осторожной политики в отношении всех диссидентских конфессий. Однако большинство роялистов, являясь апологетами англиканской церкви, выступали за более жёсткое отношение к религиозным инакомыслящим. На протяжении десятилетия были приняты несколько законов, направленных как против протестантов-диссидентов, так и против католиков (11. Р. 241-242).

Стремление Карла II, а затем Якова II смягчить политику в отношении религиозных диссидентов вызывало сопротивление со стороны парламента и в конечном счёте стало одной из причин свержения короля Якова с английского престола.

Отношение к представителям иной, кроме официально поддерживаемой конфессии, находило обоснование в целом ряде теологических рассуждений. Англиканские проповедники приводили разнообразные доводы в поддержку необходимости использовать силу против религиозного инакомыслия, в том числе ссылаясь на положения Августина Блаженного в его полемике с донатистами. Соглашаясь, что насилие не может заставить изменить веру, они тем не менее полагали, что это может побудить к такому состоянию ума, которое в конечном счёте приведёт к правильному осознанию божественной истины (11. Р. 243).

Именно в этих условиях появляются первые труды, в которых обосновываются и развиваются идеи толерантности в отношении иных религиозных взглядов и практики. Одно из значительных мест среди них принадлежит работам Джона Локка (1632–1704), которого можно смело отнести к основоположникам идей толерантности в Европе. Несмотря на то, что некоторые авторы, стараясь преодолеть как они это называют, «одержимость Локком», настаивают на том, что взгляды Локка на веротерпимость не были оригинальными и сам он придерживался ограниченных представлений, не включая в круг терпимости католиков и атеистов, именно с именем этого философа связано утверждение самого принципа толерантности в качестве основополагающего мотива просвещенческой цивилизации (2. Р. 3).

Принадлежа к пресвитерианской семье, Дж. Локк получил образование в Оксфорде, где в то время ещё сохранялись средневековые схоластические традиции, что отразилось на программе его обучения. Однако дальнейшее образование Локка и занятия медициной сделали его сторонником новых научных теорий, развивае-

мых Фрэнсисом Бэконом и Рене Декартом. После того как Локк, как личный врач лорда Эшли, переехал в 1667 году в Лондон, он оказался в центре активной политической жизни. В этот период он близко знакомится с вопросами государственного устройства, экономики, религиозной политики. В этом же году им был написан «Опыт о веротерпимости», вероятно предназначенный для представления королю (10. Р. 82).

Нужно сказать, что вопрос веротерпимости занимал Локка почти на протяжении всей его жизни. Впервые он обратился к нему ещё в 1660 г., а в 1704 г. до самой своей смерти работал над так и не завершённым четвёртым посланием о веротерпимости (4. Р. 201).

Можно обратить внимание на то, что в этом вопросе заметна эволюция взглядов мыслителя на функции и границы толерантности (5). В начале 1660-х гг. Локк допускал использование властями принуждения для того, чтобы обеспечить религиозное единообразие, однако уже в 1667 г. он развивает положения о индифферентности власти к религиозным взглядам подданных (3. Р. 37).

«Опыт о веротерпимости» не публиковался ни при жизни философа, ни в его посмертных собраниях сочинений. Он сохранился в четырёх рукописных вариантах. Впервые был опубликован только в 1876 г. Фокс Борном в его книге «Жизнь Джона Локка». В этом небольшом по объёму сочинении содержатся важные положения, отражающие и новое понимание взаимоотношений власти и общества, и новое представление о роли правителя в вопросах религиозной политики. Главный принцип, который был заявлен Локком в качестве основы отношения власти к религиозной свободе, это принцип всеобщего блага. «Правитель облачается всей полнотой доверия, власти и полномочий единственно для того, чтобы употребить их для блага, охранения и спокойствия людей в том обществе, над которым он поставлен, и потому одно это есть и должно быть образцом и мерилom, по которому ему надобно равнять и измерять свои законы, строить и созидать своё правление» (1. С. 66). Разделяя все разнообразные мнения по религиозным вопросам, философ выделяет три группы мнений: 1) «все такие мнения и поступки, которые сами по себе не касаются государства и общества; а такими являются спекулятивные мнения и вера в бога». 2) «такие, которые по своей собственной природе не хороши и не плохи, но касаются общества и отношений людей друг с другом; а

такowymi являются все практические мнения и поступки по отношению к безразличным вещам». 3) «такие, которые касаются общества, но в то же время по своей природе хороши или плохи; таковыми являются нравственные добродетели и пороки» (1. С. 67). Отталкиваясь от этого анализа, автор «Опыта» заявляет, что «только первая разновидность, а именно спекулятивные мнения и вера в бога, имеет абсолютное и всеобъемлющее право на терпимость».

Интересны его рассуждения по этому поводу: «чистые спекуляции не затрагивают моих отношений с другими людьми и не имеют влияния на мои действия как члена какого-либо общества, но, оставаясь неизменными со всеми своими последствиями, — даже если на свете нет никого другого, кроме меня, — они никоим образом не могут нарушить мир государства или доставить неудобство моему ближнему и потому не входят в ведение правителя» (1. С. 67-68).

Что касается второй группы мнений, то они, как подчёркивает Локк, «имеют право на терпимость, однако лишь в той степени, в какой они не ведут к беспорядкам в государстве и не приносят обществу больше вреда, чем пользы» (1. С. 70).

Наконец, что касается третьей группы мнений, то здесь позиция Джона Локка так же основывается на том же принципе общей пользы: «законодатель не имеет никакого дела с нравственными добродетелями и пороками и не должен настаивать на выполнении обязанностей... за исключением случаев, когда они подчинены благу и охранению человечества под властью правительства» (1. С. 73).

Дж. Локк вводит ограничение на принцип веротерпимости, которое также связано с интересами всеобщего блага. Так в отношении католиков (папистов) он не считает необходимым соблюдение этого принципа. «Ведь неразумно разрешать свободное отправление веры всякому, кто не признает за основополагающее начало, что никому не позволено преследовать и угнетать другого из-за того, что он расходится с ним в вере» (1. С.80-81). В этом случае их преследование определяется не тем, в чем заключаются их убеждения, а в том, что их деятельность несёт опасность и вред государству, а значит и всеобщему миру, и спокойствию.

Тем не менее, подчёркивает автор «Опыта», насилие как способ борьбы с убеждениями, не просто бесполезно, а ещё и вредно. «Даже если преследованиями и можно было бы не только время от

времени покорить нетвёрдого, слабого духом фанатика (что редко удаётся, да и то обычно ценой потери двух или трёх правоверных), даже если, говорю я, ими можно было бы разом загнать всех диссентеров в пределы церкви, то это не устранило бы, а только усугубило бы угрозу правительству, притом во столько раз, во сколько опаснее вместо честного и открытого противника иметь лживого, затаившегося и исступлённого врага» (1. С. 84-85).

В 1683 г., оказавшись под угрозой ареста после очередного заговора, направленного против Карла II и его брата Якова, Джон Локк вынужден был отправиться в изгнание в Голландию. Именно здесь он зимой 1685-1686 гг. пишет «Послание о веротерпимости» (*Epistola de Tolarentia*) (10. P. 230). Написанное на латыни, оно было в силу этого адресовано европейской публике, а не английскому читателю, как «Опыт о веротерпимости» 1667 года. Это произведение было опубликовано в мае 1689 года без указания авторства (имя было скрыто аббревиатурой) (9. P. 16).

Представленные здесь его взгляды являются развитием прежних идей, но опираются на более широкую и разнообразную базу аргументации. Уже в первых строках этого послания можно увидеть те рамки, в которых рассматривается Локком веротерпимость. Здесь, как он заявляет сам, излагается его мнение «о взаимной веротерпимости христиан» (1. С. 91). Исходя из этого далее автор послания рассуждает о том, в чем заключается различие между государством и церковью в отношении убеждений каждого отдельно человека, и как каждое из этих образований должно воспринимать эти убеждения.

В основе всего лежит соблюдение государством тех границ, за которыми начинается искажение природы и предназначение власти. «Государство, по-моему, — это общество людей, установленное единственно для сохранения и приумножения гражданских благ. Гражданскими благами я называю жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земли, деньги, утварь и т. д.» (1. С. 94).

В свою очередь, роль любой церкви состоит в другом. «Цель религиозного сообщества, как было сказано, есть совместное почитание бога и обретение благодаря этому жизни вечной. А посему именно этим должно ограничиться все учение, в этих пределах должны действовать церковные законы. Никогда в этом обществе не идёт и не может идти речь о благах гражданских, о владении

земными благами; здесь никогда, ни по какой причине не должно применяться насилие, целиком относящееся к компетенции гражданского правителя, равно как подлежит его власти владение внешними благами и пользование ими» (1. С. 99). В отличие от государства у церкви не может быть никаких средств насильственного воздействия на тех, кто не принимает правил и распорядка этой церкви. Главные средства воздействия – это «уговоры, проповедь, наставления, поучения», а крайнее отлучение (1. С. 99-100).

«Если будет позволено что-то вводить в религии силою закона, принуждением, страхом наказания, напрасно тогда искать меру: с помощью того же оружия будет позволено все подводить под ту мерку истины, которую сам правитель сотворит себе. Ни один человек не должен за свои религиозные взгляды лишаться своих земных благ...» (1. С. 115). «Не дело правителя наказывать по закону или обнажать меч против всего, что он считает грехом перед Господом» (1. С. 116).

Отмечая те случаи, когда власть правителя пересекается с вопросами религиозной свободы, Локк отсекает от тех, кто имеет право на веротерпимость, всех, кто принадлежит к церкви, находящейся под управлением другого правителя и атеистов. «...те, кто признает существования божества, не имеют никакого права на терпимость. Ибо для атеиста ни верность слову, ни договоры, ни клятвы, т. е. все, на чем держится человеческое общество, не могут быть чем-то обязательным и священным, а ведь если уничтожить бога даже только в мыслях, то все это рухнет. И кроме того, разве может требовать для себя какой-то привилегии терпимости в делах религии тот, кто вообще своим атеизмом ниспровергает всякую религию?» (1. С. 125).

Свой принцип веротерпимости Локк распространяет не только на христианскую религию. «...я считаю, что даже язычник, или магометанин, или иудей не должны отстраняться от государственной жизни по религиозным соображениям: ничего подобного не велит Евангелие, этого не желает церковь, которая (I Коринф. 5, 12–13) не судит тех, кто вне её; не требует этого и государство, которое принимает и допускает [в своё лоно] людей только порядочных, миролюбивых, прилежных» (1. С. 129).

Письмо было переведено на английский в 1689 г., в том же году, когда в ходе Славной революции в Англии был опубликован Акт о веротерпимости, признающий права диссентеров. Оно вы-

звало критику со стороны сторонников необходимости существования официально поддерживаемой церкви, которая должна обеспечивать религиозное единообразие. Это заставило автора «Послания о веротерпимости» вступить в полемику, им были ещё написаны второе и третье послание и не закончено четвёртое, в которых он последовательно и убеждённо защищал свою позицию (6. Р. 227-229).

Защита Локком религиозной веротерпимости внутренне связана и с его теорией религиозного знания и доктриной церкви, и с его теорией правления (8, 224). Подход мыслителя к проблеме толерантности, хотя отчасти базировался на религиозных соображениях, был обусловлен прежде всего его политической философией, пониманием той роли, которую играют религиозные различия в обеспечении или нарушении стабильности в обществе. Эта рациональная в своей основе позиция, оставляющая в стороне вопрос о религиозной истине как высшей ценности, и становится основой нового мировоззрения, утверждавшегося в Англии и Европе в начале нового времени.

Литература:

1. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988.
2. *Beyond Prosecution Society: Religious Toleration Before Enlightenment* / Ed. by John Christian Laursen, Cary J. Nederman. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998.
3. Coffey J. *Persecution and Toleration in Protestant England 1588-1689*. L. Routledge, 2013.
4. Creppell I. Locke on toleration: The transformation of constraint // *Political Theory*, 24 (2): May, 1996. P. 200-240.
5. Dunn J. The Claim to Freedom of Conscience: Freedom of Speech, Freedom of Thought, Freedom of Worship? // *From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England* / Ed. by Ole Peter Grell, Jonathan I. Israel, and Nicholas Tyacke. Oxford, 1991.
6. Forst R. *Toleration in Conflict: Past and Present*. Cambridge: CUP, 2013.
7. Kamen H. *The Rise of Toleration*. L.: Weidenfeld and Nicholson, 1967.
8. Starkie A. *Toleration* // *The Bloomsbury Companion to Locke* / Ed. by: S.-J. Savonius-Wroth, Paul Schuurman, Jonathan Walmsley. Bloomsbury Publishing, 2014.
9. *The Cambridge Companion to Locke* / Ed. by Vere Chappell.

Cambridge: CUP, 1994.

10. Woolhouse, Roger, Locke: A Biography: Cambridge University Press, 2007.

11. Zagorin P. How the Idea of Religious Toleration Came to the West. Princeton University Press, 2003.

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 07.00.02

И.С. Огоновская

Екатеринбург

**«ТРУДНЫЕ» УКРАИНСКИЙ И ПОЛЬСКИЙ
ВОПРОСЫ (XVII - XVIII ВВ.) В НОВЫХ УЧЕБНИКАХ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гетманство, древнерусская народность, Запорожская Сечь, историко-культурный стандарт, учебники отечественной истории, Малороссия, Переяславская Рада, Речь Посполитая, разделы Польши, Россия, Украина, украинская народность.

АННОТАЦИЯ. Автор статьи рассматривает проблему этногенеза украинского и русского народов, проблемы российско-украинских и российско-польских отношений XVII – XVIII вв. и особенности освещения указанных проблем в новых школьных учебниках отечественной истории; делает выводы о появлении более объективного взгляда на рассматриваемые страницы истории России, одновременно с этим отмечая недостаточное отражение в учебных изданиях дискуссионных аспектов.

I.S. Ogonovsky

Yekaterinburg

**«DIFFICULT» UKRAINIAN AND POLISH QUESTIONS
(XIX - XVIII CENTURIES.) IN THE NEW TEXTBOOKS
OF NATIONAL HISTORY**

KEY WORDS: Hetman, old one nation, Zaporizhian Sich historical and cultural standard, textbooks of national history, little Russia, Pereyaslav

Council, the Polish-Lithuanian Commonwealth, partitions of Poland, Russia, Ukraine, the Ukrainian nation.

ABSTRACT. The author considers the problem of ethnogenesis of the Ukrainian and Russian peoples, the problems of Russian-Ukrainian and Russian-Polish relations in the XVII – XVIII centuries and the peculiarities of the coverage of these problems in the new school textbooks of domestic history; makes conclusions about the emergence of a more objective view on the pages of Russian history, simultaneously noting the lack of reflection in learning journals discussion aspects.

Россия – Украина – Польша – сложный треугольник, так как историческое прошлое трех государств тесно переплетено, а судьбы трех народов – русского, украинского и польского – полны трагедий и драматизма. Автор данной статьи, имеющий польско-русские корни, искренне переживает, что эти народы, вышедшие из одной славянской общности, не могут выйти на доверительный межгосударственный разговор и позитивный путь добрососедских отношений. Вполне очевидно, что причинами современного ухудшения российско-украинских отношений, сложностей во взаимопонимании России и Польши являются не столько насущные проблемы, сколько исторические обиды, число которых велико.

В настоящее время историческая наука избавляется от мифов, штампов и стереотипов, накопленных в течение длительного времени. «Бесславные» страницы отечественной истории также становятся предметом обсуждения среди ученых, студентов, школьников. В Историко-культурном стандарте (ИКС), обсуждение которого бурно прошло в России и под который уже созданы комплекты новых учебников, определен перечень «трудных вопросов истории», рассмотрение которых связано прежде всего с дискусионностью, альтернативностью взглядов историков на те или иные исторические события, процессы, явления, персоналии. Попробуем сделать выборку и проанализировать, как удалось авторам нашумевших «единых» учебников подойти к рассмотрению нескольких актуальных с точки зрения сегодняшнего дня вопросов, касающихся взаимоотношений России с Украиной и Польшей. В основе работы – учебники, выпущенные издательствами «Дрофа», «Просвещение», «Русское слово» в 2015, 2016 гг.

В перечне «трудных вопросов», представленных в ИКС, обозначена проблема существования древнерусской народности и

восприятия наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси. В отечественной историографии доминирует мнение о существовании древнерусской народности, из которой в более поздние времена сложились русская, украинская и белорусская народности. Так В.О. Ключевский писал, что «малорусское племя» - это ветвь русского народа, что «целая плотная народность – великорусское племя» «завязалась и окрепла» в составе русского населения (9. С. 253, 369). М.Н. Тихомиров одним из доказательств общности трех народов считал то, что в Киеве, Полоцке и Новгороде говорили на одном языке, хотя существовали и различные диалекты (13. С. 15). В.В. Мавродин отмечал, что «территориальное объединение восточных славян как единого этнического образования было столь прочным, что украинская и белорусская нации являются потомками древнерусской народности» (10. С. 139).

В украинской историографии досоветского и постсоветского времени присутствует другая точка зрения. Украинский историк начала XX в. М.С. Грушевский, автор книги «История Украины-Руси», считал предками украинцев племена антов и выводил историю украинского народа с IV в. Он писал, что Киевская Русь была самостоятельной украинской державой, преемницей которой стала не Владимиро-Суздальская, а Галицко-Волынская земля, что «украинско-русская» и «великорусская» народности существовали параллельно, что украинский народ относится к западноевропейскому кругу как в силу исторических связей, так и по самому складу национального характера (5. С. 413). В современных украинских учебниках эта теория Грушевского является доминирующей. Следовательно, украинские школьники могут с полной уверенностью говорить о том, что между русскими и украинцами нет ничего общего, а тем более «братского».

Разработчики ИКСа и авторы школьных учебников истории России имеют свой взгляд на эту проблему. Авторы ИКС употребляют понятия «древнерусская культура», «единое культурное пространство» в отношении территории всей Руси, но в основном тексте документа не выделяют проблему формирования русской, украинской и белорусской народностей. Между тем авторы учебника издательства «Просвещение» для 7 класса в параграфе 23 «Под рукой» российского государя: вхождение Украины в состав России» подчеркивают, что украинская

народность сформировалась в основном в XV в., что украинцы «проживали на землях, входивших ранее в Древнерусское государство, и имели с русскими единые национальные, религиозные и культурные корни» (7. С. 67).

В учебнике для 6 класса в параграфе 19 «Литовское государство и Русь» детям рассказывается о том, что пользуясь ослаблением Руси в период монгольского нашествия литовские князья Миндовг, а затем Гедимин сумели подчинить себе почти все земли Западной Руси (Полоцкую, Витебскую, Минскую, Брестскую), а в конце 20-х – начале 30-х гг. XIV в. и Киевское княжество признало власть Гедимины (6. С. 35). В этом же издании выделен раздел под названием «Начало образования русской, белорусской и украинской народностей», в котором написано, что со второй половины XIII – начала XIV в. отдельные части бывшего Древнерусского государства оказались разделенными границами разных государств: Северо-Восточная Русь оказалась в зависимости от Золотой Орды, но сохраняла древнерусскую культуру и язык; Юго-Западная и Западная Русь были включены в состав Польши, Литвы, Венгрии, и население этих земель, сохранявшее православную веру, местные диалекты и культуру, все-таки подвергалось и влиянию народов, с которыми находилось в одном государстве, вследствие чего стали складываться некоторые отличные от великорусских обычаи и традиции, культура и искусство, предпочтения в еде, одежде, черты характера (6. С. 37, 39).

Концепция авторов учебника издательства «Просвещения» по рассматриваемой проблеме ясна и лежит в русле традиционной отечественной историографии. Вместе с тем школьникам не объясняются понятия «народность», «диалект» (хотя это слово выделено в тексте), не дается разъяснение по поводу определения «великорусские», не представлен ответ на вопрос, в чем же ключевые отличия белорусской и украинской народностей от великорусской и что все-таки между ними общего (хотелось бы видеть конкретные примеры).

Авторы учебника, вышедшего в издательстве «Дрофа», указанную проблему освещают более чем скромно, указав на территориальные приобретения Литвы (при Гедимине - Минское, Брестское княжества; при Ольгерде – Киевское, Черниговско-Северское, Волыньское и часть Переяславского) и что к XV в. 9/10 всей террито-

рии Великого княжества Литовского составляли западнорусские земли (1. С. 181, 182). В разделе «Историческое значение возникновения единого Русского государства» представлен вывод о том, что в рамках единого государства начала складываться новая великорусская народность (1. С. 199). Определение понятия дано в словаре как «единая этническая, социальная и культурная общность, которая сложилась в бассейнах верхней Волги и Оки в XIV – XV вв. на основе формирования великорусского языка и специфического самосознания» (1. С. 228). Следует отметить, что такое определение автоматически требует разъяснения: что такое великорусский язык, что такое самосознание, в чем специфичность великорусского самосознания и по сравнению с кем проявляется эта специфика? Ответ на данные сложные вопросы в учебнике отсутствует.

Судьба западнорусских и южнорусских земель авторами указанного издания не рассматривается, хотя в учебнике для 7 класса авторы «Дрофы» пишут, что вхождение Украины в Россию стало проявлением их культурной, исторической, религиозной, этнической общности (2. С. 188).

Е.В. Пчелов и П.В. Лукин в учебнике издательства «Русское слово» в параграфе 25 «Великое княжество Литовское и русские земли» пишут, что присоединение русских земель к Литве было явлением неоднозначным: с одной стороны, разрывались исторические и политические связи между разными частями древней Руси; с другой, - русские князья зачастую добровольно признавали власть литовских правителей, так как велико было желание избавиться от ордынской зависимости и надежды на защиту молодого и сильного государства (11. С. 164). Рассматривая вопрос об этногенезе русского, украинского и белорусского народов, авторы данного издания отмечают, что в XIV-XV вв. на северо-западных и северо-восточных землях древней Руси формировался современный русский народ, а на землях Великого княжества Литовского происходило формирование новых восточнославянских народов: в Поднепровье (украине) - украинского, а в междуречье Припяти и Западной Двины (на территории Белой Руси) - белорусского, и делают вывод о том, что «Великое княжество Литовское стало колыбелью украинцев и белорусов» (11. С. 165). Поднимая проблему культурного развития западнорусских земель, авторы учебника отмечают, что «западнорусский язык, сложившийся в Великом княжестве Литов-

ском на основе древнерусского в качестве официального, вытеснялся латынью и польским» (11. С. 168). В учебнике ничего не говорится о культурных традициях древнерусского народа, которые сохранялись бы в культуре народов Украины и Беларуси.

***Проблема существования древнерусской народности
и общности судеб русского и украинского народов***

«Дрофа»	«Просвещение»	«Русское слово»
<p>В рамках единого Русского государства формируется великорусская народность. Существует культурная, историческая, религиозная, этническая общность двух народов.</p>	<p>Северо-Восточная Русь сохраняла древнерусскую культуру и язык. Юго-Западная и Западная Русь сохраняли православную веру, местные диалекты и культуру, но подвергались влиянию Литвы и Польши. Украинцы проживали на землях, входивших ранее в Древнерусское государство, и имели с русскими единые национальные, религиозные и культурные корни.</p>	<p>На Северо-Западе Руси формировался современный русский народ. Колыбелью украинцев и белорусов стало Великое княжество Литовское.</p>

Общий вывод: идея общности исторических и культурных корней русского, украинского и белорусского народов убедительнее всего представлена в учебнике издательства «Просвещения». Авторы издательства «Русского слова» противоречивы в своем мнении: с одной стороны, пишут о Литовском государстве как «колыбели» украинского и белорусского народов, с другой, - отмечают, что в основе западнорусского языка лежал древнерусский. В целом же альтернативные взгляды в учебниках не представлены, а, следовательно, и сохраняется определенная ультимативность в рассмотрении указанной проблемы.

В качестве «трудного вопроса» в ИКС выделено присоединение Украины к России (причины и последствия). События XVII в., связанные с Украиной, обозначены в документе как вхождение Украины в Россию, а не воссоединение России с Украиной; движение под предводительством Богдана Хмельницкого названо «восстанием», а не «национально-освободительным движением», как это позиционировалось в прежних программах и учебниках истории.

Указанная тема изучается школьниками в 7 классе. В учебнике издательства «Просвещение» отмечается, что большая часть украинских земель в первой половине XVII в. входила в состав Речи Посполитой, но в составе этого государства украинское население (прежде всего крестьянское и посадское) подвергалось тройному гнету – феодальному, национальному (к примеру, запрет говорить на родном языке) и религиозному. Авторы учебника пишут, что украинская элита (православные князья, дворяне) для получения привилегий переходила из православия в католичество, перенимала польский язык и культуру, а реестровые запорожские казаки получали жалованье от короля и участвовали в войнах Речи Посполитой с Россией, Османской империей и Швецией (7. С. 68, 69).

Борьба против польских и литовских феодалов трактуется авторами как борьба всего (!!!) украинского и белорусского населения с целью «освободиться от польской зависимости», однако подчеркивается, что на Переяславской раде на верность царю присягнули гетман (Богдан Хмельницкий), казачья старшина и войско, которые и получили ряд привилегий: сохранение 60-тысячной казачьей армии, административное деление на полки и сотни, выборность гетмана и других должностных лиц, суд по своим законам, сословные права казаков, горожан и духовенства, право гетмана вступать в дипломатические отношения с другими государствами (за исключением Речи Посполитой и Османской империи) (7. С. 69, 71).

Далее семиклассникам предлагается информация о расколе Украины (по причине борьбы за власть в казачьей верхушке) на Правобережную и Левобережную и вхождении последней в состав России по условиям Андрусовского перемирия по окончании русско-польской войны 1654-1667 гг. (7. С. 72). Авторы учебника не пишут о том, что в этой войне многие казаки воевали против России, и не акцентируют внимание на расколе Украины как трагедии украинского народа, в которой была частично виновата и Россия.

В учебнике «Дрофы» к причинам национально-освободительного движения (это понятие употребляется) на Украине отнесены не только угнетение крестьян, национальные притеснения и гонения на православных, но и недовольство верхом казачества (так называемой старшины) нежеланием католической польской знати даровать им права шляхетства и предоставить возможность участвовать в сейме. Присутствует в издании и мнение о

том, что Б. Хмельницкий не оставлял надежды войти в состав Речи Посполитой «третьей силой», наряду с королевском Польским и Великим княжеством Литовским (2. С. 187).

Авторы учебника для учащихся 7-го класса подчеркивают, что часть старшины рассматривала Переяславскую раду как эпизод в политической борьбе, однако делают несколько неожиданный вывод о том, что в основе вхождения Украины в Россию лежал «свободный и осознанный выбор украинского народа, проявление культурной, исторической, религиозной, этнической общности, соединяющей два народа (2. С. 188). Такой вывод вызывает определенные сомнения, тем более, что перед этим авторы говорят о стремлении части казачества в состав Польши. Многие ученые, занимающиеся историей Украины, отмечают, что вхождение Украины в состав России стало следствием определенного давления Богдана Хмельницкого и его высокого авторитета среди запорожского казачества (не случайно после смерти гетмана запорожское войско практически сразу раскололось на пропольское и промосковское).

Дальнейшее разделение Украины на Правобережную и Левобережную в ходе войны с Польшей И.Л. Андреев и его соавторы называют «настоящей трагедией для украинского народа» (2. С. 191) и по сути возлагают вину за это как на Речь Посполитую и верхи казачества, так и на Московское государство. Такое мнение авторов можно считать значительным продвижением вперед по пути к исторической правде.

Авторы учебника издательства «Русское слово» пишут о *присоединении* Украины к России, об условиях жизни украинцев в составе Речи Посполитой (крепостной, религиозный и национальный гнет), недовольстве украинских казаков недостаточностью реестровых списков, о запорожской вольнице и по сути на протяжении всего параграфа 20 «Присоединение Украины к России» говорят не о ее стремлении войти в состав Московского государства, а о желании добиться уступок от Польши, именно в борьбе с ней Хмельницкий обратился за помощью к России (12. С. 140, 141, 142, 143). В тексте учебника содержатся явные противоречия: говорится о восстании Хмельницкого и одновременно об освободительном движении, причем адресность его увидеть сложно (от чего освободиться - от крепостного, религиозного, национального гнета или от нахождения в составе Польши в целом?), пишется о вольготной жизни запорожского казачества и тут же без объяснений констати-

руется, что запорожцы «и возглавили борьбу украинцев с Речью Посполитой» (12. С. 141, 142). Последствия русско-польской войны для украинского народа в учебнике «Русского слова» не рассматриваются.

Проблема вхождения Украины в Россию

	«Дрофа»	«Просвещение»	«Русское слово»
Причины	Феодальный, национальный и религиозный гнет со стороны Польши. Недовольство казацкой старшины тем, что Польша не дает ей привилегий шляхества.	Феодальный, национальный и религиозный гнет со стороны Польши.	Крепостной, религиозный и национальный гнет со стороны Польши. Недовольство казаков ограниченностью количества реестровых казаков.
Сторонники вхождения	Часть старшины для использования России в политической борьбе с Польшей. Украинский народ. Хмельницкий, который одновременно с этим не оставлял надежды войти в состав Речи Посполитой наряду с королевством Польским и Великим княжеством Литовским.	Весь украинский народ. Хмельницкий, казацкая старшина и войско.	Хмельницкий Разные слои украинского населения.
Противники вхождения	Часть казачества, стремившаяся в Польшу.	Украинская элита Реестровые запорожские казаки	Иван Выговский
Степень добровольности	Свободный и осознанный вы-		Не указано

	бор украинского народа		
Последствия вхождения Украины в состав России	Автономия Украины. Превращение гетманской и полковой старшины в землевладельцев-феодалов. Русско-польская война и раскол Украины («трагедия украинского народа»)	Сохранение привилегий украинского казачества. Русско-польская война. Гражданская война на Украине. Раскол Украины. Создание Малороссийского приказа. Подчинение украинской православной церкви патриарху Московскому и всея Руси.	Самоуправление и гетманская власть на Украине Освобождение от налогов в государственную казну. Увеличение реестрового войска. Русско-польская война и получение Левобережной Украины (+ Киев).
Ответственность сторон за раскол Украины	Речь Посполитая Московское государство Казачья верхушка	Казачья верхушка Иван Выговский	Не рассматривается

Вывод: авторы школьных учебников действительно отошли от понятия «воссоединение» относительно событий 1654 г., однако крайне противоречивы в определении причин вхождения Украины в Россию: во всех учебниках присутствует мнение о феодальном, национальном и религиозном гнете в отношении украинского народа со стороны Польши, однако при освещении восстания Богдана Хмельницкого все авторы акцентируют внимание на лидирующей роли казачества и его стремлении получить привилегии от польского государства (об освобождении украинских крестьян от крепостного права, ослаблении религиозного гнета речь практически не идет); ни в одном учебнике не объясняется, что для запорожского казачества, привыкшего к вольности, во многом Польша была удобнее, чем Московское государство, так как в составе первого они были более свободны, а в составе второго теряли часть своих прав; авторы расходятся во мнениях о сторонниках вхождения Украины в состав России и часто противоречат сами себе, говоря обо

всем украинском народе и одновременно с этим о казацкой старшине; и т.д. Необходимо обратить внимание и на употребление понятий «присоединение» и «вхождение», так как они предполагают различные акценты зависимости (кто-то присоединяет, а кто-то входит).

Следующий дискуссионный вопрос касается участия России в разделах Польши, состоявшихся в XVIII в. В ИКС констатируется, что Россия решила одну из исторических задач – «собрала почти все наследие Киевской Руси», воссоединила Левобережную Украину с Правобережной. Вопрос не выделен в ИКС как «трудный», но его сложность, на наш взгляд, заключается в определении роли России в данных разделах и рассмотрении их последствий для украинских земель (судьба белорусских земель не является предметом нашего рассмотрения).

Авторы учебника для 8 класса (издательство «Просвещение») освещают этот вопрос очень скромно: констатируют, что в ходе первого раздела Россия получила восточную Белоруссию и часть Ливонии, второго раздела – Белоруссию с Минском и Правобережную Украину (таким образом в составе России оказались и Левобережная, и Правобережная Украина), третьего раздела – основную часть Литвы, Западную Белоруссию и Западную Волынь. Причиной участия России в этих процессах названа угроза со стороны складывающейся антироссийской коалиции Турции и Австрии после победы России в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. (8. С. 44, 45, 46). Следует заметить, что школьникам не разъясняется, какая связь между этой угрозой и необходимостью раздела Польши.

И.Л. Андреев и его соавторы в учебнике для 8 класса (издательство «Дрофа») рассказывают школьникам о борьбе вокруг польского престола после смерти короля Августа III и утверждают, что Екатерина II не являлась инициатором разделов Речи Посполитой, так как «понимала, что для России выгоднее иметь по соседству слабую и зависимую от нее Польшу, чем приобрести часть ее территории», и рассматривала Польшу как «барьер» для защиты России от агрессии других империй (3. С. 143, 154). Подводя итоги свершившимся разделам Польши, представители «Дрофы» высказывают мысль «об определенной закономерности вхождения этих земель в состав Российской империи», которому предшествовали долгие годы и определенные этапы экономических и политических отношений (вассальная зависимость, автономия, имперское покров-

вительство), а также отмечают, что «вхождение в состав Российской империи украинского и белорусского народов отвечало их интересам» (правда, не разъясняют, какие это интересы) (3. С. 152).

Причиной участия России в разделах территории польского государства авторы указывают давление Пруссии (первый раздел), боязнь влияния Великой Французской революции и усиления самостоятельности Польши после принятия Конституции 1791 г. (второй раздел), восстание Тадеуша Костюшко (третий раздел) (3. С. 152, 154). Этот авторский коллектив отмечает, что разделы Польши «трудно оценить однозначно», однако делает вывод о том, что «Австрия, Россия и Пруссия совершили явный акт агрессии по отношению к Польше». Общими причинами разделов Польши называются желание соседей ликвидировать «неудобное» польско-литовское государство, а также нежелание польских магнатов и шляхты предоставить равные права католикам и православным, облегчить положение крестьян, отказаться от пресловутого права вето (3. С. 154).

В.Н. Захаров и Е.В. Пчелов («Русское слово») рассматривают участие России в разделах Польши как ответные шаги на стремление Пруссии и Австрии ослабить влияние России в этом государстве и выступление части польского дворянства (Барской конфедерации) в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. на стороне Турции. Они же отмечают, что у России не было сил для одновременной борьбы с Турцией и недовольным польским дворянством (4. С. 132).

Итоговая оценка авторов «Русского слова» значительно отличается от их коллег из «Дрофы». Они подчеркивают, что Россия не получила коренных польских земель, и по сути признают законность разделов Речи Посполитой, в результате которых «произошло воссоединение в едином Российском государстве западнорусских (украинских и белорусских) земель, прежде входивших в состав Древней Руси» (только Галиция досталась империи Габсбургов) (4. С. 133).

Разделы Польши (XVIII в.)

	«Дрофа»	«Просвещение»	«Русское слово»
Причины	Давление Пруссии (первый раздел) Боязнь влияния Ве-	Угроза со стороны складывающейся антирусской	Ответные шаги на стремление Пруссии и Ав-

	<p>ликой Французской революции и усиления самостоятельности Польши после принятия Конституции 1791 г. (второй раздел) Восстание Тадеуша Костюшко (третий раздел) Общие причины: а) желание ликвидировать «неудобное» польско-литовское государство; б) нежелание польских магнатов и шляхты предоставить равные права католикам и православным, облегчить положение крестьян, отказаться от права вето.</p>	<p>коалиции Турции и Австрии после победы России в русско-турецкой войне 1768-1774 гг.</p>	<p>стрии ослабить влияние России в Польше. Выступление части польского дворянства (Барской конфедерации) в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. на стороне Турции. Стремление ослабить недовольное влиянием России польское дворянство.</p>
<p>Оценка роли России и последствий включения земель в состав России</p>	<p><i>Агрессор:</i> Австрия, Россия и Пруссия совершили явный акт агрессии по отношению к Польше, однако Россия не являлась инициатором раздела Польши. Вхождение польских земель в состав Российской империи закономерно. Вхождение в состав Российской империи украинского и белорусского народов отвечало их интересам.</p>	<p><i>Созидатель:</i> значительный рост территории России и превращение ее в великую мировую державу.</p>	<p><i>Объединитель:</i> произошло воссоединение в едином Российском государстве западнорусских (украинских и белорусских) земель, прежде входивших в состав Древней Руси. Россия не получила коренных польских земель.</p>

Вывод: мнения авторских коллективов трех издательств существенно расходятся в оценке причин участия России в разделах Польши и справедливости получения Россией западноукраинских и западнобелорусских земель, входивших ранее в состав российского государства. С учетом того, что речь идет о «единых» учебниках истории, возникает закономерный вопрос: может ли быть так, что одни школьники будут оценивать разделы Польши как акт агрессии со стороны России, а другие как справедливое историческое воссоединение ранее «разлученных» народов. Или каждый из выигравших конкурс учебник должен содержать разные точки зрения? Представляется, что справедливо последнее, но насколько адекватным может быть восприятие проблемы в целом со стороны восьмиклассников – детей возраста 13-14 лет?

Одним из дискуссионных вопросов в истории России является вопрос об отмене гетманства на Украине и ликвидации Запорожской Сечи. Речь идет прежде всего о причинах уничтожения казацкой вольницы и о последствиях этого для украинского народа.

В результате разделов Польши Правобережная и Левобережная Украина объединились в составе России. Во всех рассматриваемых учебниках (7 или 8 класс) так или иначе затронут вопрос об устройстве жизни Левобережной Украины после ее вхождения в состав России в 1654 г.: гетманство, деление на полки, собственные правила сбора налогов и пошлин и др. Предательство гетмана Мазепы в Полтавской битве повлекло за собой ограничение прав гетманов и учреждение в 1722 г. для управления Украиной Малороссийской коллегии. Елизавета Петровна гетманство на Украине восстановила

При Екатерине II в 1764 г. гетманство на Украине было ликвидировано, и власть перешла в назначенному из Петербурга генерал-губернатору. Причиной этого авторы издательства «Просвещение» называют желание Екатерины II унифицировать управление страной по единым законам и принципам, стремление власти получать подати с украинских крестьян в полном объеме (после присоединения они сохраняли право на свободный переход от одного помещика к другому, и это затрудняло сбор податей) (8. С. 33). В.Н. Захаров и Е.В. Пчелов (издательство «Русское слово») также объясняют этот шаг императрицы ее стремлением «как можно шире распространить принципы общероссийского управления, сбора налогов,

прав и обязанностей сословий» как на Левобережную, так и на Правобережную Украину (4. С. 139). Мнение представителей издательства «Дрофа» ничем не отличается от других авторов (3. С. 153).

Коллектив авторов издательства «Просвещение» отмечает, что отмена гетманства повлекла за собой создание Малороссийской коллегии, ликвидацию особенностей административно-территориального деления и городских свобод, а также утверждение на Украине крепостнических порядков (8. С. 33). Авторы «Русского слова» указывают последствия отмены гетманства: разделение Украины на губернии, введение крепостного права и подушной подати, а также получение украинской казацкой старшиной привилегий российского дворянства, в том числе права владеть имениями и крепостными крестьянами (4. С. 140). Представители «Дрофы» помимо прочего отмечают, что на Украине сохранились суды и законы, «кои не дотрагиваются нашей власти» (Екатерина II) (3. С. 153).

В 1775 г. было упразднено Запорожское казацье войско и Запорожская Сечь. В.Н. Захаров и Е.В. Пчелов называют три причины такого решения Екатерины II: новое месторасположение Сечи в результате присоединения Россией причерноморских территорий (не на южных рубежах государства, а в глубине российской территории); исчезновение у казаков такого источника существования, как военная добыча (а заниматься сельским хозяйством запорожцам запрещалось); нежелание правительства «мириться с существованием на вновь осваиваемой территории подобного очага нестабильности» (4. С. 152). Представители издательства «Просвещение» называют еще одну причину ликвидации Запорожской Сечи – участие запорожцев в восстании Е. Пугачева (8. С. 33). Как отмечают Н.М. Арсентьев и его коллеги, в 1787-1788 гг. из бывших запорожцев были сформированы добровольные отряды для войны с турками, прозванные Войском верных черноморских казаков, которые в дальнейшем получили земли на Кубани и начали нести пограничную службу. Из них в дальнейшем было сформировано Кубанское казацье войско (8. С. 33). В учебнике для 8 класса (издательство «Дрофа») материал о ликвидации Запорожской Сечи автором статьи не обнаружен.

**Отмена гетманства на Украине
Ликвидация Запорожской Сечи**

	«Дрофа»	«Просвещение»	«Русское слово»
Причины отмены гетманства	Стремление Екатерины II к единообразию в управлении своими территориями.	Желание Екатерины II унифицировать управление страной по единым законам и принципам. Стремление власти получать подати с украинских крестьян в полном объеме.	Стремление Екатерины II как можно шире распространить принципы общероссийского управления, сбора налогов, прав и обязанностей сословий.
Последствия отмены гетманства	Введение губернского деления и имперских порядков, включая взимание подушной подати и крепостное право. Сохранение привилегий верхушки казачества. Сохранение судов и законов, которые не касались центральной власти.	Создание Малороссийской коллегии. Ликвидации особенностей административно-территориального деления и городских свобод. Утверждение на Украине крепостнических порядков.	Разделение Украины на губернии. Введение крепостного права и подушной подати. Получение украинской казацкой старшиной привилегий российского дворянства.
Причины ликвидации Запорожской Сечи	Нет раздела, посвященного данной теме.	Желание Екатерины II унифицировать управление страной по единым законам и принципам. Участие запорожцев в восстании Е. Пугачева.	Новое (не пограничное) месторасположение Сечи в результате присоединения Россией причерноморских территорий. Исчезновение у казаков такого источ-

			ника существования, как военная добыча. Нежелание правительства «мириться с существованием на вновь осваиваемой территории очага нестабильности».
Последствия ликвидации Запорожской Сечи	Нет раздела, посвященного данной теме.	Создание из запорожцев волонтерских отрядов для борьбы с Турками. Переселение черноморских казаков на Кубань и начало формирования кубанского казачества.	Переселение запорожских казаков на земли Новороссии. Превращение казаков в свободных землепашцев. Переселение черноморских казаков на Кубань и начало формирования кубанского казачества.

Вывод: авторы учебников единодушны в мнении, что отмена гетманства на Украине была вызвана желанием Екатерины II унифицировать систему управления во всех российских территориях. Вместе с тем ни в одном издании не представлено мнение украинской стороны о том, что это было «уничтожением автономного строя Украины».

Что касается причин ликвидации Запорожской Сечи, то авторы двух коллективов («Просвещение» и «Русское слово») расходятся в их перечне, совпадая в одном: запорожцы были очагом нестабильности и могли в любой момент присоединиться (или сами организовать) выступление против власти. Между тем «за кадром» остались многие причины, обозначенные в екатерининском Манифесте «Об уничтожении Запорожской Сечи, и о причислении оной к Новороссийской Губернии» (3 августа 1775 г.): измены запорожцев данному слову верности (речь идет о клятве на Переяславской раде, которую они неоднократно нарушали, воюя против России); претензии на земли, отнятые Россией у Турции, что затрудняло колонизацию Причерноморья; укрывательство беглых крестьян и использование их труда в собственном хлебопашестве; присвоение земель, принадлежавших войску Донскому; создание препятствий для русско-турецкой торговли и др. (14. С. 264). Странно, но авторы учебников не отметили и такой важный факт: после провозгла-

шения независимости крымского ханства от Турции и российского протектора над Крымским ханством Запорожье перестало быть форпостом в борьбе с Крымом и Турцией и утратило свою ценность для России.

Общее впечатление от содержания новых учебников по интересующим нас вопросам можно сформулировать следующим образом: авторы стали более объективными в освещении российско-украинских и российско-польских отношений, однако во многом не могут отказаться от устоявшихся мнений и оценок; по некоторым вопросам мнения авторов полярны, а дискуссионный аспект практически не представлен в учебных изданиях; рассматриваемые в статье проблемы, крайне сложные по своему содержанию, изучаются школьниками в том возрасте, когда осмыслить их в полной мере практически невозможно.

Объем данной публикации вынуждает автора оставить на будущее рассмотрение вопросов, связанных с историей Царства Польского в составе России; советско-польской войной 1920 г., в результате которой Западная Украина и Западная Белоруссия оказались в составе Польши; пактом Молотова-Риббентропа и секретным протоколом к нему, обеспечившим возвращение указанных территорий в состав уже нового государства – СССР; борьбой украинских националистов против советской власти; «катынским делом»; работой комиссии по правовой оценке пакта Молотова-Риббентропа, созданной на I съезде народных депутатов СССР в 1989 г.; сносом памятникам советским воинам в Украине и Польше; и др.

Литература:

1. Андреев И.Л. История России с древнейших времен до XVI в. 6 кл.: учебник / И.Л. Андреев, И.Н. Фёдоров. М.: Дрофа, 2016. 239 с.
2. Андреев И.Л. История России: XVI – конец XVII в. 7 кл.: учебник / И.Л. Андреев, И.Н. Фёдоров, И.В. Амосова. М.: Дрофа, 2016. 253 с.
3. Андреев И.Л. История России: конец XVII – XVIII в.: 8 кл.: учебник / И.Л. Андреев, Л.М. Ляшенко, И.В. Амосова, И.А. Артасов, И.Н. Фёдоров. М.: Дрофа, 2016. 219 с.
4. Захаров В.Н., Пчелов Е.В. История России. XVIII век: учебник для 8 класса общеобразовательных организаций / В.Н. Захаров, Е.В. Пчелов; под ред. Ю.А. Петрова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2015. 232 с.

5. Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССЭН, 2001. 912 с.
6. История России. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / [Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, П.С. Стефанович, А.Я. Токарева]; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 127 с.
7. История России. 7 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / [Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, И.В. Курукин, А.Я. Токарева]; под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. 128 с.
8. История России. 8 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / [Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, И.В. Курукин, А.Я. Токарева]; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 128 с.
9. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в тех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1994. 572 с.
10. Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. 184 с.
11. Пчелов Е.В., Лукин П.В. История России с древнейших времен до начала XVI века: учебник для 6 класса общеобразовательных организаций / Е.В. Пчелов, П.В. Лукин; под ред. Ю.А. Петрова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2015. 240 с.
12. Пчелов Е.В., Лукин П.В. История России. XVI-XVII века: учебник для 7 класса общеобразовательных организаций / Е.В. Пчелов, П.В. Лукин. М.: ООО «Русское слово» - учебник», 2015. 224 с.
13. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. 432 с.
14. Хрестоматия по истории СССР. Том 2 (1682-1856) / сост. С.С. Дмитриев, М.В. Нечкина. 2- изд., испр. идоп.М.: Учпедгиз, 1949. 960 с.

А.А. Постникова

Екатеринбург

НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, образ Наполеона, общественное сознание, реклама, литература, кино.

АННОТАЦИЯ. Автор преследовала цель выявить особенности образа Наполеоновской эпохи в образовательном пространстве Франции. Используя методологию «коммуникативной памяти», автор проанализировала образ французского императора и его эпохи в учебниках, художественной литературе, рекламе, кино, компьютерных играх. Образ Наполеона активно используется в искусстве, формирующем массовые представления об исторических событиях. В последние годы появилось огромное количество компьютерных игр, посвященных Наполеоновской эпохе и позволяющих игрокам не только проникнуться духом того времени, но и предложить возможную альтернативу развитию событий прошлого.

A.A. Postnikova

Yekaterinburg

NAPOLEONIC ERA IN THE EDUCATIONAL SPACE OF MODERN FRANCE

KEY WORDS: political discourse, image of Napoleon, public consciousness, advertizing, literature, cinema.

ABSTRACT. The author pursued the aim to reveal features of an image of the Napoleonic era in educational space of France. Using methodology of "communicative memory", the author analysed an image of the French emperor and his epoch in textbooks, fiction, advertizing, cinema, computer games. The image of Napoleon is actively used in the art forming mass ideas of historical events. In recent years there was a huge number of the computer games devoted to the Napoleonic era and allowing players not only to like spirit of that time, but also to offer possible alternative to succession of events of the past.

В символизации исторических событий одну из главных ролей всегда играло образовательное пространство. В последнее время огромное влияние на французских школьников стала оказывать художественная литература и мультимедиа, которые, как правило, стремятся героизировать Наполеоновскую эпоху.

Французские учебники представляют данное событие как значимую веху в истории Франции. По мнению авторов учебников, Наполеон, совершив контрреволюцию, вернул Франции стабильность и процветание. Период Консульства представлен как эпоха демократизации Франции, а провозглашение Империи связывается с необходимостью стабилизации порядка для продолжения реформ (3).

Героический образ Наполеона в сознании школьников формирует не только учебная литература, но и искусство. Продолжает сохраняться иллюзии, связанные с представлением о том, что если бы Наполеон «не увяз» в снегах России, то Франция до сих пор управляла бы миром. Именно это, по нашему мнению, способствует постоянной актуализации во французской художественной литературе сюжетов отступления из России. Одним из проявлений этой «иллюзии» стал выход книги экс-президента Франции В. Жискара д'Эстена «Победа Великой армии». Ключевая мысль этого фантазийного произведения, которое может быть отнесено к жанру «исторической альтернативы», заключается в том, что если бы Наполеон не задержался в Москве на длительный срок, то он одержал бы победу над Россией и создал, в конечном итоге, крепкий и жизнеспособный Европейский союз.

Наполеоновская эпоха остается излюбленным объектом внимания также и для кинематографа. Важным событием в истории французского кино стал выход в начале XXI в. фильма «Наполеон», который является на сегодняшний день самым дорогим европейским телевизионным мини-сериалом. Наряду с военными победами и поражениями Наполеона, включая сражения под Прейсиш-Эйлау, Ватерлоо, Аустерлицем и отступление Великой армии из России, в фильме нашла отражение и личная жизнь Наполеона: его брак и развод с Жозефиной Богарне, брак с Марией-Луизой, романсы с Элеонорой Денюэль и Марией Валевской.

Образ Наполеона, представленный в фильме, вызывает страх, уважение и сострадание одновременно. В качестве отправной точки сюжетной линии авторы кинокартины представили одну из сцен

пребывания Наполеона на о. Св. Елены. Затем фильм возвращает зрителей в начало карьеры правителя, и перед ним предстают картины итальянской, египетской кампаний, переворот 18 брюмера... Авторы картины (режиссер Ив Симано, автор сценария Галло) пытаются внушить мысль зрителю о том, что Бонапарт, который никогда не сдается и который неизменно заражает своей энергией окружающих – это была именно та личность, в которой жизненно нуждалась Франция. Кинокартина постепенно убеждает зрителя в том, что появление именно этой личности на политической сцене поистине спасло Францию от череды кровавых событий революции, ставших для нее подлинной катастрофой.

Многие кадры фильма оказались посвящены периоду расцвета Империи. Перед взорами зрителя проходит торжественная церемония коронации Наполеона, которая вдруг неожиданно перевоплощается в сцену создания Ж. Давидом огромного живописного полотна, запечатлевающего этот сюжет для истории. Наконец, подлинным апогеем Империи Наполеона авторы фильма представили создание им под эгидой Франции Единой Европы, ставшей, якобы, подлинным спасением для народов, ее населяющих.

Изображая битвы эпохи, авторы сделали акцент на проявлении солдатами наполеоновской армии небывалых примеров воинской и человеческой доблести. Развязывая войну с Россией, Наполеон лишь преследовал цель укрепить положение Франции в мире и объединить вокруг нее европейских стран. Весьма симптоматично прозвучали в фильме слова, произнесенные обер-штальмейстером императора А. Коленкурром: «Вся Европа стала французской!» Но эту европейскую идиллию нарушила русская кампания, закончившаяся распадом Великой армии.

Несмотря на полное трагичности завершение наполеоновской эпопеи, авторы фильма сглаживают это тем фактом, что, дескать, свое поражение император принял достойно. Символично звучат слова Наполеона после поражения под Ватерлоо: «Я сделал все возможное, чтобы исцелить раны революции».

Французское искусство всегда стремилось и стремится к тому, чтобы «продлить» жизнь императору, и наиболее значительную роль в этом сыграл кинематограф. К двухсотлетию со дня смерти Наполеона на экраны вышел фильм «Новое платье императора», посвященный, казалось бы, последним дням жизни Наполеона. Однако оказывается, что Наполеон на о. Св. Елены поменялся места-

ми с поваром Эженом Ленорманом. Заговорщики-бонапартисты задумывают вернуть Наполеона в Париж, оставив на острове Св. Елены его двойника. Под видом моряка Эжена Ленормана Наполеон отправляется в Париж, а настоящий же Ленорман начинает вести себя как вел бы себя венценосный узник. По дороге в Париж Наполеон заезжает в Ватерлоо. С удивлением он обнаруживает, что поле битвы значительно изменилось и стало туристическим объектом. Все идет не так, как планировалось. Наполеон опаздывает на встречу со сторонниками, а его вечно пьяный двойник упорно не желает расставаться с понравившейся ему ролью. И когда настоящий Наполеон добирается до Парижа, ему никто не верит – приюты для умалишенных переполнены «наполеонами». Он остается в доме вдовы лейтенанта Трюшо и через какое-то время в нее влюбляется. Внезапно по Парижу разносится новость, что император умер на о. Св. Елены. Наступает момент, когда Наполеон вновь может объявить себя императором, но он уже начинает сомневаться, нужно ли это делать. Прелесть жизни обычного человека, настоящая любовь оказываются сильнее, чем жажда власти.

Теме возрождения императора в облике обычного человека посвящен также французский фильм «Месье N», вышедший на экраны в 2003 г. Кинокартина воспроизвела сюжеты ссылки Наполеона на о. Св. Елены. Но начинается фильм с воспоминаний императора о своих деяниях. Особенно памятной для бывшего императора оказывается русская кампания, поражение в которой не дало ему возможности реализовать идею европейского единства. По поводу же причин этого поражения Наполеон заявляет так: «Нас победил мороз, а вовсе не люди».

Далее в картине пересекаются две сюжетные линии: пребывание императора на острове и образы Парижа 1840 года, когда тело Наполеона перевозят во Францию. Повествование идет от лица английского офицера Хескута, который в течение двух лет находился рядом с бывшим императором на Св. Елене. В 1819 г. он был вынужден покинуть остров. Известие же о смерти Наполеона показалось Хескуту весьма сомнительным. В 1840 г., когда он оказывается в Париже на церемонии перезахоронения праха императора, воспоминания нахлынули на него. Хескут решает восстановить события последних дней жизни Наполеона, для чего расспрашивает тех, кто застал час смерти царственного узника – французских генералов Бертрана и Монтолона, английского губернатора Гудсона

Лоу. Оказывается, что никто из них не видел императора в последние дни, а информация, которую они предоставили, оказалась довольно противоречивой. Так авторы фильма оставляют тайну для нас, для зрителей, не разгаданной.

Наполеоновская эпоха стала не только «местом памяти», но и частью жизни французов, что в очередной раз подтвердил фильм «Завтра на рассвете». Главный герой Матье Гибе, известный пианист, вынужден оставить жену и сына для того, чтобы ухаживать за своей больной матерью. Общее горе сближает его с братом Полем, который занимается военно-исторической реконструкцией. Вслед за братом Матье погружается в мир Наполеоновских войн, в котором действуют жесткие правила защиты чести. На первый взгляд, для него это всего лишь игра. Однако с течением времени погружение в иную эпоху серьезно изменяет его отношение и к миру «реальному».

Театры Франции также не остались равнодушными к Наполеоновской эпохе. До сих пор пользуется популярностью у публики музыкальный спектакль «Наполеон» с участием французского певца С. Лама в заглавной партии. Начинается спектакль сценой апогея Наполеона, победой под Аустерлицем (7). Но основная часть спектакля посвящена времени кризиса Первой империи – русской кампании 1812 г. Центральной сценой спектакля стала картина Бородинской битвы. Накануне сражения Лама в образе Наполеона исполнил песню, в которой говорится о любви и преданности армии своему императору. Неожиданно раздался голос Александра I. Русский император спрашивает, на что рассчитывает Наполеон. Французский же император уверенно отвечает: «Я рассчитываю только на успех». Как правило, после этого в зале раздаются громкие аплодисменты. Так, через двести лет после исторических событий на сцене французского театра вновь разгорается «битва». Она длится мгновение, но это мгновение пронзительно отражает особенность национального восприятия французами тех давних событий. Русская армия покидает поле битвы и освобождает Наполеону дорогу на Москву. Великая армия, упоенная победой, входит в русскую столицу, но мгновенно растворяется в дыме пожаров. После этого публика видит только отступление из России, сопровождаемое песней «Грусть» (8).

Образ Наполеона активно используется в мультимедийном пространстве, формирующем массовые представления об истори-

ческих событиях. В последние годы появилось огромное количество компьютерных игр, посвященных Наполеоновской эпохе и позволяющих игрокам не только проникнуться духом того времени, но и предложить возможную альтернативу развитию событий прошлого. К примеру, игра «Ассасинс кредит» посвящена Франции эпохе Великой революции. В ней появляется молодой Бонапарт в образе смелого полководца, спасающего страну от насилия революционных лет. Одной из особенностей этой игры является то, что авторы с помощью компьютерной графики смогли воссоздать Париж конца XVIII столетия.

Битвам Наполеона посвящена известнейшая игра «Наполеон: тотальная война», разделенная на несколько этапов. В качестве первого периода игры предлагается «обучающая» кампания (1778–1793), рассказывающая о ранних годах жизни Наполеона и о его восхождении к вершинам власти. В этой кампании обучение оказывается совмещено с рассказом об истории полководца, который ведётся от имени близкого соратника Наполеона маршала Л. Бертье. Искусству управления морскими судами на стратегической карте игрок учится, переправляя Наполеона с о. Корсика на берега Франции.

Основная часть игры посвящена сражениям французского императора. В битвах нельзя менять расстановку войск перед сражением – они расставлены в соответствии с историческими данными. Таким образом представлены сухопутные сражения – битва при Лоди, бой при Арколе, сражения у Пирамид, под Аустерлицем, Бородином, Ватерлоо. Сражения становятся доступными для игры в хронологическом порядке, то есть, для того чтобы сыграть битву под Аустерлицем необходимо победить в битве у Пирамид и в других предшествующих сражениях. Таким образом компьютерные игры не только погружают игроков в ту давнюю эпоху, воссоздавая образы городов, мест сражений, но и предоставляют возможность почувствовать себя «виртуальным Наполеоном».

В современном обществе одну из главных ролей в формировании массовых представлений играет маркетинговое пространство. Образ Наполеона часто используется во французском телевидении для рекламы продукции, якобы одобренной великим императором. Предполагается, что подсознательно потребитель начинает думать, будто товар

проверен временем. Один из телеканалов, специализирующихся на культурно-исторических темах, назван «Марш императора» (6). В рекламе этого канала под своего рода эпитафией «Все фильмы, которые заслуживаете вы», изображено отступление Великой армии по снегу (видимо, из России). При этом образ русской армии представлен почему-то огромным морским котиком, поедающим французских солдат. Зачем? Затем, чтобы сказать, что телеканал предлагает своим зрителям только захватывающие, «поедающие» их сюжеты.

Образ Наполеона используется в основном для презентации определенного продукта. Реклама, погружая «императора» в новый художественный контекст, преувеличивает его ставшие характерными для его образа черты. Так, в рекламе ресторана «Al balad» акцентируется внимание на маленьком росте Наполеона (1). Мы видим, как император, с трудом забравшись на стол, величественно устанавливает очередного солдата на карте мира. После этого на экране появляется надпись: «Маленький размер, но большие границы». Так ресторан заявляет о себе, как о заведении мирового масштаба.

В рекламе продукции авторы сюжетов, как правило, предпочитают выбирать наиболее трагические для Наполеона и его армии сражения, создавая при этом альтернативные версии причин поражения императора. Так, «Наполеон» наслаждается английским чаем Twinings на поле битвы под Ватерлоо и поэтому проигрывает сражение. Иную версию истории этого события представило французское отделение компании «Макдональдс»: император якобы увлекся поеданием чизбургера (5). А катастрофа отступления из России нашла воплощение в рекламе холодильников, «одобренных» Наполеоном (4).

Реклама компании Coca Cola перенесла Наполеона в современность: император сидит в баре и делает татуировку. Конечно же, адаптироваться к современным условиям ему помог чудесный напиток (2). Red Bull зарядил императора энергией, обеспечив его победы. Но на о. Эльба Наполеон выпил последнюю бутылку и поэтому не смог выиграть битву под Ватерлоо.

Так учебная литература и тесно связанное с ним, особенно сегодня, мультимедийное пространство продлевают виртуальную жизнь Наполеона. Писатели, режиссеры, маркетологи стремятся создать героический образ Наполеоновской эпохи. Они либо вос-

певают победы императора, либо оправдывают его поражения. В виртуальном пространстве компьютерных игр Наполеон всегда положительный герой; он либо дает задание, помогает раскрыть тайны, либо же игроки участвуют в сражении на его стороне. Реклама использует Наполеона в качестве известного бренда, воздействуя на массовое представление французов об этой эпохе. Так образовательное пространство способствует сохранению в умах и душах французов великой имперской идеи, которая, как полагают многие, является залогом будущего Франции.

Источники:

1. Al balad napoleon marketing publicité // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=16bXkuQRt5g>.
2. Coca Cola met en scène Napoléon dans sa dernière pub // URL: <http://www.meltybuzz.fr/coca-cola-met-en-scene-napoleon-dans-sa-derniere-pub-a241672.html>.
3. Histoire. Géographie. P.,2011.
4. Le blog de l'estape // URL: <http://achener.over-blog.org/article-l-histoire-de-france-racontee-par-la-publicite-bibliotheque-forney-paris-116167650.html>.
5. McDonald's : La légende de Napoléon // URL: <http://www.publiz.net/2011/02/03/publicite-mcdonalds-la-legende-de-napoleon/>
6. Pub la marche de l'Empereur // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=ZhyLxXohoMU>.
7. S. Lama // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=4-Unh39nizI>.
8. S. Lama // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=8s8eRE7fC2E>.

УДК930.1(37)

ББК Т1(0)323

ГСНТИ 03.09.31

Код ВАК 07.00.09

М. В. Шистеров

Екатеринбург

РОМАНИЗАЦИЯ, РИМСКОСТЬ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН РИМСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древний Рим, римский империализм, романизация, римскость, Римская империя, локальная идентичность, историография.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме римского империализма в интерпретации современной англо-американской историографии. Разбирается ряд дискуссионных вопросов, связанных с определением романизации, римскости, локальных идентичностей в рамках «римского мира»; рассматриваются новые подходы к пониманию феномена римского империализма.

M.V. Shisterov

Yekaterinburg

ROMANIZATION, ROMAN-NESS AND LOCAL IDENTITIES: NEW OPINIONS ABOUT THE PHENOMEN OF ROMAN IMPERIALISM.

KEY WORDS: Ancient Rome, Roman imperialism, Romanization, Roman-ness, The Roman Empire, local identity, historiography.

ABSTRACT. The article is devoted problem of Roman imperialism in interpretation of actual British and American historiography. The author considers some controversial issues related to the definition of Romanization, Roman-ness, local identities in the "Roman world". The article demonstrated new approaches to understanding the phenomenon of Roman imperialism.

Внимание современных исследователей-романистов все чаще обращено к проблемам культурной идентичности и политического воображения в «римском мире» – на пространстве Римской империи и ее

периферии. За последние двадцать лет только в англо-американской историографии, оставляя за скобками другие национальные историографические традиции, вышла целая серия работ, в том числе монографических, в которых на различном материале и с использованием разнообразных методик – от классических приемов римской археологии до современных постмодернистских и пост-постмодернистских техник – анализируется разнообразие культурных практик и способов бытования человека в «римском мире» (как «взрослых богатых мужчин», так и других категорий населения, включая женщин и детей) (8: сборник материалов научного симпозиума о римском империализме; 11: проблемы римского политического присутствия в Галлии; 1: о римском билингвизме в контексте формирования и поддержания культурной идентичности; 9, 10: политические, экономические и социально-культурные аспекты «римской границы»; 3: Р. 14-48: о проблеме «романизации»; 6: о «римскости» и локальных идентичностях в Римской империи; 5: Р. 203–268: римская власть и проблемы культурной идентичности на примере римской Британии и Африки; и пр.). При этом источниками изучения, как правило, становятся уже не письменные свидетельства, дошедшие до нашего времени в виде античной классической традиции, а археологические и эпиграфические материалы, в том числе памятники скульптуры и архитектуры (5; 6; 7).

Среди подобного рода работ, вышедших в 2000-е годы, имеет смысл отметить коллективную монографию о провинциальном искусстве и римском империализме под редакцией известных исследователей из Университета Лестера (Лейчестера) Джейн Уэбстер и Сары Скотт (7), монографическое исследование о локальных идентичностях в Римской империи специалиста по латинской эпиграфике и римской архитектуре из Университета Саутгемптона Луиз Ревелл (6), новаторскую работу о римской урбанистической культуре и городских фундаментальных постройках (на примере фонтанов), рассмотренных в контексте социально-политической иерархии и коммуникации в «римском мире», специалиста по античному искусству из Университета Айовы Брендды Лонгфеллоу (4), обобщающую монографию, написанную на основе ранее опубликованных статей, посвященных различным аспектам римского империализма, профессора Университета Лестера и члена Британской Академии Дэвида Маттингли (5). Этот список можно продолжить.

Для всех указанных исследований характерен – в большей или меньшей степени – следующий круг проблем. Во-первых, критика тра-

диционного понимания «романизации» или даже отказ от этого классического для римского антиковедения концепта. Во-вторых, внимание к местным провинциальным элитам, маргинализированным группам населения и/или «молчаливому большинству» (рядовые граждане-мужчины, вольноотпущенники, женщины, дети). В-третьих, акцент на местной локальной специфике, обращение к «провинциальному» материалу Римской империи. В-четвертых, специфическая источниковая база – археологические и эпиграфические свидетельства (археолого-эпиграфические комплексы). В-пятых, новые исследовательские подходы, основанные на достижениях классического источниковедения и современной гуманитаристики (как в части работы с источниками, так и в части концептуализации исторического материала).

К примеру, Л. Ревелл в вышеуказанном исследовании сознательно проблематизирует понятия «римский» и «римлянин», ставит задачу «деконструировать» их, понятийно и концептуально апеллируя к постмодернистским исследовательским техникам (6. Р. xi). Сложность определения понятийных категорий «римский» и «римлянин», которая часто скрадывается в конкретно-исторических исследованиях, заключается в том, что под ними может пониматься и тип материальной культуры, и этническая принадлежность, и географическое местоположение, и хронологический период, и многое другое. Особенно критически Л. Ревелл оценивает в этой связи концепцию «романизации», которая, однако, до сих пор остается «великой теорией», вырваться за рамки которой удастся с большим трудом: «римская археология вращается вокруг темы романизации» (6. Р. x). Как альтернативу традиционным эвристически ограниченным и неаутентичным концептам «романизации» (Romanization) и/или *Romanitas*, Л. Ревелл использует понятие «римскость» (Roman-ness), которое определяется через интерпретацию «римского» как «дискурса *возможного*». Таким образом, «римская идентичность» трактуется как постоянно воссоздаваемая в повседневной практике через социальные механизмы, религиозные действия и символическое пространство «римского» города этика поведения: «Для провинциалов римская идентичность проживалась в практических знаниях о том, как действовать в меняющемся социальном контексте, принимая соответствующие роли» (6. Р. 192). Вместо единого, монолитного и нерасчлененного представления о «римской идентичности» появляется «несметное число потенциальных интерпретаций» того, что значить «быть римлянином» (6. Р. x). Подобный подход основан на теории структуризации, предложенной в конце XX в. английским социологом Э. Гидденсом (2)

и пользующейся заметной популярностью как в зарубежных, так и в отечественных современных гуманитарных и обществоведческих исследованиях.

Обращает на себя внимание, что иной в указанной исследовательской перспективе становится трактовка «римского империализма», который теперь представляется многогранным, существующим в многочисленных формах и различных контекстах, переплетенных в сложную сеть отношений между людьми, социальными группами, коллективами общин, провинциальными и имперскими властями. Главные элементы «римского империализма» исследователи по-прежнему видят в римской религии, урбанизме и культе императора: эти «структуры воспроизводят римскую власть, римское общество, римскую культуру, притом, что существует общее понимание того, что значит быть римлянином» (6. Р. 191). При новом подходе не отрицается значение превосходящей военной силы Рима, который мог в случае необходимости (как то не раз бывало) сломить сопротивление инсургентов, однако акцент переносится на «союз интересов завоеванных с интересами завоевателей» (Ibidem), который достигался сложным путем. С одной стороны, через сочетание интересов Империи и населения провинций (прежде всего провинциальных элит, но – что важно! – не исключительно их). С другой стороны, через формирование «широкого дискурса римской идентичности», посредством «принятия» и последующего воспроизведения, трансляции в разных формах и с использованием определенных адаптированных механизмов, «римских» (или квази-римских) представлений о «правильной жизни» в политическом, социальном и культурном отношении.

Литература:

1. Adams J. N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 836 p.
2. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press, 1986. 402 p.
3. Hingley R. *Globalising Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London: Routledge, 2005. 208 p.
4. Longfellow B. *Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 277 p.
5. Mattingly D. J. *Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire*. Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2011.
6. Revell L. *Roman imperialism and local identities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 221 p.

7. Roman Imperialism and Provincial Art / Eds. S. Scott, J. Webster. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 256 p.

8. Roman Imperialism: Post-colonial perspectives / Eds. J. Webster, N. Cooper. Leicester: School of Archaeological Studies – University of Leicester, 1996. 144 p.

9. Whittaker C. R. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore – London: The J. Hopkins University Press, 1997 [1994]. 341 p.

10. Whittaker C. R. Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire. London: Routledge, 2004. 246 p.

11. Woolf G. Becoming Roman: The Origins of provincial administration in Gaul. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 296 p.

УДК 371.39

ББК 4426.63-268.2

ГСНТИ 14.25.09

Код ВАК 13.00.02

Е. В. Яковлева

Нижевартовск

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРСА «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИ- РА. 5 КЛАСС»)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: электронный образовательный ресурс, Цифровой образовательный ресурс, визуализация образа, образовательная модульная система, электронный учебный модуль.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены некоторые теоретические принципы использования электронных образовательных ресурсов в процессе преподавания истории. Автором представлена характеристика двух основных коллекций электронных образовательных ресурсов в сети Интернет.

E.V. Yakovleva

Nizhnevartovsk

SOME OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF E-LEARNING (ON THE EXAMPLE OF THE COURSE «GENERAL HISTORY. THE HISTORY OF THE ANCIENT WORLD. CLASS 5»)

KEY WORDS: electronic educational resource, Digital educational resource, visualization of an image, educational modular system, electronic educational module.

ABSTRACT. The article considers some theoretical principles of electronic educational resources usage in the history teaching course. It also contains the characteristics of two main electronic educational resource collections in the Internet.

Комплексность требований ФГОС к личностным, метапредметным и предметным результатам, освоение образовательной программы основного общего образования обязывают современного учителя еще более внимательно относиться к выбору технологий, методов и образовательных ресурсов.

Вопрос об электронном образовательном ресурсе как источнике формирования ярких эмоциональных образов исторических эпох, освещается в работах О. Ю. Стреловой (5), Л.В. Алексеевой (1), А. И.Чернова, А. Ю. Морозова (6) и др. ученых (7). Применение в образовательном процессе электронных и цифровых образовательных ресурсов (ЭОР и ЦОР) требуют от учителя знаний их концептуальных основ. Прежде всего, нужно владеть информацией об имеющихся ЭОР, важнейшими базами которых являются:

- Федеральный центр информационно – образовательных ресурсов (ФЦИОР) (<http://fcior.edu.ru>);
- Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов (ЕК) (<http://school-collection.edu.ru>).

Центральным хранилищем электронных образовательных ресурсов нового поколения является Федеральный центр информационно-образовательных ресурсов (ФЦИОР). Адреса ФЦИОР в Интернете: <http://fcior.edu.ru>; <http://eor.edu.ru>

Федеральный центр информационных образовательных ресурсов обеспечивает доступность и эффективность использования электронных образовательных ресурсов для всех

уровней и объектов системы образования России. ФЦИОР реализует концепцию «единого окна» для доступа к любым электронным образовательным ресурсам системы образования и предоставление единой современной технологической платформы для существующих и вновь создаваемых электронных образовательных ресурсов.

На сайте ФЦИОР (<http://fcior.edu.ru>) ЭОР нового поколения представляют собой открытые образовательные модульные мультимедиа системы (ОМС).

По каждому учебному предмету организован соответствующий ресурс – открытая образовательная модульная мультимедиа система. В соответствии с программой обучения весь школьный курс по предмету разбит на разделы, темы и т.д. Минимальной структурной единицей является тематический элемент (ТЭ).

Для каждого ТЭ имеется три типа электронных учебных модулей (ЭУМ):

- модуль получения информации (И-тип);
- модуль практических занятий (П-тип);
- модуль контроля (в общем случае – аттестации) (К-тип).

Данный сайт содержит 188 ресурсов по истории Древнего мира, включающих фрагменты текстов, электронные таблицы, рисунки, фотографии, анимацию, аудио- или видеотрекеры и т.д.

В настоящее время в Единой коллекции размещены цифровые материалы ко всем разделам по истории Древнего мира. Цифровые образовательные ресурсы представлены практически к каждому параграфу (применительно к учебнику А.А. Вигасина, Г.И. Годера, И.С. Свенцицкой «Всеобщая история. История Древнего мира. 5 класс»).

Внедрение ЭОР в образовательный процесс в 5 классе на примере курса «Всеобщей истории. История Древнего мира» позволит педагогу решать следующие, наиболее сложные, на взгляд автора, задачи преподавания:

– оптимизация отбора и распределение материала по модулям, например, информационный может включать работу с картой (определить географическое положение изучаемых цивилизаций – Египет, Греция, Рим), работу с персоналиями (составление синквейнов, кластеров, таблиц) и т.д.;

– внедрение новых концептуально-методологических подходов. Парадигмой современного образования является компетентностный подход, именно поэтому он стал приоритетным при построении программы курса «Истории Древнего мира»;

– дифференциацию форм и типов учебной деятельности в зависимости от особенностей класса, системы работы учителя (диагностика и коррекция работы с классами, определение траектории работы);

– оптимизация контроля знаний (создание банка заданий в электронной форме по разделам и темам);

– включение познавательных заданий в образовательный процесс, например, на этапе закрепления материала;

– обеспечение получения глубоких знаний при сохранении здоровья (разработка и внедрение упражнений для снятия напряжения и усталости с учетом возрастных особенностей обучающихся).

Примером использования ЭОР на этапе закрепления материала, может выступать задание по теме «Греки и критяне». В результате раскопок археологи обнаружили на острове Крит древние дворцы с множеством помещений. Вокруг дворцов располагались города, которые в отличие от греческих городов не имели оборонительных стен. Как вы думаете, почему критские города не имели оборонительных стен? (4. С. 257)

Применение электронных образовательных ресурсов в системе позволит создавать конкретные образы фактов, времени, пространства; будет способствовать развитию наблюдательности, воображения, памяти, речи обучающихся, и в конечном итоге развитию познавательного интереса к предмету истории. Подчеркнем, что речь идет о создании конкретных образов, где большое значение имеет визуализация, а значит и формирование исторических представлений школьников.

Литература:

1. Алексеева Л. В. Методика преподавания истории с использованием цифровых образовательных ресурсов // Разработка и методика применения в учебном процессе ЦОР. Практика экспертизы и рецензирования ЦОР в НГГУ. Нижневартковск, 2009. С. 17-18.

2. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Методика преподавания истории в школе. М.: Владос-Пресс, 1999.

3. Крушкол Ю.С. и др. Хрестоматия по истории Древнего мира. / Под редакцией Черкасовой Е.А. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 2007.

4. Сафронова И.В., Лебедев И.Е. Информационные технологии в системе исторического образования // Методист. 2002. № 5. С. 51–52.

5. Стрелова О. Ю. Современный урок истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2015. №10. С. 72

6. Чернов А. И., Морозов А. Ю., Пучков П. А., Абдулаев Э. Н. Компьютер на уроках истории и обществознания: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2009.

7. См.: Яковлева Е.В. Электронные ресурсы в школьном образовании: генезис и современное состояние (на примере курсов истории) // Актуальные проблемы преподавания истории в различных типах образовательных организаций / Отв. ред. д.и.н., проф., Заслуженный деятель науки ХМАО-Югры Л.В. Алексева. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2014. Ч. 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<p>МЕЛЬНИКОВ Никита Николаевич</p>	<p>кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail: kaf-istros@uspu.ru</p>
<p>МЕЛЬНИКОВА Наталья Викторовна</p>	<p>кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук адрес: г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16 e-mail: melnatvik@mail.ru</p>
<p>МИКИТЮК Владимир Петрович</p>	<p>к. и. н., старший научный сотрудник сектора экономической истории ФАНО ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. адрес: 620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, дом № 16, кабинет № 1114. e-mail: vmikitjuk@mail.ru</p>
<p>МИХАЛЕВ Николай Анатольевич</p>	<p>кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, дом № 16 e-mail: n.mikhalev@mail.ru</p>
<p>НЕКЛЮДОВ Евгений Георгиевич</p>	<p>доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН адрес: 620999, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16 e-mail: ntplant9@mail.ru</p>
<p>НЕФЕДОВ Сергей Александрович</p>	<p>доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН адрес: 620026, г. Екатеринбург, ул. Декабристов 16/18, кв. 50«б». e-mail: hist1@yandex.ru</p>
<p>ОСТРОВКИН Денис Леонидович</p>	<p>аспирант исторического факультета, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru</p>

<p>ПРИЩЕПА Александр Иванович</p>	<p>доктор исторических наук, профессор. Профессор кафедры истории России Сургутского государственного университета ХМАО Югры. адрес: 628000.г.Сургут. ул. Ленина 1.Сургутский государственный университет. e-mail: aiprishepa@yandex.ru</p>
<p>ПУХОВ Денис Юрьевич</p>	<p>заведующий кафедрой истории и экономической теории ФГБОУ ВПО «Уральский государственный лесотехнический университет», УГ-ЛТУ адрес: 620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 376, корп. Б, к. 132. e-mail: histp5@gmail.com</p>
<p>ПЬЯНКОВ Степан Александрович</p>	<p>кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, дом № 16 e-mail: kliostefan@mail.ru</p>
<p>РУКОСУЕВ Евгений Юрьевич</p>	<p>Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail : rukosuev@mail.ru</p>
<p>САВИЧЕВА Юлия Олеговна</p>	<p>аспирантка МГТУ им. Г.И.Носова г. Магнитогорска email: yulechka_12may@mail.ru</p>
<p>СОКОЛОВА Елена Станиславовна</p>	<p>кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Уральская государственная юридическая академия адрес: 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54 e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru</p>
<p>СОЮРОВА Алена Васильевна</p>	<p>ИИиА УрО РАН, Отдел археологии и этнографии, научный сотрудник адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16 e-mail: helenka-nav@yandex.ru</p>

СПЕРАНСКИЙ Андрей Владимирович	доктор исторических наук, профессор, зав. сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г.Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской. 16 e-mail: avsperansky@mail.ru
ТРИФОНОВ Александр Николаевич	Доктор исторических наук, доцент кафедры философии и культурологи Институт международных связей адрес: 620141, г.Екатеринбург, ул.С. Перовской, 115
ТРОФИМОВ Андрей Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет e-mail : 2519612@rambler.ru
ТЮШНЯКОВ Святослав Михайлович	аспирант сектора политической и социокультурной истории, института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. адрес: 620137, 16, Екатеринбург. e-mail : Slava.tyshnyakov@gmail.com
ФИЛАТОВ Сергей Викторович	кандидат исторических наук, доцент кафедры Исторических наук и политологии юридического факультета РГЭУ (РИНХ), адрес: 344010, г. Ростов-на-Дону, Россия e-mail : filatovsv@rambler.ru
ФИЛАТОВ Владимир Викторович	доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»; адрес: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38; e-mail v.philatov@mail.ru
ЧЕРЕЗОВА Оксана Геннадьевна	кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный лесотехнический университет адрес: г. Екатеринбург, Сибирский тракт 37 e-mail: okssch@mail.ru
ЧЕРНОУХОВ Эдуард Анатольевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: echernoukhov@yandex.ru

ЧЕРНЫШЕВА Инна Ивановна	учитель истории и обществознания в МБВСОУ "Вечерняя (сменная) общеобразовательная школа № 62". e-mail: inna_milena@mail.ru
ШУМКИНА Татьяна Геннадьевна	кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: shumkina.77@mail.ru
Секция 2. Человек, общество, история: Запад – Россия – Восток	
АЛЕКСЕЕВА Елена Вениаминовна	доктор исторических наук, профессор РАН, в.н.с. сектора методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН; с.н.с. Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета; адрес: 620990, ул. С.Ковалевской, 16. e-mail : alekseeva167@mail.ru
ГАВРИЛОВ Дмитрий Васильевич	доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург) адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail : k.kourova@yandex.ru
МЕЗЕНЦЕВ Виктор Федорович	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теории и методики обучения социально-гуманитарного института, Нижнетагильская социально-педагогическая академия адрес: 622031, Н-Тагил, Красногвардейская, 57 e-mail : vicmir10@gmail.com
ОГОНОВСКАЯ Изабелла Станиславовна	кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и социологии воспитания УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина адрес: г. Екатеринбург, Сиреневый бульвар, 14 e-mail: izabella-irro@mail.ru
ПОСТНИКОВА Алена Александровна	кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет

	<p>адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26</p> <p>e-mail : alina33_07_87@mail.ru</p>
<p>ШИСТЕРОВ Максим Валерьевич</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет</p> <p>адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26</p> <p>e-mail: mshisterov@rambler.ru</p>
<p>ЯКОВЛЕВА Елена Владимировна</p>	<p>Студентка аспирантуры 1 год обучения кафедры истории России Нижневартовского Государственного Университета</p> <p>e-mail: lenchik086@mail.ru</p>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

<p>MELNIKOV Nikita Nikolaevich</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of political and socio-cultural history of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences</p> <p>address: 620990, Yekaterinburg, st. Sofia Kovalevskaya Str. 16</p> <p>e-mail: kaf-istros@uspu.ru</p>
<p>MELNIKOVA Natalia Viktorovna</p>	<p>candidate of historical Sciences, senior researcher, Institute of history and archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences</p> <p>address: Yekaterinburg, Kovalevskaya str., 16</p> <p>e-mail: melnatvik@mail.ru</p>
<p>МЫКЫТЫУК Vladimir Petrovich</p>	<p>candidate of historical Sciences, senior researcher of the economic history of FANO DIRECTOR of the Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS.</p> <p>address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kovalevskoy, building No. 16, room 1114.</p> <p>e-mail: vmikitjuk@mail.ru</p>
<p>МИХАЛЕВ Nicholay Anatolyevich</p>	<p>candidate of historical Sciences, academic Secretary of the Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS</p> <p>address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kovalevskoy, house No. 16</p> <p>e-mail: n.mikhalev@mail.ru</p>

NEKLYUDOV Eugeny Georgievich	doctor of historical Sciences, chief researcher of the economic history Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS address: 620999, Yekaterinburg, ul. Sofyi Koval'skoy, 16 e-mail: ntplant9@mail.ru
NEFEDOV Sergey Aleksandrovich	Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS address: 620026, Yekaterinburg, Dekabristov str 16/18, apt 50"b". e-mail: hist1@yandex.ru
OSTROVKIN Denis Leonidovich	I postgraduate year of training, the Faculty of History USPU address: 620017, Yekaterinburg, pr.Kosmonavtov 26 e-mail : ostrovkin.denis@yandex.ru
PRISCHEPA Aleksandr Ivanovich	Doctor of historical sciences, professor, professor of the history of Russia Surgut State University Khanty-Ugra address: 628415 Curgutul. Gubkina 23-158 e-mail : airishepa@yandex.ru
PUKHOV Denis Yurievich	head of the Department of history and economic theory of fsbei HPE "Ural state forestry engineering University", USFU address: 620100, Yekaterinburg, Siberian trakt, 37B, Bldg. B, K. 132. e-mail: histp5@gmail.com
PYANKOV Stepan Aleksandrovich	candidate of historical Sciences, researcher of the economic history Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS (Yekaterinburg) address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Koval'skoy, house No. 16 e-mail: kliostefan@mail.ru
RUKOSUEV Eugeny Yurievich	Doctor of historical Sciences, leading researcher, Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Koval'skoy, 16 e-mail: rukosuev@mail.ru
SAVICHEVA Julia Olegovna	postgraduate student of the Bauman MSTU. G. I. Nosov, Magnitogorsk email: yulechka_12may@mail.ru

<p>SOKOLOVA Elena Stanislavovna</p>	<p>associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law University address: 620137, Yekaterinburg, Kolmogorova Str., 54 e-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru</p>
<p>SOURAVA Alena Vasilievna</p>	<p>IIIa UrB RAS, Department of archaeology and Ethnography, researcher address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kova-levskoy, 16 e-mail: helenka-nav@yandex.ru</p>
<p>SPERANSKY Andrey Vladimirovich</p>	<p>Doctor of History, Professor, Head. sector of the political and socio-cultural history of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences address: 620990, Yekaterinburg, st. Sofia Kova-levskaya Str. 16 e-mail: avsperansky@mail.ru</p>
<p>TRIFONOV Aleksandr Nikolaevich</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies Institute of International Relations address: 620141, Yekaterinburg, ul.S. Perovskite, 115 e-mail : k.kourova@yandex.ru</p>
<p>TROFIMOV Andrey Vladimirovich</p>	<p>Doctor of historical Sciences, Professor of the Department of General and economic history of the Ural state economic University address: 620142 Yekaterinburg, ul. 8 Marta. 62. K. 354 e-mail: 2519612@rambler.ru</p>
<p>TYUSHNYAKOV Svyatoslav Mihailovich</p>	<p>graduate student, political and socio-cultural sector history of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. address: 620990, Yekaterinburg, st. Sofia Kova-levskaya Str. 16 e-mail: slava.tyshnyakov@gmail.com</p>
<p>FILATOV Sergey Viktorovich</p>	<p>candidate of historical Sciences, associate Professor in the Department of Historical Sciences and political Sciences at the law faculty of Rostov state University of Economics (RINH), address:344010, Rostov-on-don, Russia e-mail : filatovsv@rambler.ru</p>

FILATOV Vladimir Viktorovich	doctor of historical Sciences, Professor, Professor of chair of history of Russia Federal STATE budgetary educational institution "Magnitogorsk state technical University. G. I. Nosov"; address: 455000, Magnitogorsk, Lenin Ave., 38; e-mail: v.philatov@mail.ru
CHEREZOVA Oksana Gennadyevna	candidate of historical sciences, Ural State Forestry University address: Yekaterinburg, Siberian highway 37 e-mail: okssch@mail.ru
CHERNOUKHOV Eduard Anatolevich	candidate of historical sciences, associate professor of the history of Russia, Ural State Pedagogical University address: 620017, Yekaterinburg, pr.Kosmonavtov 26 e-mail: echernoukhov@yandex.ru
CHERNYSHEVA Inna Ivanovna	teacher of historyandsocial science. Municipal budgetary evening Shifteducational institution «Evening (Shift) comprehensive school No. 62 address: Lesnoy city, Karl Marx Street, 15 e-mail: sch62@edu.lesnoy.ru
SHUMKINA Tatiana Gennadiyevna	Urals state pedagogical University, Historical Department, Russia, Yekaterinburg; associate professor of the Department of General history, candidate of historical Sciences, assistant professor address: 620017, Russia, Yekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26 e-mail: shumkina.77@mail.ru
SECTION 2. Man, society, history: the West – Russia – East.	
ALEKSEEVA Elena Veniaminovna	doctor of historical Sciences, Professor Russian Academy of Sciences, leading researcher of the sector of methodology and historiography of Institute of history and archaeology, Urals branch of Russian Academy of Sciences; senior researcher at editorial Archeography Laboratory at Ural Federal University; address: 620990, S. Kovalevskaya str., 16. e-mail : alekseeva167@mail.ru
MEZENTSEV Victor Fedorovich	candidate of historical Sciences, associate Professor of history, theory and methods of teaching socio-humanitarian Institute, Nizhny Tagil socio-pedagogical Academy

	<p>address: 622031, N-Tagil, Krasnogvardeyskaya, 57</p> <p>e-mail : vicmir10@gmail.com</p>
<p>OGONOVSKAYA Isabella Stanislavovna</p>	<p>candidate of historical science, Associate professor of the Chair of Humanities SESC (Specialised Educational Scientific Centre) Ural Federal Yeltsin University</p> <p>address: Yekaterinburg, Lilac Boulevard, 14</p> <p>e-mail: izabella-irro@mail.ru</p>
<p>POSTNIKOVA Alena Alexandrovna</p>	<p>candidate of historical sciences, associate professor of chair of general history of Ural state pedagogical university</p> <p>address: 620017, Yekaterinburg, pr.Kosmonavtov 26</p> <p>e-mail : alina33_07_87@mail.ru</p>
<p>SHISTEROV Maxim Valeryevich</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, Ural State Pedagogical University</p> <p>address: 620017, Yekaterinburg, pr.Kosmonavtov 26</p> <p>e-mail: mshisterov@rambler.ru</p>
<p>YAKOVLEVA Elena Vladimirovna</p>	<p>Post-graduate student of 1 year of training in the Department of history Russianenglish State University</p> <p>e-mail: lenchik086@mail.ru</p>

Научное издание

**Воспитание и обучение истории в школе и вузе:
исторический опыт, современное состояние
и перспективы развития**

Ежегодник. XX всероссийские историко-педагогические чтения
Часть II

Рекомендовано к изданию Ученым советом
исторического факультета УрГПУ
(протокол № 7 от 03.03. 2016 г.)

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН
(протокол № 1 от 09.03.2016 г.)

Компьютерная верстка – Г.А. Кругликова, К.И. Коурова

Подписано в печать Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Усл.-печ. л.

Уч.-изд. л. 19,07. Тираж 100 экз. Заказ _____.

Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Тел. (343) 235-76-30. Факс (343) 336-12-42

ISBN 978-5-7186-0652-2